

УДК 902/904

Ю. Ю. Каргин

**КАЗАЧИ-НЕКРАСОВЦЫ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ СТАРОЙ КУБАНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОХРАННЫХ РАСКОПОК
ПОСЕЛЕНИЯ БЕЛОЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЕ В 2014 Г.)***

В статье публикуются материалы раскопок поселения Белое Юго-Восточное из культурных слоев Некрасовского селения 40—70-х гг. XVIII в. на правом берегу Старой Кубани. Феномен поселений казаков-некрасовцев рассматривается в контексте церковного раскола, русской колонизации, усиления Российского государства с последующей ликвидацией угрозы на южных рубежах путем присоединения Прикубанья и Крыма. Анализируются стратиграфия памятника, немногочисленные хозяйственные ямы и погребение, массовый материал (керамика, кости животных), монеты и прочие находки. Аналогии им встречены повсеместно на территории южной, центральной, северной России, Урала и Сибири.

Реконструируется этно-территориальная принадлежность населения, особенности хозяйства, быта, мясного потребления и денежного обращения. По состоянию исследованного участка поселка, наличию многочисленных пушечных ядер, а также по данным письменных источников устанавливаются обстоятельства и дата его гибели.

Главным итогом статьи является определение узко датированных материалов поселений казаков-некрасовцев в качестве реперных для датировки и изучения древностей позднего средневековья — нового времени в Приазовском и Причерноморском регионах.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, Крымское ханство, Османская империя, Российское государство, поселение Белое Юго-Восточное, Некрасовское селение, Таманский полуостров, позднее средневековье, новое время, стратиграфия, хозяйственные ямы, погребение, серебряные и медные монеты, счетные жетоны, керамика, курительные трубки, кости животных, предметы быта, ремесло, предметы туалета, промысловый инвентарь, сельскохозяйственный инвентарь, скотоводство, предметы вооружения, боеприпасы, артиллерийские ядра, предметы культа, детали костюма, украшения.

Сведения об авторе: Каргин Юрий Юрьевич — кандидат исторических наук, начальник научной службы ООО «Археологическая экспедиция» (Ростовская область).

Контактная информация: 413857, Россия, Саратовская область, г. Балаково, ул. Наб. Леонова, д.22, кв.105; тел. +7-937-704-75-72, e-mail: karginyu@mail.ru.

Ju. Ju. Kargin

**NEKRASOV-COSSACKS ON THE OLD KUBAN RIVER RIGHT BANK (BASED ON
SECURITY EXCAVATIONS OF “SOUTH-EAST BELOYE” SETTLEMENT IN 2014)**

The article for the first time describes the materials of «South-East Beloye» settlement's excavations from cultural layers 1740—1770th of Necrasovskoye seleniye on the right bank of Old Kuban river. The phenomenon of the Nekrasov Cossack's settlements considered in context of Raskol of the Russian Orthodox Church, Russian colonization and strengthening of the Russian State with subsequent liquidation of menace for the south frontier standing by joining of Kuban and Crimea regions. The stratigraphy of archaeological site, the rubbish-heaps and burial, mass materials (a broken pottery and animal bones), coins and other artefacts are analyzed. Their analogs are founded everywhere on the area of Southern, Central and Northern Russia, Ural and Siberia.

The nationality of settlers, the character of their economy, domestic life, nutrition and circulation of coins are reconstructed in the article. The character of the cultural layer, a lot of cannonballs, and the information from written sources permitted to establish the circumstances and time of the settlements blight.

* Статья поступила в номер 27 октября 2016 г.
Принята к печати 02 ноября 2016 г.

The main conclusion of the article is ascertainment of narrowly dated Necrasov Cossack's settlements as basic for dating and investigating of the late Middle Age and Modern times antiquities of the coast of Azov and Black seas.

Key words: Nekrasov Cossack's, Crimean Khanate, Ottoman Empire, Russian State, South-East Belye settlement, Nekrasovskoye seleniye, Taman peninsula, late Middle Age, Modern Times, stratigraphy, rubbish-heaps, burial, silver and copper coins, counting tokens, pottery, tobacco pipes, animal bones, household items, craft, toilet wares, fishing equipment, agricultural implements, cattle breeding, armament items, ammo, cannonballs, devotional articles, costume details, ornamentals.

About the author: Kargin Jury Juryevich — Candidate of Historical Sciences, Head of Scientific Service at the Limited Liability Company "Archaeological expedition" (Rostov region).

Contact information: 413857, Russia, Saratov region, Balakovo, Naberejnaya Leonova St., 22—105; tel.: +7-937-704-75-72, e-mail: karginy@mail.ru.

Материалы поселений XVII—XVIII вв. на юге России в последнее время вызывают все более оживленный интерес среди исследователей. Это связано в частности с недостаточной изученностью корпуса архивных источников по истории Прикубанья и Крыма до их вхождения в состав Российской империи. Культурные слои этого периода встречены на крупных античных городищах, таких как Фанагория, Горгиппия, Гермонасса, Кепы, Патрей и др., на территории современных населенных пунктов: Краснодар, Анапы, Славянск-на-Кубани и прочих. Такие поселения могли быть как турецкими форпостами и портами, так и ставками крымских татар, поселениями казаков-некрасовцев, селениями абазы, ногайцев, адыгейцев, черкесов и прочих народностей. Не менее интересный пласт археологических данных связан с укреплением России в Прикубанье, строительством опорных пунктов и крепостей (Кубанская и Черноморская кордонные линии), сложными отношениями с горскими народами и переселением сюда в кон. XVIII в. черноморских (бывших запорожских) казаков.

Описание и интерпретация археологических материалов позднего средневековья — нового времени неизменно вызывают сложности различного порядка, поскольку концептуальные подходы в этом направлении пока лишь разрабатываются. Наиболее активно археология этого периода развивается в исторических городах европейской части России: Москве, Новгороде, Пскове, Санкт-Петербурге, Твери, в Камско-Вятском регионе и Сибири (Беляев 2014: 11). Разными исследователями разработаны описательные и классификационные схемы по отдельным категориям находок, пока еще во многом несовершенные, — по керамике, крестам-тельникам, перстням, курительным трубкам, различным предметам быта, боеприпасам и др., широко известны каталоги монет.

Наиболее изученными на юге России являются археологические материалы с территории Азова и близлежащих крепостей: они традиционно публикуются в специальных сборниках Азовского музея-заповедника и прочих изданиях. Однако перемешанность культурных слоев зачастую не позволяет вычленивать материалы XVIII в., отбор которых осуществляется по единичным закрытым комплексам. Известны попытки исследования пунктов кордонных линий, например, Фанагорийской крепости (Устаева 2008). Культурные слои и объекты XVIII в. изучались в ходе охранных раскопок прикубанских поселений Белое Юго-Восточное, Белый-2, Ханьков II и кургана № 2 курганной группы 46 у х. Ханьков, осуществлявшихся экспедициями ООО «Археологическое общество Кубани» (Каргин 2013а; Каргин 2013б; Каргин 2017б; Магирия-Кирсанова 2014б; Матаев 2016). Тем не менее, единственным полностью раскопанным памятником позднего средневековья — нового времени является поселение «Волна-12» площадью 31000 м² на Таманском полуострове, идентифицируемое авторами раскопок как пастушеский аул Тереклыкой (Белов и др. 2015;

Горошников, Кладченко 2015: 20—25). Материалы вышеуказанных раскопок в большинстве своем пока не введены в научный оборот и требуют серьезного научного осмысления.

В современной археологической литературе материалы позднего средневековья — нового времени на территории Причерноморья и Приазовья рассматриваются исследователями как находки османского или турецкого времени (Волков 2005: 482—492; Волков, Петерс 2003: 244—261; Горошников, Кладченко 2015: 20—25; Чхаидзе 2012: 282—285). Обычно их описанию уделяется недостаточно внимания, публикации имеют довольно обобщенный характер, а вместо прорисовок часто используются недостаточно информативные фотографии (Белов и др. 2015: 26—31; Волков 2006: 473—497; Гудименко, Кузьмин 1994: 39—44; Гусач 2006а: 127—141; Гусач 2006б: 497—516; Рогудев 2007: 65—81; Чеснок 1988: 66—73). С интенсификацией исследований в зонах новостроек Прикубанья и Крыма материалы XVII—XVIII вв. встречаются все чаще и требуют более дифференцированного и комплексного подхода с привлечением письменных и картографических источников.

В этой связи интерес вызывают материалы поселения казаков-некрасовцев Белое Юго-Восточное на востоке Темрюкского района Краснодарского края, охранные раскопки которого осуществлялись в 2014 г.¹ Доводы в пользу столь однозначной этнической интерпретации этих материалов представлены ниже и выглядят весьма убедительными.

Казаки-некрасовцы — чрезвычайно интересное и малоизученное историческое явление. Важные сведения об их хозяйственном укладе и селениях содержатся в книге В. А. Соловьева о пребывании Суворова на Кубани (Соловьев 1992). Наиболее обстоятельными представляются работы Д. В. Сень, который на основании широкого круга архивных документов рассматривает социально-политическую историю некрасовцев на Кубани, в турецкой эмиграции и после возвращения на родину (Сень 2002; Сень 2010: 115—136). Казаки-староверы бежали на Кубань после церковного раскола еще в кон. XVII в. В 1708 г. после разгрома Булавинского восстания туда же устремилась большая группа «верховых» донских казаков со скарбом и семьями под предводительством Игната Некраса (Некрасова). С течением времени образ авторитетного атамана приобрел мессианские черты, а казаки стали именовать себя некрасовцами. Получив статус подданных крымского хана, некрасовцы расселились в Прикубанье, участвуя в военных походах и войнах на стороне Турции и Крымского ханства, выполняя роль провожатых в донские земли, а попутно сманивали бывших своих земляков на Кубань. Так сформировалось «войско кубанское игнатово кавказское», которое имело свою войсковую печать, знамя и постоянно пополнялось. Сбежав от гонений царизма и новой «никонианской» церкви, на Кубани, богатой природными ресурсами, некрасовцы смогли реализовать мечту о настоящей казачьей вольнице, сохранить свою веру и традиции. Благодаря невмешательству и даже поддержке крымских ханов Кубань стала одним из крупных православных старообрядческих центров XVIII в. (Сень 2010: 115—136). Оценив действия «некрасовцев» как измену, российские правители нарекли их «воровскими казаками». Те же в свою очередь, небезосновательно опасаясь возвращения на родину, отказывались от переговоров, их встречи с парламентами нередко заканчивались перестрелкой и захватом пленных.

География расселения некрасовцев довольно широка. По архивным источникам известно, что первоначально некрасовцы поселились между Темрюком и Копылом (совр. Славянск-на-Кубани). Ими были основаны городки Голубинский, Блудиловский и

¹ Выражаю благодарность В. В. Матаеву за возможность использовать материалы раскопок в публикации (Матаев 2016), а также заместителю директора по научной работе Анапского музея-заповедника А. М. Новичихину, инициировавшему публикацию этих материалов и осуществившему первичную редактуру статьи.

Чирянский, сюда же постепенно стекались перебежчики с Дона, которые основывали отдельные слободы. Селились они неприметно, среди лиманов, обнаружить, а тем более захватить их поселения было весьма непросто. Кроме того, в устье Старой Кубани была построена пристань, на которой казаки держали парусные суда (Ригельман 1992: 200). В архивных документах встречаются упоминания и других населённых пунктов: Кара-Игнат, Хан-Тюбе, Савельевское, Керменчик, Кара-Керменчик (у х. Ханьков), у Копыла (г. Славянск-на-Кубани), у горы Кедомит (совр. Андреева гора) и прочих. Натиск правительственных войск в середине 1730-х гг. заставил некрасовцев отступить за Кубань, наиболее богатые же из них мигрировали в Крым и Турцию. Из приводимого В. А. Соловьевым рассказа полковника К. Гамбома (Ганбома) А. В. Суворову зимой 1777—1778 гг. следует, что *«некрасовцы, бежав сюда (на Таманский остров и правобережье Старой Кубани — Ю. К.) с правобережья Кубани, на месте античных и римских городищ построили три укрепленных городка, под прикрытием которых со временем появились и хутора. Обилие рыбы, дичи, трав, тучные земли — все это давало возможность некрасовцам жить безбедно. К тому же крымский хан освободил их от налогов, но заставил в случае военных действий Крыма против России выставлять один конный полк. Сорок лет жили здесь свобододлюбивые люди, пахали землю, пасли скот, разводили лошадей. Звучными, протяжными песнями Дона встречали и провожали зори, нянчили малышей у своих жилищ, приучали подростков и к тяжелому крестьянскому труду, и к тяжелой пике»* (Соловьев 1992: 70). Д. В. Сень на основании архивных документов, данных топонимики и свидетельств современников предлагает рассматривать в качестве основных локусов казачьих поселений участок Таманского острова среди кубанских лиманов — между Таманью и Темрюком, а также территорию вблизи Копыла (Сень 2002: 31—35). При этом важно отметить, что веские археологические свидетельства о локализации казачьих поселений в Прикубанье появились лишь недавно, а попыток соотнесения бытовых и погребальных памятников XVIII в. с городками и хуторами казаков-некрасовцев ранее не предпринималось. Материалы раскопок таких памятников, несомненно, должны иметь набор специфических черт и отчётливые хроноиндикаторы.

Поселение Белое Юго-Восточное, участок которого был исследован в 2014 г., расположено на широкой оползневой террасе правобережного мыса, обращенного к пойме Старой Кубани, к востоку от хутора Белый, общая площадь памятника составляет чуть более 176 тыс. м² (рис. 1: 1, 2). С востока к склону террасы, на котором располагался участок поселения, примыкает полотно железной дороги. Мыс хорошо заметен издалека и относится к цепи Широчанских высот правобережья Старой Кубани между Кубанским (в настоящее время — Кизилташским) и Темрюкским (Ахтанизовским) лиманами. Название высоты получили от прибывших сюда в кон. XVIII в. черноморских казаков (Соловьев 1992: 68).

На карте Таврической области 1792 г., составленной А. Вильбрехтом, на этом месте, южнее Екатерининской крепости (совр. поселок совхоза Стрелка), у начала дельты Старой Кубани, значится населенный пункт *«Некрасовское селение»* (рис. 1: 2). В архивных документах кон. XVIII в. содержится немало прямых указаний на расположение «прежних» селений некрасовских казаков «при крепости Екатерининской» (Сень 2002: 33). При описании маршрута А. В. Суворова, посетившего низовья Кубани зимой 1777—1778 гг., В. А. Соловьев указывает, что влево за лиманом (за *Кизилташским и Витязевским лиманами со стороны Джеметейской косы — Ю. К.*) виднелись холмистые высоты правобережья Кубани, где, по словам полковника Макарова, еще недавно жили некрасовские казаки. Макаров поставил у пролива два военных бота. Но опасаясь, что некрасовцы могут нанести удар по Тамани, донес генералу И. Ф. Бринку 14 апреля 1777 г., что *«для удержания*

некрасовцев не бесполезно было бы там при Кубани со здешнего берега учредить пост, который в случае такового оных покушения может их вредить пушечными выстрелами...». От урочища Суяки А. В. Суворов проследовал к бывшему некрасовскому городку «Большая станица», перестроенному генералом И. Ф. Бринком в Некрасовский пост (укрепление), нареченный им Екатерининской крепостью. Путь командующего пролегал по обрывистому правому берегу Кубани, минуя гору Гирлянная. «Под высотами на восток шириной верст в пять простиралась пойма Кубани — болотистая низина, покрытая морем камыша высотой до двух сажений, где и человек, и зверь легко могли укрыться. Через несколько верст, слева от дороги, начали попадаться развалины селений, где еще полгода назад жили некрасовские казаки». Одним из этих селений, судя по всему, было поселение Белое Юго-Восточное, обозначенное на карте 1792 г. как Некрасовское селение. Некрасовские хутора были разгромлены войсками генерала И. Ф. Бринка и полковника К. Ганбома (Гамбома) всего несколько месяцев назад, 17 сентября 1777 г. Переправляясь через Казачий ерик, А. В. Суворов повстречал нескольких вооруженных мужчин, ловивших рыбу сетями и назвавшихся некрасовцами (Соловьев 1992: 67—70). Таким образом, несмотря на разгром поселений, некрасовцы довольно свободно передвигались по заросшей камышами пойме реки, возвращаясь в излюбленные промысловые места. Ерик Казачий был известен еще и тем, что по нему к Дубовому рынку (аул старшего брата крымского хана — Батыр-Гирея) казаки прорывались, чтобы отбить русских пленников, продававшихся на невольничьем рынке, а заодно «пошарпать» прибрежные аулы.

О местонахождении прочих казачьих хуторов вблизи Екатерининской крепости могут свидетельствовать также материалы раскопок поселения Белый-2 у посёлка Радуга, в 1,5 км к северу от поселения Белое Юго-Восточное, проводившихся в том же году экспедицией А. П. Магиря-Кирсановой (ООО «Археологическое общество Кубани»). Верхние, слабо насыщенные находками слои по нескольким российским монетам могут быть датированы 1760—1770-ми гг., здесь же встречена характерная поливная керамика «крымской» группы. О напряжённости борьбы за эти территории в конце 1770-х гг. свидетельствует групповое захоронение пяти человек, беспорядочно сброшенных в яму, с признаками насильственной смерти: их черепа рассечены, в нескольких случаях отрублены конечности, а у двух погребённых в районе живота и груди обнаружены свинцовые сферические пули. (Магиря-Кирсанова 2014b).

Более чем через полвека после разгрома некрасовцев на составленной в 1847 г. карте Черноморской кордонной линии в районе современного х. Белый обозначен п.к. Ново-Григорьевский (хотя он был разгромлен черкесами еще в нач. XIX в.), а к югу от него, в пойме этого же берега реки, напротив села Джигинка, — батарея Джигитская (рис. 1: 3). На археологической карте Е. Д. Фелицына 1882 г. на Широчанских высотах не указано ни одного населенного пункта, но к востоку от бывшего Некрасовского селения отмечена Джегинская переправа, имевшая, судя по всему, важное стратегическое значение (рис. 1: 4).

Как объект культурного наследия поселение Белое Юго-Восточное выявлено совсем недавно — в 2012 г. О. Д. Прасоловой. На археологических картах кон. 1920-х — нач. 1930-х гг. памятник не значился, хотя на участке вплотную к его северной границе было отмечено античное поселение. По итогам масштабных разведок Я. М. Паромова в 1980-е гг. это поселение было названо «Белый-1» (Паромов 1992: 141, 144), а в 2002 г. поставлено на учет как объект культурного наследия. В 2012 г. на различных участках поселения Белое Юго-Восточное К. А. Крутоголовенко заложил 3 шурфа (шурфы 1, 2 и 20) с целью уточнения его восточной границы (Крутоголовенко 2013). В 2014 г. А. П. Магиря-Кирсанова заложила 6 шурфов за пределами территории памятника (шурфы 1—6) (Магиря-Кирсанова 2014a). В

этом же году экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством В. В. Матаева и автора данной статьи организованы охранные раскопки восточного участка поселения (Матаев 2016). Полевые работы велись под руководством П. М. Соколова и В. Г. Беджаняна, камеральные работы — С. А. Бейлиной (Кононовой) и Ю. Ю. Каргиным, антропологические определения выполнены Е. Г. Зубаревой, археозоологические — В. В. Соломахой. Материалы раскопок сданы в Азовский музей-заповедник.

Земельный отвод под проектируемую реконструкцию железной дороги проходил по восточной части поселения, расположенной в балке между двумя отрогами высокой террасы. Раскоп 2014 г. располагался к западу от железной дороги, вплотную к ней, имел форму многоугольника и был вытянут в направлении север — юг с отклонением в 5° к западу. Площадь раскопа с прирезками над ямами и объектами составила 1931 м² (рис. 2—3). В ходе раскопок уточнена восточная граница территории памятника, которая продолжалась в восточном направлении и уходила непосредственно под насыпь железной дороги. В качестве нулевого репера (R0) для поселения выбрано основание цилиндрической бетонной опоры № 53 вдольтрассовой ВЛ 110 кВ, расположенной к востоку от поселения, за железнодорожной насыпью. В качестве нулевого репера раскопа был выбран его северо-восточный угол (R0'), который находился на 0,88 м выше, чем R0 поселения Белое Юго-Восточное. Все нивелировочные отметки высчитывались относительно R0'. Раскопки осуществлялись условными пластами по 20 см, перед разбором каждого пласта, а также при проверке отвалов раскопа для выявления металлических предметов применялся металлодетектор «Minelab GPX 5000» (оператор — И. А. Пятак). Все находки учтены в статистических таблицах по пластам и квадратам (табл. 1, 2, 4), наиболее представительным из них по полевой описи присвоена сквозная нумерация: отдельно учтены наиболее показательные фрагменты массового керамического материала (в т. ч. посуды из полуфаянса и стекла) и индивидуальные находки.

Стратиграфия

Мощность культурных напластований в пределах раскопа достигала 2—2,2 м, с подъемом по склону балки она уменьшалась до 0,2—0,4 м (рис. 3).

Стратиграфия памятника представляется как последовательное чередование культурных слоев трех поселений: кон. VI — нач. IV вв. до н.э., II в. до н.э. — II в. н.э., а также XVIII в. Помимо этого, в раскопе встречены отдельные находки периода средневековья (VII—X вв.). Между культурными напластованиями всех трех поселений прослеживались прослойки погребенной почвы подстилающих их горизонтов. В нижней, предматериковой части, у подножия склонов балки, отмечено формирование старичного аллювия болотного типа черного цвета, с заиленной, засоленной и железистой фактурой. Верхние слои оказались нетронутыми при сооружении насыпи железной дороги, лишь в южной части раскопа, на склоне, была обнаружена современная яма с мусором времен войны, а в центральной части — узкая круглая яма с остовом вертикальной деревянной цилиндрической опоры. Все напластования памятника были насыщены многочисленными находками.

Два культурных слоя поселения XVIII в., последовательно залегающие под слоем дерна, представлены в 1—3 условных пластах, а к югу и к юго-западу от центральной части раскопа — также и в 4—6 пластах. Наибольшей мощности слои достигали непосредственно у подножия склона балки, заросшей плодовыми деревьями, и заметно истончались к восточному борту раскопа. Стратиграфия напластований памятника XVIII в. выглядит следующим образом:

1. Дерн представлял собой серо-коричневый гумусированный плотный суглинок, насыщенный корневищами трав, встречался на площади всего исследованного участка поселения, мощность его в разных частях раскопа составляла около 0,15 м.

2. Коричневый плотный золистый суглинок (слой 1) представлял собой культурный слой поселения XVIII в.: его фактура однородная, со следами воздействия естественного смыва с высокой террасы. Он расположен под слоем дерна на площади всего исследованного участка поселения, его мощность на разных участках раскопа – от 0,2 до 0,4 м.

3. Темно-серый плотный гумусированный суглинок (слой 2) также представлял собой культурный слой поселения XVIII в.: его фактура однородная, со следами воздействия естественного смыва с высокой террасы, местами встречались локальные прокалы грунта до серо-коричневого и оранжевого цвета. Он расположен под слоем коричневого плотного золистого суглинка и местами разрушает нижележащие напластования памятника. Слой представлен на протяжении западного борта раскопа, а к югу от поперечной бровки Б7 — протяженным выходом в южном и восточном направлении, на этом участке его мощность достигает 0,4—0,5 м. Слой истончается и исчезает у южной границы раскопа, у подножия южного склона балки.

4. Светло-серый плотный почти стерильный суглинок естественного происхождения зафиксирован на всем протяжении раскопа под культурными напластованиями XVIII в., к югу от центральной части раскопа он практически отсутствует, так как разрушен в ходе активной хозяйственной деятельности того времени, а в нескольких местах прорезан ямами. Представляет собой подстилающий горизонт поселения XVIII в. Мощность слоя на нетронутых участках достигает 0,1—0,15 м.

Те же слои отмечаются при более внимательном рассмотрении фотографий шурфов К. А. Крутоголовенко, расположенных к западу от раскопа, на более возвышенных участках памятника (Крутоголовенко 2013).

Несмотря на очевидное различие между двумя последовательно расположенными слоями XVIII в., полученные из них археологические материалы довольно однообразны, в том числе и датирующие. Поскольку слой 1 располагается на слое 2 и за его пределами довольно равномерно, можно предположить, что он является естественным смывом остатков поселения со склона террасы. На это указывает не только истончение слоя по направлению к восточному борту раскопа, но и заметное участие сточных вод в процессе формирования всех нижележащих напластований памятника. Напротив, слой 2 связан с активной деятельностью населения поселка: его нижняя граница — неровная, в слое много переотложенных находок из античных напластований, в первую очередь, керамики. Таким образом, полученные данные подтверждают сведения В. А. Соловьева об основании некрасовских городков на месте античных поселений.

Коллекция материалов XVIII в. довольно представительна и выразительна. Первоначально казавшиеся спорными вопросы хронологии отдельных находок с легкостью решаются за счет большой хронологической лакуны между II и XVIII вв.: не только посредством поиска аналогий, но также по данным стратиграфии и степени сохранности. Плотность расположения находок увеличивается по направлению к северному и южному склонам балки, тяготея к поселенческому слою 2.

Вещевой комплекс поселения Белое Юго-Восточное по набору изделий сопоставим с известными средневековыми поселениями Дона и Волги — такими как Саркел (Белая Вежа), Дубовское и Царевское городища и прочие (Сорокин 1959: 135—199; Лапшин, Мыськов 2011), хотя и имеет ряд специфических черт. Поэтому для определения типа и функциональности тех или иных изделий в материалах данных памятников можно найти

довольно близкие аналогии. Для удобства последующего анализа распределение изделий из культурного слоя поселения Белое Юго-Восточное осуществлено по функциональному признаку, опираясь на таблицы, предложенные С. С. Сорокиным для учета железных изделий Саркела — Белой Вежи (табл. 4) (Сорокин 1959: 140). Свою специфику имеют нумизматический (табл. 3), массовый керамический (табл. 1) и археозоологический материалы (табл. 2).

Нумизматические материалы

Несмотря на наличие многочисленных каталогов, монетные коллекции с археологических памятников юга России XVII—XVIII вв. не получили должного внимания в археологической литературе, обычно встречаются публикации кладов или отдельных монет, в том числе по следам грабительских раскопок (напр., Волков 2003; Андриевский, Чореф 2015; Чореф 2015b).

Монетная коллекция из раскопа поселения Белое Юго-Восточное включает 260 монет XVII—XVIII вв. и ей уже посвящена отдельная статья (Каргин 2017a). Здесь же мы коснемся только основных тезисов и выводов.

Итак, какой-либо закономерности в расположении монет на территории памятника не выявлено: все они встречаются дисперсно, в редких случаях по 3—5. Скорее всего, монеты попали в слой в результате простой их потери в процессе функционирования расположенного выше поселка и последующего смыва со склона террасы. Наиболее массово они представлены в пластах 1—3 (84,9%), существенно меньше — в пласте 4, всего несколько найдено в пласте 5. Некоторое количество монет получено и в ходе осмотра отвалов раскопа.

На поселении представлены монеты трех государств: Крымского ханства — 245 экз. (94,3%), Российского государства — 11 экз. (4,2%), Османской империи — 4 экз. (1,5%). Результаты их определения даны в таблице 3. Кроме того, 3 монеты Крымского ханства происходят из шурфов К. А. Крутоголовенко: одна — из пласта 5 прирезки к шурфу 1, две — из пластов 2 и 3 шурфа 2.

Монеты Крымского ханства составляют абсолютное большинство, они небольшие серебряные, билонные или медные, их номинал един — бешлык² (рис. 5). При интерпретации этих монет также встречается иное название — дирхем, что категорически не верно. На лицевой стороне стилизованной арабской вязью в индивидуальной манере исполнены имя и титул хана, на оборотной изображено трехчастное: в верхнем и среднем ярусах указано место чеканки (Бахчисарай), в нижнем — год чеканки. На большинстве монет в верхнем ярусе также присутствует тарак-тамга (гребень-тамга) — тамга династии Гиреев, которая в период 1764—1768 и 1770 гг. изображалась во втором ярусе. Монеты чеканились в начале правления каждого хана, с 1740-х гг. качество их чеканки и металла ухудшалось (за исключением 1-го правления Крым Гирея). Из-за повышения содержания меди монета покрывалась темной патиной, за что ее стали называть «кара-бешлык» (черный бешлык). Монетам Крымского ханства посвящены статьи и монография О. Ретовского рубежа XIX—XX вв. (Ретовский 1889: 90—98, табл; Ретовский 1893a: 73—118, табл. I—IV; Ретовский 1893b: 79—89, табл. V; Retowski 1901: 241—308, Taf. I—VI; Retowski 1903: 10—107, Taf. VII—XI; Retowski 1905a; Retowski 1905b: 187—330, Taf. XII—XXX), а также недавно увидевший свет каталог коллекционера Н. Н. Косякина (Косякин 2013).

² Об обстоятельствах перехода на этот номинал см. (Чореф 2015b: 63—71).

Степень сохранности коллекции монет Крымского ханства с поселения Белое Юго-Восточное следует считать довольно высокой, всего лишь 7 монет (2,9%) остались неопределенными, однако их с уверенностью можно отнести к XVIII в.

Находки монет ранних датировок (с 1684 по 1743 гг.) единичны: всего в пластах 1—4 их обнаружено 21 (8,6%). Почти все они вторичного использования — с 1—2 сквозными отверстиями, а иногда и с обломанным краем (рис. 5: 1—11).

Количество монет правления Селима II Гирея 1743—1748 гг. (рис. 5: 12) по сравнению с монетами предыдущих правителей на поселении резко возрастает — до 26 (10,6%). Для вторичного использования из всей массы было отобрано лишь несколько, что свидетельствует о приоритетном использовании этих монет по прямому назначению.

Широко представлены монеты правления Арслан II Гирея 1748—1756 гг. (рис. 5: 13, 14) и последовавшего за ним Халим Гирея 1756—1758 гг. (рис. 5: 15). Их количество составляет соответственно 21 и 30 (8,6 и 12,3%). Ни в одной из этих монет нет сквозных отверстий, как элемент украшения они не использовались.

На этом фоне любопытным является факт немногочисленности монет 1-го правления Крым Гирея 1758—1764 гг. (рис. 5: 16—19), которых обнаружено всего 6 (2,4%), 5 из них использовались вторично: в монетах пробито 1—2 сквозных отверстия, а в отверстиях одной из них даже сохранились фигурные звенья серебряной цепочки (рис. 5: 17). Все эти монеты довольно крупные, с отчетливой и сложной чеканкой, они сильно отличаются от широко бытовавших на поселении монет 1743—1758 гг. Можно предположить, что приоритетной функцией монет 1-го правления Крым Гирея среди жителей поселка была декоративная, либо они ценились гораздо выше прочих.

В противовес предыдущим, высока численность монет из низкокачественного серебра, билона и меди первого правления Селима III Гирея 1764—1767 гг. (рис. 5: 20, 21). На поселении их обнаружено 51 (20,8%), некоторые обломаны. Довольно много монет первого правления Максуд Гирея 1767—1768 гг. (рис. 5: 22) и первого правления Девлет III Гирея 1769—1770 гг. (рис. 5: 24) — 25 и 21 соответственно (10,2 и 8,6%). Монет второго правления Крым Гирея 1768—1769 гг. (рис. 5: 23), правления Каплана II Гирея 1770 г. (рис. 5: 25) и второго правления Селим III Гирея 1770—1771 гг. (рис. 5: 26) в культурном слое встречено всего по одной (1,2%). Низкокачественных мелких, преимущественно медных монет правления Сахиба II Гирея 1771—1775 гг. (рис. 5: 27) снова встречается много — 28 (11,4%). Наиболее поздними являются малочисленные билонные и медные монеты второго правления Девлет III Гирея 1775—1777 гг. (рис. 5: 28), а также правившего с 1777 г. последнего крымского хана Шахин Гирея (рис. 5: 29, 30) — в количестве 4 и 2 соответственно (2,4%)³.

Монеты Российской империи на поселении встречены в небольшом количестве — всего 11 (4,2%). Преимущественно, это серебряные проволочные копейки, чеканенные в правление Михаила Федоровича с 1613 по 1645 гг. (рис. 6: 1—5), Алексея Михайловича — с 1645 по 1676 гг. (рис. 6: 6), Петра Алексеевича — с 1696 по 1704 гг. (рис. 6: 7—9). На аверсе представлено изображение копейщика, под ним изредка читается эмблема монетного двора, на монетах Петра Алексеевича — дата чеканки в буквенном обозначении: «CS» (1698 г.) или «АЩ» (1700 г.). На реверсе хорошо различимы имя и титул царя. Для изготовления монет использовалось несколько разных маточников, размеры которых зачастую превышали размер монеты, что сказывалось на качестве чеканки (Гришин, Клещинов 2001: 14—32, Гр. I, Кат. 338—343, 467, 512; Гришин, Клещинов 2005: 8—10, Гр. 1, Кат. 1614—1622, 1634; Гришин, Клещинов 2007: 7, Кат. 920). Все монеты имели 1—2 сквозных отверстия и,

³ Об обстоятельствах, приведших к одновременному нахождению в обращении этих разновременных монет см. (Андреевский, Чореф 2015: 331—332).

очевидно, использовались в качестве элементов украшения. Также на поселении встречено 2 большие медные монеты без отверстий номиналом деньга: правления Анны Иоанновны 1736 г. выпуска (рис. 6: 10), и Елизаветы Петровны — 1744 г. (рис. 6: 11) (Орлов 1994: 21—22).

Монеты Османской империи на поселении встречены в еще меньшем количестве — всего 4 (1,5%). В основном, это монеты правления султана Махмуда I 1730—1754 гг.: 2 серебряные монеты номинала пара (рис. 6: 12, 13) и 1 крупная медная номинала куруш 1735 г. (рис. 6: 14). Лишь одна серебряная пара относится ко времени правления султана Мустафы III 1758—1761 гг. (рис. 6: 15). На аверсе пар видна затертая тюльпанообразная тугра — персональный знак султана, содержащая его имя и титул, на реверсе — место и год чеканки. На аверсе куруша изображена тугра и наименование места чеканки — Константинополь, на реверсе — четырехчастная надпись, отражающая титул султана, в переводе: «*Султан двух континентов / и властитель двух морей / 5 (год правления) султан, сын / султана*» (Чореф 2011: 359—370; Cuhaj, Michael 2010: 1290—1295, КМ 193, 212, 295; Sultan 1971: 51—59; tugra.org: 1). Чеканка и исходное сырье этих монет высокого качества. Все они имели 1—2 сквозных отверстия, как и предыдущие, и, судя по всему, также использовались в качестве элементов украшения.

Очевидно, что в обращении населения поселка ходили монеты Крымского ханства, посредством которых осуществлялись платежные операции. Наиболее ранние ходовые монеты правления Селима II Гирея (1743—1748 гг.) и наиболее поздние единичные Шахин Гирея (с 1777 г.) позволяют очертить период существования поселка в хронологических рамках с сер. 1740-х гг. до кон. 1770-х гг. Остальные монеты и прочие материалы не противоречат этому выводу. Немногочисленные монеты Османской империи и Российского государства использовались в качестве деталей украшений, также, как и ранние монеты Крымского ханства, в отверстиях которых в редких случаях сохранились звенья серебряной цепочки. Визуальное наблюдение позволяет с достаточной долей вероятности предположить, что для вторичного использования в качестве элементов украшения отбирались лишь наиболее привлекательные монеты с точки зрения эстетического восприятия: с высоким качеством исходного сырья, чеканки и изображений. Обычай дополнять украшения монетами и жетонами в XVIII в. встречался в русской, татарской (прежде всего, ногайской) и финно-угорской среде (Чореф 2015а: 187—197). Монеты использовались в составе нагрудных украшений, головных уборов, наконечников, а также в качестве застежек (Мокшин 1990: 12; Канокова 2011: 350—358; Канокова 2014: 45—48; Чореф 2016: 165—174).

Использование в качестве элементов украшений серебряных копеек Московского государства, чеканенных исключительно до 1704 г., а также серебряных монет Крымского ханства первой трети XVIII в. позволяет идентифицировать население поселка как казаков-некрасовцев, уже проживавших на территории Крымского ханства в первой трети XVIII в. и попавших сюда под давлением правительственных войск.

Нюрнбергские счетные жетоны (пфенниги)

5 нюрнбергских счетных жетонов (пфеннигов) с отверстиями из раскопа поселения также выступают в качестве датирующего материала, но с поправкой на их вторичное использование в качестве элементов украшения (рис. 6: 16—20). Два из них свернуты в трубочку, поэтому не все изображения понятны. Еще один, шестой пфенниг плохой сохранности, происходит из пласта 5 прирезки к шурфу 1 К. А. Крутоголовенко. Пфенниги отличаются высоким качеством чеканки и детализации изображений, но легенды на них

зачастую фиктивные и содержат ошибки. В состав легенды обычно входят имя изготовителя и какой-либо распространенный в международной торговле девиз. В отечественной науке данная категория находок предметно не изучалась, а иностранные каталоги и публикации труднодоступны (Fauver 2002). Известно, что счетные жетоны во втор. пол. XVIII — сер. XIX вв. были широко распространены на территории Российского государства и использовались в народных костюмах как элементы украшений. В частности, они встречаются в материалах Старояблонского мордовского могильника кон. XVIII—XIX вв. в Хвалынском районе Саратовской области (Попова 1986), в материалах культурного слоя нач. XIX в. из д. Сосновая Отлога Курганской области (принесены переселенцами из Пскова) (Маслюженко, Достовалов 2014: 250—252), на костюмах XIX в. из музейных коллекций Поволжья и др. Можно предположить, что счетные жетоны массово появились на территории России с 1760-х гг. вместе с немецкими колонистами, следовавшими из петербургского морского порта в места поселения на территории Поволжья.

Всего на поселении Белое Юго-Восточное представлено 2 типа жетонов: английского стиля и типа солнце—луна—звезды (ukdfd.co.uk: 1).

Жетоны английского стиля одинаковые (рис. 6: 16, 17): на одной стороне — бюст английского короля вправо, на оборотной — герб Великобритании из 4-х четвертей, над ним — корона, герб опоясан подвздошной лентой с девизом «HONI SOIT QUI MAL Y PENSE» (франц. «Позор тому, кто дурно об этом подумает»), в самом низу на волнистой ленте можно различить девиз монарха: «DIEU ET MON DROIT» (франц. «Бог и мое право»), с правой стороны от щита — единорог рампант на задних конечностях и на цепи (символ Шотландии), с левой — симметричный ему лев рампант (символ Англии).

Жетоны типа солнце-луна-звезды имеют различные надписи, их отличительный признак — сияющее солнце, месяц и звезды на лицевой стороне, а на оборотной — изображение трехмачтового корабля. На лицевой стороне одного из жетонов по кругу надпись «IOHANN JACOB DIETZEL RECHENPFEN» (нем. «Иоганн Якоб Дитцель рехенпфенниг»), по этой надписи он датируется 1711—1748 гг. (рис. 6: 18). У второго на лицевой стороне по кругу надпись «(IO)H. AIRERCH(T) DORN RECHENPF» (нем. «Иоганн Альбрехт Дорн рехенпфенниг»), он датируется 1732 г. (рис. 6: 19). И, наконец, на третьем жетоне с лицевой стороны надпись «ANFANG BEDENCK DAS ENDT» (нем. «В начале рассмотрим конец»), с оборотной — «DVRCH ALLE GE / [H]ANDTRVWSI... / RE» (вероятно, фиктивная легенда «GETRIVW HANDT KOMBT DVRCH ALLE» (нем. «Истина превыше всего»), он датируется в пределах XVIII в. (рис. 6: 20).

Керамика

Яркой особенностью средневековых и позднесредневековых археологических памятников является пестрота массового керамического материала, возникающая в результате активных торговых связей, военных действий между разными народами и государствами и др. Керамические материалы демонстрируют различные гончарные традиции многочисленных производственных центров.

Керамический комплекс XVIII в. на поселении Белое Юго-Восточное представлен преимущественно в 1—5 пластах, причем после пласта 2 характерная керамика встречалась все реже. Вся она фрагментирована, выделяется лишь несколько крупных фрагментов сосудов, позволяющих составить представление об их форме. Эти фрагменты происходят из пластов 2, 3, 5, 6 и заполнения ямы 13. Общее количество фрагментов керамики XVIII в. из раскопа 2014 г. — 2278, их распределение на раскопе представлено в таблице 1.

Керамические материалы с уверенностью можно разделить на 5 групп по технологическим и морфологическим признакам: керамику «крымской» группы (неполивную и поливную), керамику группы урн с горизонтальными ручками, серо- и коричневоглиняную русскую керамику, турецкие полуфаянсы и строительную керамику. Особняком стоят находки 2 турецких курительных трубок.

Разработка вопросов классификации и хронологии бытовой керамики турецкого времени в настоящее время находится в зачаточном состоянии, поскольку эта керамика, за исключением художественной, ранее не вызывала у исследователей заметного интереса. Исключение составляют, пожалуй, работы А. Франца и Дж. Хэйз (Frantz 1942: 1—28; Hayes 1992). Сложности связаны, прежде всего, с малым количеством известных закрытых комплексов, особенно датируемых. Тем не менее, общие особенности керамики XVIII в. все же выявлены И. В. Волковым по материалам раскопок Азова (Волков 1992), его научные разработки все более широко применяются исследователями при интерпретации археологических комплексов юга России (Волков 2005: 482—492; Волков 2006: 473—497; Волков, Петерс 2003: 244—261; Гусач 1998: 76—80; Гусач 2005: 476—481; Гусач 2006а: 127—141; Коваль 2010). Тем не менее, лучше изученными считаются художественная керамика, в том числе турецкие полуфаянсы (Гарбузова 1958: 29—36; Гусач 1998: 76—80; Гусач 2005: 476—481; Кверфельдт 1947; Коваль 2010; Кубе 1923; Миллер 1965: 33—35; Миллер 1972; Hayes 1992) и курительные трубки (Волков, Новикова 1996: 134—152; Волков, Петерс 2003: 244—261; Гусач 2002: 368—389; Коваленко 2014: 242—249; Станчева 1972: 81—99; Станчева 1975/1976: 129—138; Станчева, Медарова 1968: 4—13; Федорова и др. 2015: 539—546; Федорова, Ткаченко 2008: 525—526; Hayes 1980; Robinson 1983: 265—283; Robinson 1985: 149—203).

Средневековая русская керамика в XX в. изучалась довольно тщательно, однако в большинстве случаев почти никто из исследователей не доводил ее хронологию до XVIII в. Внимание бытовой керамике XVIII и XIX вв. стало уделяться сравнительно недавно при выяснении ее хронологии в узких региональных рамках. В этой связи следует отметить свод археологических источников по московской керамике, подготовленный Р. Л. Розенфельдом (Розенфельдт 1968), статьи В. Ю. Ковалья о керамике Ростиславля Рязанского (Коваль 1996: 103—133; Коваль 2011: 317—323) и в целом о керамическом производстве в центральных районах России (Коваль 2011), кандидатскую диссертацию В. В. Черкасова о керамике Коломны (Черкасов 2004), статьи К. И. Панченко о пропорциях сосудов из Дмитрова (Панченко 2004: 321—328) и об особенностях гончарных промыслов в центральной части России (Панченко 2011: 362—368), а также монографию И. В. Болдина о керамике бассейна Верхней Оки, включая верховья Дона (Болдин 2012). Хронология керамики определяется авторами по условно закрытым комплексам, в рамках которых прослежена эволюция технологии изготовления, морфологии и орнаментации сосудов. К сожалению, на данном этапе изучения археологических коллекций русских поселений и городов XVIII в. пока ещё невозможно составить полное представление о региональной специфике керамики. Однако если принять во внимание централизацию Российского государства в XVIII в., можно заметить некоторую унификацию керамического производства, а в его региональных особенностях увидеть общие тенденции (Коваль 2011; Болдин 2012: 151).

Исходя из сложившейся ситуации в изучении керамики XVIII в., керамический комплекс этого периода с поселения Белое Юго-Восточное представляется чрезвычайно интересным, особенно с учетом довольно узкой и предельно конкретной датировки памятника по монетным материалам.

Керамика «крымской» группы является самой многочисленной на памятнике, она представлена 1280 фрагментами (56,2%). К ней относятся круговые керамические неполивные и поливные сосуды с плотной глиной светлых оттенков красного. В составе глины присутствует небольшое количество шамота и редкие известковые включения, отличительной особенностью теста являются крупные вытянутые при ротации поры. Сохранившиеся на поселении фрагменты такой посуды бывает трудно отнести к той или иной подгруппе, поскольку ангобом и поливой зачастую покрывались лишь отдельные, преимущественно, верхние части сосудов.

Неполивная керамика «крымской» группы изучена довольно слабо: в материалах других памятников известны водолеи (афтобы и кумганы), об остальной продукции приходится судить только по фрагментам. Имеющиеся находки свидетельствуют об изготовлении такой керамики на этапе РФК-7 по донно-емкостной программе по А. А. Бобринскому (Бобринский 1978: 27). Эти сосуды сформованы из красно-оранжевой глины, цвет которой сильно варьирует. Считается, что они продолжают эволюционную линию средневековой керамики группы Восточного и Юго-Западного Крыма (Волков 1992: 15—16). В материалах поселения Белое Юго-Восточное встречено 553 фрагмента таких сосудов (43,3% в группе), однако это число может быть завышено в силу вышеописанных особенностей данной группы керамики.

Большая часть профильных фрагментов неполивных сосудов крымской группы представлена слабовогнутыми или плоскими срезанными нитью придонными частями (рис. 7: 17—22), на которых изредка фиксируется «ложный поддон» (рис. 7: 19, 22) или небольшая закраина (рис. 7: 18). На внутренней стороне стенок и дна заметны широкие и глубокие концентрические желобки, образовавшиеся при вытягивании сосуда из глины на гончарном круге. Характерными также являются фрагменты изогнутых знаком вопроса уплощенно-овальных ручек с неглубокими продольными врезами и заметно «размазанным» в боковых направлениях нижним прилепом (рис. 7: 12—16).

Незначительная часть стенок красноглиняных неполивных сосудов украшена орнаментом в виде горизонтальных и волнистых полос, аккуратно нанесенных белым ангобом при помощи кисти по тонким намеченным линиям. Такие сосуды, судя по сохранившимся профильным фрагментам, представлены мисками с тонким округлым бортиком (рис. 7: 5), а также кувшинами с узким цилиндрическим горлом и округлобоким либо эллипсоидным туловом с покатыми плечиками (рис. 7: 6, 7). Судя по всему, они являются продолжением эволюционной линии средневековой керамики группы Юго-Западного Крыма (Волков 1992: 11).

Верхних частей неполивных сосудов сохранилось немного, однако по ним можно выявить несколько различных форм: это закрытые сосуды (кувшины с ручкой?), миски (в т.ч. пиалы), широкогорлые горшки с ручкой и закрытые сосуды с красно-коричневым ангобом.

Хорошо сохранился единственный фрагмент верхней части *кувшина* с расширяющимся к низу цилиндрическим горлом и со скошенным вовнутрь закругленным краем венчика (рис. 7: 4). Уплощенно-овальная ручка верхним прилепом крепилась ниже венчика, само горло ниже прилепа украшено слабым многоярусным рифлением. Также встречен 1 фрагмент носика афтоба—водолея.

Миски, помимо описанного выше фрагмента с округлым тонким бортиком (рис. 7: 5), представлены фрагментами округлого бортика пиалы с Т-образным, слегка наклоненным вовнутрь краем венчика с округлыми кромками и с неглубоким горизонтальным желобком у внутреннего края (рис. 7: 2). Реконструируемый диаметр венчика — около 30 см, цвет глины — красно-оранжевый, в примеси помимо шамота встречены крупные бурые частицы.

К *широкогорлым сосудам* (горшкам) относится несколько фрагментов верхних частей приземистых сосудов с очень широким невысоким воронкообразным горлом с расширяющимся и плоско срезанным краем венчика, с образованием наплыва по краю (рис. 7: 8—10). Венчик плавно переходит в узкие округлые плечики. Одна или две уплощенно-овальные в сечении ручки верхними концами крепились чуть ниже венца, а нижними — чуть ниже максимального расширения тулова: верхний прилеп прижат с краев, а нижний — «размазан» в боковых направлениях. На внутренней поверхности одной ручки сбоку имеется продольный врез (рис. 7: 9). Реконструируемый диаметр венчика таких сосудов колеблется от 17 до 24 см. По составу глиняного теста они не отличаются от прочих красноглиняных сосудов, но глина у них светлее, а включения и поры — немного крупнее. Ни одной придонной части сосудов из такой глины найдено не было.

Закрытые сосуды с красно-коричневым ангобом представлены преимущественно фрагментами стенок. Единственный выразительный профильный фрагмент представлен фрагментом венчика *афтоба-водолей* с узким горлом, его реконструируемый диаметр по краю — около 8 см. Отогнутый венчик имеет загнутый вовнутрь внешний край, образующий таким образом желобок по срезу (рис. 7: 1). Такие венчики часто называют рельсовидными. Аналогичный водолей происходит из турецкого окопа перв. пол. XVIII в., исследованного в 1987 г. в Азове на Ленинградской улице (Волков 2006: 476—478).

На основании состава глиняного теста к неполивной керамике «крымской» группы был отнесен носик или ручка розовоглиняного сосуда с белым ангобом и следами копоти (рис. 7: 3). «Ручка» — усеченно-коническая, с расширяющимся плоским краем и отверстием в центре, которое могло служить для отведения пара на кастрюле или же являться местом для крепления ручки. Прямых аналогий такой форме посуды найти не удалось.

Поливная керамика «крымской» группы является более распространенной и более изученной. В составе группы выделяются чаши, кувшины (в том числе, афтобы), масляные светильники, крышки: все они представлены в материалах поселения Белое Юго-Восточное (рис. 8, 9, 10: 1—11). Всего встречено 727 фрагментов, отнесенных к данной подгруппе (56,7% в группе), однако их доля, исходя из специфики материала, может быть и выше. Многие фрагменты имеют заметные следы прижизненной изношенности: облупившуюся глазурь, затертость поверхности и изломов, следы ремонта.

Кувшины (рис. 9) представлены наибольшим количеством фрагментов в подгруппе — 585. Эти кувшины массивные, с невысоким широким цилиндрическим горлом, одной или двумя ручками и плоским дном, изготовлены на этапе РФК-7 по донно-емкостной программе по А. А. Бобринскому (Бобринский 1978: 27). Они покрыты зеленой глазурью, как правило, с обеих сторон: с внешней — зеленой однотонной различных оттенков по светлому ангобу (иногда только верхняя часть до максимального расширения тулова и чуть ниже), с внутренней — зеленой глазурью без ангоба, образуя прозрачную желто-зеленую или желто-коричневую пленку. Край венчика — утолщенный, Г-образно отогнутый, сверху плоский или имеет неглубокий желобок (рис. 9: 1, 3—7, 9). Диаметр венчиков восстанавливается по найденным фрагментам от 10 до 14 см. Горло бывает украшено несколькими горизонтальными рельефными поясками, по которым прокатным штампом нанесен ряд частых косых вдавлений (рис. 9: 2, 5, 6). Особняком стоит лишь 1 фрагмент истончающегося к краю венчика диаметром 10,2 см с рифленным горлом, покрытым вспененной серо-зеленой глазурью по ангобу (рис. 9: 8). На плечике встречается орнамент в виде нескольких врезных горизонтальных концентрических линий (рис. 9: 9, 10). Ручки разных размеров изогнуты знаком вопроса, они плоские или овальные в сечении, иногда с неглубокими продольными врезами с внутренней стороны и слабовыделенным гребнем — с внешней (рис. 9: 9—17, 19,

20). Только в одном случае ручка имеет покато плечо и почти округлое сечение (рис. 9: 10). Также из общей массы выделяется один фрагмент массивной уплощенной ручки размерами $6,2 \times 3$ см (рис. 9: 18). Тулово округлое, дно во всех случаях плоское или слабоогнутое, со следами срезания нитью, часто с «ложным поддоном» (рис. 9: 21—26) или едва заметной закраиной (рис. 9: 27). В одном случае закраина подрезана (рис. 9: 22). Диаметр дна этих кувшинов — 11—12 см. На внутренней стороне стенок и дна заметны широкие и глубокие концентрические желобки, образовавшиеся при изготовлении на гончарном круге.

Среди фрагментов кувшинов имеются фрагменты поливных афтоб—водолев, которые зачастую трудно отделить от общей массы, в том числе из-за плохой сохранности. Хорошо идентифицируются всего 37 фрагментов поливных афтоб—водолев. Сосуды этого типа небольшие, с узким горлом, широким округлым плечиком, вытянутым туловом (рис. 10: 1, 3, 4), небольшой овальной в сечении ручкой, усеченно-коническим носиком-сливом (рис. 10: 2) и слабоогнутым дном со следами срезания нитью (рис. 10: 5). Как и предыдущие, они изготовлены на этапе РФК-7 по донно-емкостной программе по А. А. Бобринскому (Бобринский 1978: 27). На плечике во всех случаях имеется орнамент — поясok из нескольких врезных горизонтальных концентрических окружностей (рис. 10: 3, 4), внешняя поверхность хорошо заглажена. Афтобы-водолеи покрывались глазурью и ангобом исключительно с внешней стороны, почти всегда только в верхней части, причем снизу оставался непокрытым поясok ангоба, часто с подтеками (рис. 10: 3—5). Единственный фрагмент венчика диаметром 4,6 см имеет отогнутый, напоминающий горлышко бутылки выступ с приостренным краем и плавным желобком с внутренней стороны (рис. 10: 1).

Чашы — открытые приземистые сосуды с кольцевым поддоном, изготовленные на этапе РФК-7 по А. А. Бобринскому (Бобринский 1978: 27) и достаточно подробно описанные И. В. Волковым (Волков 1992: 16—17; Волков 2005: 483—484; Волков, Петерс 2003: 251—252). В материалах раскопок поселения Белое Юго-Восточное с ними четко отождествляется всего 75 фрагментов, из которых наиболее представительны 22 (рис. 8), в том числе 2 археологически целые (рис. 8: 10, 11). Верхняя часть чаш покрыта тонким слоем светлого, сильно разбавленного ангоба, нанесенного при вращении круга с образованием впоследствии подтеков. Поверх ангоба на всю внутреннюю поверхность и на внешний край бортика наносился слой зеленой глазури различных оттенков, также образуя подтеки. Придонная часть чаш характеризуется наличием «сплющенного» кольцевого поддона, округло-выпуклого снаружи и с выдающимся вовнутрь приостренным нижним краем. Такие поддоны, судя по всему, являются свидетельством донно-емкостной программы конструирования полого тела чаши при излишней пластичности формовочной массы. Во всех случаях до покрытия ангобом на внутренней поверхности чаш нанесена гравировка в виде 1—2 концентрических окружностей. В двух случаях ниже бортика и у самого поддона имеется просверленное сквозное отверстие (рис. 8: 10, 19). По форме венчика можно выделить как минимум 4 типа чаш со «сплюснутым» кольцевым поддоном⁴:

- чаши типа 1 (*чарки*) — с ровным высоким слабо отогнутым бортиком, истончающимся к «заостренному» краю, и образующим ребро в месте перехода в широкое усеченно-коническое основание придонной части (рис. 8: 1, 2), реконструируемый диаметр их устья — ок. 20 см;

⁴ Важно отметить, что И. В. Волковым уже предпринимались попытки дифференциации поливных чаш «крымской» группы, однако они ограничились описанием отдельных типов венчиков (Волков 1992: 17; Волков 2005: 484).

- чаши типа 2 (*пиалы*) — с округлым бортиком (иногда с едва различимым ребром), истончающимся к «заостренно-отогнутому» краю и плавно переходящим в слабовыпуклое приземистое основание (рис. 8: 9—11), диаметр их устья — 20—21,5 см;

- чаши типа 3 (*тарелки*) — с приземистым сегментовидным туловом и широким плоско-отогнутым краем венчика (рис. 8: 3—5), реконструируемый диаметр их устья — 20—22 см;

- чаши типа 4 (*миски*) — с высоким сегментовидным туловом и умеренно-широким плоско-отогнутым краем венчика (рис. 8: 6—8), реконструируемый диаметр их устья — 14,6 и 20 см.

Особняком стоит единственный фрагмент чаши с высоким непрофилированным кольцевым поддоном диаметром 6,7 см, также характерный для XVIII в. (Волков 2005: 484). Другими его особенностями являются выраженное ребро между основанием дна и крутым высоким бортиком, а также отсутствие гравировки в виде концентрических окружностей на внутренней поверхности (рис. 8: 18). Чаша, возможно, чарка сформована из глины более светлого оттенка, вся ее поверхность, за исключением нижней части поддона, покрыта светло-зеленой глазурью. Скорее всего, она является более ранней, чем подавляющая масса чаш, либо относится к иному производственному центру.

Масляные светильники — сложнопрофилированные сосуды специального назначения. В материалах раскопок поселения Белое Юго-Восточное с данной разновидностью керамики четко отождествляется всего 25 фрагментов, из них 6 — наиболее выразительные (рис. 8: 23—28), включая 2 почти целые формы (рис. 8: 27, 28): их высота — 8,9 и 8,1 см соответственно. Все светильники состоят из неглубокой открытой чаши сегментовидной формы с неровным приподнятым краем, переходящим в сужающийся наклонный носик, а также из расширяющейся к низу длинной усеченно-конической или цилиндрической ножки, плавно переходящей в плоское или слабовогнутое основание с чуть отогнутым вертикальным бортиком. На дне, диаметр которого колеблется от 7 до 10,6 см, видны следы срезания с круга нитью. Диаметр чаши чуть больше диаметра основания, либо совпадает с ним, высота бортика — 1,8—3 см, диаметр ножки — 2,4—3,6 см. Изогнутая знаком вопроса ручка овального или сегментовидного с округлыми краями сечения следует от основания чаши к внутреннему углу между основанием и бортиком. В центре ножки в отдельных случаях встречается незначительное утолщение или едва заметные складки. Светильники полностью покрыты зеленой глазурью по ангобу, за исключением дна и внешней части бортика, на которой хорошо заметны подтеки, а также следы копоти. Глазурь и ангоб местами облуплены или оббиты.

Крышки в материалах поселения представлены всего тремя профильными фрагментами из пластов 1 и 2 (рис. 10: 6—8). Две из них (рис. 10: 6, 7) сегментовидной формы с цилиндрической шейкой и острым горизонтальным ребром-карнизом по краю. На одном фрагменте в верхней части, выше ребра-карниза, имеется просверленное круглое отверстие, которое могло представлять собой след ремонта или являться отверстием для выхода пара (рис. 8: 7). По этому фрагменту восстанавливается диаметр шейки — 9,2 см и диаметр по ребру-карнизу — 11,4 см. У обеих крышек на внешнюю поверхность по тонкому слою ангоба нанесена зеленая глазурь. Они находят аналогии в материалах средневековых поселений и не отмечались И. В. Волковым в «крымской» группе XVIII в. По форме и технологии изготовления от вышеописанных образцов существенно отличается третья крышка (рис. 10: 8). Она тоже сегментовидная, но с более крутыми стенками и с короткой, цельной, усеченно-конической, почти цилиндрической ручкой сверху. Диаметр ручки — 3—3,3 см, а высота — 1,2 см. Поскольку край крышки утрачен, ее форма полностью не восстанавливается. Крышка изготовлена на гончарном круге, однако размещалась на нем

вниз основанием ручки, на котором хорошо различимы следы срезания нитью. Внешняя поверхность крышки покрыта светлым ангобом, а внутренняя — коричневой глазурью без ангоба.

Несколькими фрагментами представлены поливные сосуды иной технологии изготовления и формы, аналогий которым найти не удалось.

2 фрагмента относятся к овальной в сечении горизонтальной ручке *кашинного тарного (?) сосуда* (рис. 10: 10) сечением $2,6 \times 3,1$ см. У нее в районе нижнего прилепа, у самого края, имеется округлое пальцевое вдавление. Сосуд изготовлен из белого кашина, зеленая глазурь нанесена тонким неровным слоем без ангоба.

Еще одним фрагментом представлен венчик *невысокого красноглиняного поливного сосуда (кружки?)* с усеченно-коническим туловом, расширяющимся кверху и образующим плавное ребро в месте перехода в короткий наклоненный вовнутрь бортик с закругленным краем (рис. 10: 9). Ниже бортика имеется круглый скол от ручки. Бортик украшен прочерченной по сырой глине волнистой линией, ребро — частыми наклонными насечками, стенки тулова — вертикальными прямыми линиями, не доходящими до ребра. Этот сосуд изготовлен из плотной глины розово-коричневого оттенка, с вытянутыми порами, зеленая глазурь нанесена с обеих сторон по светлому ангобу.

Керамика группы урн с горизонтальными ручками⁵ изготовлена на этапе РФК-7 по донно-емкостной программе по А. А. Бобринскому (Бобринский 1978: 27) и достаточно подробно описана И. В. Волковым (Волков 1992: 17; Волков 2005: 484—485). Формовочные массы отощены крупнозернистым песком средней фракции в концентрации до 30%, их поверхность шероховатая, грубо заглаженная, обжиг всегда относительно ровный, цвет — бурый и темно-коричневый. На поселении Белое Юго-Восточное данная группа представлена 734 фрагментами (32,2%) (рис. 10: 12—18, 11). В составе группы выделяются многочисленные фрагменты высоких «веретенообразных» урн (рис. 11) с фигурно изогнутыми горизонтальными ручками круглого сечения диаметром 3,5—3,8 см и массивными Т-образными венчиками шириной 2,5—3 см с выступами, скругленными на внешнюю и внутреннюю сторону. Диаметр венчика по краю составляет 12—16 см, диаметр шейки — 10,6—14,7 см, диаметр дна — 12—16 см, толщина стенок в верхней части под венчиком — 0,5—0,8 см, к придонной части она достигает 1,8—2,8 см. На внутренней стороне стенок и дна заметны широкие и глубокие концентрические желобки, образовавшиеся при изготовлении на гончарном круге. Дно плоское или слабоогнутое с выраженной, но зачастую неровной закраиной. Интересны фрагменты 3-х ручек с прочерченными на них простейшими геометрическими граффити (рис. 11: 1, 4, 5). К таким урнам однозначно относятся 87 профильных фрагментов, а также многочисленные фрагменты стенок. Производственный центр урн с горизонтальными ручками не известен, но, по мнению И. В. Волкова, он локализуется в пределах Причерноморья, возможно, в Юго-Западном Крыму.

Прочая продукция этого центра в материалах поселения представлена фрагментами широкогорлых кувшинов, кувшинов с дутым горлом и горшков с ручкой. Данные формы идентифицируются по нескольким фрагментам венчиков. Один фрагмент относится к *широкогорлому кувшину* с массивным воротничковым нависающим и уплощенным сверху венчиком (рис. 10: 11) диаметром около 14 см и высотой — 1,9 см, его толщина — 1,4 см, толщина стенок — 0,7 см. Второй фрагмент схож с венчиком *кувшина с дутым горлом* из материалов турецкой крепости Люттик/Сед-Ислам в низовьях Дона (рис. 10: 12) (Волков

⁵ Группа выделена И. В. Волковым по наиболее распространенному типу сосудов, ее название условное, является общим для сосудов с характерными признаками формовочной массы (Волков 1992: 17).

2005: 485, 490, рис. 2: 4): его горло довольно узкое (9,6 см), венчик высокий (3,6 см), оформлен снаружи в виде плоского воротничка и слегка утолщен в верхней части (до 1 см), его верхний контур слегка скошен вовнутрь и чуть вогнут, толщина стенки под венчиком — 0,5 см. И, наконец, третий фрагмент принадлежит закрытому сосуду с туловом бочкообразной формы без шейки (рис. 10: 13), его венчик оформлен снаружи широкой наклепной лентой на манер воротничка высотой 1,5 см, край венчика профилирован тонким желобком, диаметр устья — около 12 см, толщина венчика — 0,8 см, толщина стенки под венчиком — 0,4 см. Сечения сохранившихся фрагментов ручек преимущественно асимметричные (рис. 10: 15—18), на них прослеживаются следы неглубоких продольных врезов, сами ручки истончаются в направлении нижнего прилепа.

Коричнево- и сероглиняная русская керамика в материалах поселения представлена 160 фрагментами (7%) (рис. 12). Это кустарные сосуды с тонким черепком и шероховатой поверхностью, изготовленные из слабожелезненных глин на этапе РФК-5—6 по А. А. Бобринскому (Бобринский 1978: 27). На стенках иногда фиксируются следы скульптурной лепки емкости, еще реже — следы вытягивания. В составе глиняного теста встречается довольно высокое содержание мелкого и очень мелкого песка, а зачастую и мелкодробленый шамот. Такой состав теста К. И. Панченко отмечает как доминирующий для Подонья XVIII — нач. XX вв. (Панченко 2011: 365). Цвет поверхности колеблется от светло-серого до красно-коричневого, обжиг неравномерный, черепок многослойный с серыми, бежевыми и розовыми прослойками, то есть керамика обожжена при температуре каления с различной выдержкой. Кухонное назначение данной керамики подтверждается внешним видом профильных фрагментов и наличием копоты на них.

В составе группы по профильным верхним частям выделяются горшки, открытые сосуды (миски?), закрытые сосуды и крышки. Сохранившиеся фрагменты придонных частей трудно соотнести с сосудами той или иной формы, все они имеют закраину, часто с подрезанным краем или оформленную в виде бордюра (рис. 12: 22, 23, 26, 27, 29, 31), в отдельных случаях формируется невысокий «ложный» (рис. 12: 32) либо монолитный поддон (рис. 12: 24, 28, 30). Стенки в придонной части отогнуты под различными углами, либо заметно закругляются. Само дно плоское или слабовогнутое, его диаметр колеблется от 5 до 13 см.

Горшки (рис. 12: 9—18) идентифицируются, прежде всего, по характерным верхним частям с утолщенной и отогнутой наружу губой с оттянутым краем, с внутренней стороны оформленной в виде валика, иногда с неглубоким желобком сверху. Шейка едва различима, либо представляет собой изгиб между туловом и венчиком. К горшкам однозначно относятся 66 фрагментов. В двух случаях на плечике присутствует орнамент: в первом — горизонтальная врезная симметричная многовитковая волна между врезными линиями (2 сверху и 1 снизу) (рис. 12: 9), во втором — горизонтальным пояском из 8 параллельных врезных линий (рис. 12: 17). В зависимости от размеров сосудов при общем сохранении пропорций диаметр устья колеблется от 10 до 16 см, диаметр шейки — от 9,8 до 15,8 см, диаметр максимального расширения тулова — от 13 до 20 см. Такие формы верхних частей характерны для горшков типов «И» и «К» верхнего Поочья и верховьев Дона по И. В. Болдину, они датируются в пределах XVIII—XIX вв. (Болдин 2012: 36—43, 115, 130—146). Тулово по всех случаях представляет собой приземистый, усеченный с двух противоположных сторон неправильный эллипсоид с наибольшим диаметром в верхней части. По пропорциям оно соотносится с характерным для XVIII в. типом 1 по К. И. Панченко (Панченко 2004: 322—323).

Особняком стоит фрагмент венчика горшка, идентичный вышеописанным по формовочной массе, но более светлый, а по своей форме и мотивам орнамента имитирующий белоглиняные с красно-коричневой росписью «хохлацкие» экземпляры (рис. 12: 2). Сосуды похожей формы встречены в материалах раскопок турецкой крепости Лютик/Сед-Ислам, где они связаны с периодом пребывания в ней русского гарнизона в 1696—1712 или 1736—1744 гг. (Волков 2005: 486, 487, 491, рис. 3: 18, 19). У сосуда высокий отогнутый, округленный сверху венчик, украшенный 2 прямыми врезными линиями в средней части. Плечики округлые, широкие, украшенные врезным орнаментом, состоящим из горизонтальной наклонной крутой и невысокой многовитковой волны с частым шагом, расположенной между группами прямых линий — 5 сверху и 4 снизу. Реконструируемый диаметр устья — 23 см, диаметр основания шейки — 21 см.

Миски — открытые сосуды с усеченно-коническим туловом. В материалах раскопок поселения они выделяются исключительно по малочисленным фрагментам венчиков и представлены несколькими типами (рис. 12: 3—8):

- миски типа 1 — с широким неглубоким желобком на внешней части тулова под закругленным сужающимся краем венчика (рис. 12: 6, 7), диаметр их устья — 14,5 и около 26 см;

- миски типа 2 — с сильно выступающим наружу косо и плоско срезанным краем венчика (рис. 12: 3—5), в примеси помимо песка встречаются крупные золотистые блестки, диаметр устья реконструируется в единственном случае и составляет 19 см;

- миски типа 3 (*пиалы*) — с округлым бортиком, плавно переходящим в слабовыпуклое усеченно-коническое основание, и со слегка отогнутым закругленным краем (рис. 12: 8). Известен всего 1 фрагмент такой миски с реконструируемым диаметром устья 13,6 см. Его черепок выражено трехслойный: внутри темно-серый, снаружи — светло-коричневый.

Отдельного внимания заслуживает фрагмент *закрытого сосуда* (рис. 12: 19) без выделенной шейки и венчика, с округленным краем, подчеркнутым с внешней стороны горизонтальной врезной линией. Реконструируемый диаметр его устья — 12 см. Единственным фрагментом представлена коническая *крышка* со слабовыпуклыми стенками и сложнопрофилированным краем с горизонтальным ребром-карнизом (рис. 12: 1). Также встречены фрагмент плоской, слегка вогнутой ручки подпрямоугольного сечения (рис. 12: 20) и массивный приподнятый вверх носик со сквозным отверстием (рис. 12: 21), который также напоминает основание для крепления деревянной ручки кастрюль, известных по материалам раскопок Коломны (Черкасов 2004: 192, 205).

Строительная керамика на поселении представлена 101 фрагментом полукруглой бежевоглиняной крымской черепицы и фрагментом кирпича (4,5%), все они были узко локализованы — в пределах квадратов 40—45 и 63—67, непосредственно у южного склона балки. Это позволяет предположить наличие остатков как минимум одного строения к западу от раскопа, возможно, в балке, поросшей плодовыми деревьями. Наиболее выразительны 3 крупных фрагмента черепицы из плотной глины с включениями известняка, шамота, дресвы и крупными порами (рис. 10: 18—20). Их внешняя поверхность бугристая или профилирована валиками, внутренняя не обработана. Такая же черепица встречалась в слое втор. пол. XVIII в. при раскопках на пересечении ул. Генуэзской и Р. Люксембург в г. Азове в 2004 г. (Гусач 2006а: 129, 130, 133).

Турецкие полуфаянсы являются довольно распространенной категорией находок в слоях турецких поселений XVIII в. на Нижнем Дону — в Азове и крепости Лютик/Сед-Ислам. В материалах же поселения Белое Юго-Восточное они представлены всего 3 мелкими фрагментами чашек с тонким светлым черепком (0,1%) из пластов 1—3 (рис. 13: 1—3). Все 3

фрагмента различные: один — с росписью кобальтом на манер китайского фарфора, два — с полихромной росписью, во всех трех случаях мотивы орнамента растительно-цветочные и геометрические, поверхность покрыта прозрачной бесцветной глазурью.

Первый фрагмент относится к стенке чашечки с кобальтовой росписью (рис. 13: 2). На нем изображен стилизованный цветок лотоса, для росписи использована синяя краска двух оттенков: темно-синего для нанесения контура рисунка и светло-синего — для окрашивания деталей.

Второй фрагмент представлен краем полихромной чашечки (рис. 13: 1). Контур изображений нанесен тонкими линиями темно-синей сажистой краски: на белом фоне изображен ромб, разделенный на четыре сектора, в каждый из которых вписан красный кружок ягоды или соцветия. От вершин ромба отходят бледные сине-зеленые трилистники, а от края венчика вершинами вниз с обеих сторон от основного изображения спускаются красные треугольники. На внутренней поверхности, ниже края, имеется горизонтальный пояс, образованный голубыми горизонтальными линиями (одна сверху и две снизу), между которыми темно-синей сажистой краской нанесено неясное изображение, возможно, надпись на арабском.

Третий фрагмент — от стенки полихромной чашечки (рис. 13: 3). На его внешней поверхности тонкой волнистой черной линией обозначен контур цветка. К круглой сердцевине цветка, небрежно заполненной желтым цветом, примыкает несколько черных кружков-лепестков, от которых в сторону отходит четыре протяженных широких лепестка коричневого цвета, подчеркнутых линией контура.

По ряду признаков — первостепенной роли контуров в росписи, присутствию желтого цвета и выраженной геометричности рисунка — все 3 фрагмента чашечек можно отнести к производству Кютахьи XVIII в. (Волков 1992: 18).

Турецкие курительные трубки — очень распространенная, но притом малоизученная категория находок на поселениях Причерноморья XVIII в. По мнению И. В. Волкова, благодаря легкости перевозки и недолговечности службы каждого конкретного изделия, курительные трубки вполне могут претендовать на роль «амфор позднего средневековья и нового времени» для датировки памятников и комплексов (Волков 1992: 18—19). Им же определены основные принципы описания и рассмотрена историография вопроса (Волков 2006: 486—494). Тем не менее, несмотря на довольно представительный пласт научных работ по данной проблематике, хронология курительных трубок до настоящего времени не разработана.

В материалах поселения Белое Юго-Восточное имеется всего 2 курительные трубки с сильными повреждениями, которые происходят из пласта 3 (рис. 13: 4—5). Обе изготовлены в двусторонних формах, имеют острый угол между чашечкой и втулкой, а также выделенный киль.

1. Трубка курительная турецкая тюльпановидная с выделенным килем, венчик и большая часть втулки утрачены (рис. 13: 4). Изготовлена из хорошо обожженной красно-коричневой глины с мелкой слюдой в примеси, внешняя поверхность лощеная. Киль выделен двойной линией зубчатого колеса. На основной части тулова чашечки — штампованные вертикальные каннелюры. В верхнем основании — горизонтальный ряд оттисков неправильного штампа, далее, на границе чашечки и венчика — горизонтальный ряд парных оттисков дугового зубчатого штампа. Конец большого клина, образующего емкость трубки, — сегментовидный с ребром. Между большим и малым клиньями, со стороны большого клина, проделано соединяющее их отверстие. Диаметр чашечки — 2,4 см, перехвата горла — 2 см, прута втулки — 1,4 см, большого клина — 1,6 см, малого клина — до 0,8 см.

2. Трубка курительная турецкая с выделенным килем, венчик и большая часть чаши утрачены (рис. 13: 5). Изготовлена из серо-коричневой пепельной глины, шов заглажен, внешняя поверхность лощеная, для покрытия использован очень жидкий красно-бурый ангоб. Киль выделен двойной врезной линией. У широкого конца втулки — 2 параллельные бороздки. Конец большого клина, образующего емкость трубки, сегментовидный. Между большим и малым клиньями, со стороны малого клина, проделано соединяющее их отверстие с оплывшими краями. Диаметр чашечки — около 2,4 см, втулки по краю — 1,9 см, минимальный — 1,4 см, диаметр малого клина — около 1 см, длина втулки — 2,9 см.

Особенности морфологии, орнаментации и технологии изготовления позволяют с уверенностью относить обе курительные трубки к середине — втор. пол. XVIII в.

Еще одной интересной находкой является **керамический шарик** диаметром 1,9 см (рис. 13: 6). Такие изделия известны на территории от Петербурга и Новгорода до Старой Рязани, исследователи трактуют их как шарики для различных игр (Гайдуков 1992: 109; Сорокин и др. 2009: 200), шарики от детских погремушек (Гайдуков 1992: 88) или детские игрушки в виде изображения круглых хлебов (Воронин 1948: 264).

Стеклянные изделия

Стеклянные изделия на поселении крайне малочисленны: всего можно выделить 5 фрагментов сосудов из прозрачного стекла различных оттенков и 6 бусин из однотонного стекла разных цветов.

Стеклянные сосуды (рис. 13: 7—10) представлены всего несколькими невыразительными патинированными фрагментами. 2 из них — придонные части *усеченно-конических рюмок* (рис. 13: 7, 8) из прозрачного стекла с толстым вогнутым дном и тонкими стенками. Диаметр дна — 4,2 и 5,2 см соответственно, причем первая из них — гофрированная, с продольными вертикальными прожилками от дна, над которыми расположена соразмерная цепочка ромбов, далее узор не просматривается. Еще один фрагмент представляет собой верхнюю часть сосуда (?) из прозрачного зеленого стекла с завернутым вовнутрь краем, поверх которого припаян крупный оплывший стеклянный жгут, истончающийся и загибающийся, образуя дугу, крепящуюся концом к внешнему краю венчика (рис. 13: 9). Четвертый фрагмент относится к стенке сосуда из прозрачного стекла голубого оттенка с гофрированной поверхностью в виде пересекающихся накрест рядов окружностей, от средокрестья которых отходят овалы, образуя цветочный орнаментальный мотив (рис. 13: 10). Также встречен малоинформативный фрагмент стенки сосуда из прозрачного стекла зеленого оттенка.

Бусины (рис. 13: 11—16) на поселении встречены в количестве 6 экземпляров из стекла, их можно разделить на 3 типа.

1. Бочковидные одноцветные бусины со сквозным отверстием по оси и тонким спиральным следом витя на боковой грани. Высота колеблется от 0,65 до 0,85 см, диаметр — около 1 см, диаметр отверстия — 0,3—0,4 см. Таких бусин встречено 3, они изготовлены из прозрачного белого, из прозрачного темно-янтарного и матового темно-сапфирового (темно-синего) стекла.

2. Многогранная одноцветная бусина со сквозным отверстием по оси. Форма представляет собой 2 усеченные взаимовложенные основаниями пятигранные пирамиды с закругленными ребрами. Высота — 0,65 см, диаметр — 1 см, диаметр отверстия — 0,35 см. Бусины этого типа представлены одной находкой из мутного бело-голубого стекла.

3. Мелкие бисерные цилиндрические бусины со сквозным отверстием по оси. Их размеры — $0,27 \times 0,3$ см, диаметр отверстия — 0,1 см. Таких бусин встречено 2, они изготовлены из прозрачного стекла лазурного и изумрудного цвета.

Бусины вышеописанных типов использовались в качестве украшений в составе женского костюма, они нанизывались на конский волос, образуя целые нити. Все они широко представлены на женских народных костюмах XVIII в. в Поволжье и Прикубанье.

Кости животных и изделия из них

Из 3654 фрагментов костных остатков животных, обнаруженных на поселении, 3155 (86,3%) встречено в напластованиях, 499 (13,7%) — в заполнении ям, античных колодцев и каменных вымосток. Археозоологические определения осуществлялись В. В. Соломахой по методике Е. Е. Антипиной (Антипина 2004: 7—19). 2764 фрагментов костей животных являются определяемыми, характер раздробленности — кухонный, сохранность материала в пластах 1—3 — высокая, в пластах 4—10 фиксируется значительная омытость. Кроме этого, на 91 фрагменте встречены следы зубов собаки, на 22 — следы воздействия открытого огня. Поскольку мощность культурных напластований XVIII в. на разных участках поселения варьируется, а археозоологические материалы перемешаны, то для восстановления картины мясного потребления жителей поселка наиболее корректно рассматривать материалы 1—3 пластов: это позволяет выявить основные закономерности, сведя погрешность к минимуму. Итоги определения археозоологических материалов без учета античных ям и объектов представлены в таблице 2.

Из таблицы видно, что в мясном потреблении жителей поселка XVIII в. решительно преобладало мясо домашней свиньи (более 41%), на втором месте — мясо крупного рогатого скота (более 17%). Пища, добываемая охотой (олень, косуля, заяц, птица) и промыслом (рыба), судя по статистическим данным, покрывала потребности населения в мясе примерно на 10%. Доля мяса мелкого рогатого скота невелика — около 4%, чуть меньше — доля мяса лошади. Лишь собака не употреблялась в пищу, что установлено по отсутствию повреждений на ее немногочисленных остатках, представленных в основном трубчатыми костями. Оставшуюся долю (более 25%) составляют неопределимые фрагменты костей крупных и средних млекопитающих. Таким образом, удельный вес и пропорции в распределении костей свиньи, крупного и мелкого рогатого скота, лошади, оленя и косули в реальности могут несколько отличаться от табличных данных. Кроме того, кости рыбы и птицы довольно мелкие и ломкие, а значит, в ходе раскопок они, скорее всего, выявлены не в полном объеме. Это означает, что удельный вес пищи, добываемой промыслом, мог быть и выше.

По археозоологическим материалам можно сделать некоторые выводы об этническом составе населения поселка и о практиковавшихся им формах хозяйства.

Преобладание мяса домашней свиньи указывает на немусульманский характер населения, в данном случае — на казаков-некрасовцев. Установлено, что тушки свиней профессионально разделывались вдоль позвоночника, головы отсекались в районе второго шейного позвонка. В пищу употреблялась вся тушка, включая пястно-плюсневые части. Диспропорций в материале не зафиксировано, значит, животные выращивались на месте, а не покупались. Таким образом, скотоводство представляло собой одну из основных форм хозяйства на поселении. Состав стада указывает на его стойлово-пастбищный характер. Следует отметить сходство картины мясного потребления на Некрасовском селении и в сибирской Мангазее XVII—XVIII вв., где также преобладала свинья как наиболее «удобное»

для климатических условий животное. В прочих же городах Сибири и Урала на протяжении XVIII—XIX вв. фиксируется увеличение доли крупного рогатого скота (Бачура и др. 2011: 271—275).

Кости рыбы в большей степени принадлежат семейству осетровых, а также придонным речным видам: основной лов первых из них в реке Кубань осуществлялся почти круглогодично, за исключением июля и первой половины августа, основной лов вторых — с июня по октябрь (Данилевский 1871: 29). Для рыбного промысла в столь изобильном крае удобнее было использовать сети и самоловы, что подтверждается находками на раскопе каменных грузил и многочисленных железных крюков. Рыбный промысел в XVIII в. был одним из основных традиционных занятий казаков повсеместно на территории их проживания (Куманцов 2011: 112—127). Для некрасовцев он стал одним из факторов, способствовавших их успешной адаптации на Кубани (Сень 2013: 203).

Немногочисленные изделия из кости животных в материалах поселения представлены 2 типами:

- со следами простейших следов обработки (расщепление, ломка, рубка, сверление, пиление, простейшая резьба), относящиеся к местному кустарному производству;
- с признаками высокотехнологичной обработки (придание формы, резьба, шлифовка, полировка), относящиеся к профессиональному ремесленному производству.

Из последних следует отметить несколько рукоятей ножей и инструментов (рис. 17: 7, 13, 19: 12), несколько фрагментированных двусторонних гребешков (рис. 20: 5—7), фрагмент плоской накладки с отверстиями (рис. 14: 13), петлю от лошадиных пут (рис. 19: 14) и молоток-киянку (рис. 19: 13).

К изделиям местного кустарного производства относятся фрагменты рогов благородного оленя: основание рога с надпиленными и затем обломанными ветвями (рис. 14: 10), шайбовидный спил ветви с боковыми надпилами (рис. 14: 11) и плоский фрагмент расщепленного рога (рис. 14: 9). Имеется также рог европейской косули с надпиленными и обломанными основанием и ветвями (рис. 14: 12), а также полый рог козла с обломанным концом (рис. 14: 8), возможно, служивший заготовкой для рукояти. В целом, назначение этих изделий представляется неясным. Возможно, они являются отходами косторезного ремесла, либо заготовками, аналогии им встречаются в материалах раскопок Азова XVIII—XIX вв. (Перевозчиков 1997: 56, 64).

Отдельного внимания заслуживают фаланги I крупного рогатого скота (рис. 14: 1, 3—7) и свиные (рис. 14: 2) с круглыми глубокими просверленными отверстиями в центре нижнего эпифиза диаметром 0,5—1 см. На тыльной стороне двух говяжьих фаланг, чуть выше нижнего эпифиза, под углом к основному отверстию просверлено встречное чуть меньшего диаметра (рис. 14: 3, 6). О назначении этих изделий можно судить по одной из находок, в отверстие которой залит свинец (рис. 14: 1): судя по всему, они использовались для игры в бабки, в то время повсеместно распространенной среди русских мальчиков. В случае с использованием свинца для заливки отверстия мы имеем дело со «свинчаткой» — бабкой, налитой свинцом для тяжести и ловкости. На дистальной поверхности свиной кости имеются поперечные насечки, что наряду с меньшим размером выделяет ее среди прочих бабок: такое изделие могло являться «кудачкой» — бабкой для особенной игры. Несколько изделий повреждено: на внешней поверхности одной из говяжьих фаланг имеются глубокие краниальные подрубы (рис. 14: 4), на другой — продольный разруб, отсекающий край верхнего эпифиза и следующий далее, обнажая полость, у него же сбоку имеются поперечные беспорядочные насечки (рис. 14: 5).

Согласно И. П. Сахарову, в русской семейной жизни игра в бабки занимала самое почетное место. Надкопытная говяжья кость при этом по городам и селам составляла «особенный род промышленности мальчиков» (Сахаров 1885: 210—212).

Предметы быта

К предметам быта отнесены предметы повседневности, связанные с обустройством жилого пространства и обеспечением его содержания в должном состоянии (рис. 15—19). На поселении Белое Юго-Восточное они представлены железными гвоздями, скобами, однолезвийными ножами, навесными замками, фрагментом ключа, фрагментами чугунок, железным наконечником чепельника (сковородника), калачевидными кресалами и кресальными кремнями, фрагментом лезвия топора, скобелкой, шильями, фрагментом сверла, держателем лучины (?), наперстками, молотком-киянкой и др.

Гвозди (рис. 15—16) кованые железные квадратного сечения представлены на памятнике довольно широко. Всего на раскопе встречено 95 гвоздей. Форма шляпки у них различна: в большинстве случаев, это массивная раскованная округлая или овальная шляпка с неровными краями, но встречаются квадратные и прямоугольные массивные шляпки, а также плоские круглые, наконец, есть несколько гвоздей и вовсе без шляпок. Большинство изделий фрагментировано, имеют повреждения и изгибы, поэтому, скорее всего, они представляют собой строительный мусор. Их длина редко реконструируется полностью, а коррозия и ржавая накипь не всегда позволяют судить о размерах сечения и шляпки.

При раскопках поселенческих памятников гвозди зачастую рассматриваются как массовый материал, им уделяют мало внимания, в лучшем случае подразделяя на маленькие и большие. Однако, как справедливо было отмечено Г. Х. Самигуловым, для описания различных изделий, в том числе из черного металла, следует привлекать исторические данные, отраженные в архивных документах. В своих работах он приводит «родную» типологию гвоздей XVIII—XIX вв. (Самигулов 2005а: 134—145; Самигулов 2014: 39—42). Опираясь на эту типологию, в материалах поселения Белое Юго-Восточное можно с высокой долей вероятности выделить как минимум 5 типов гвоздей с учетом их размеров, морфологии и пропорций.

1. Однотесные гвозди (рис. 15) имеют длину 6—9 см и предназначаются для прибивания 1 слоя тесовых досок. Их сечение обычно небольших размеров, пропорционально их длине, у основания шляпки колеблется от 0,4 до 0,7 см. Шляпка довольно тонкая, толщиной от 0,1 до 0,3 см, бесформенная, почти округлая, овальная или квадратная. На раскопе их обнаружено 59.

2. Двутесные гвозди (рис. 16: 5—36) имеют длину 12—16 см и предназначаются для прибивания 2 слоев тесовых досок. Их сечение обычно больших размеров, пропорционально их длине, у основания шляпки колеблется от 0,5 до 0,8 см. Шляпка в большинстве случаев более массивная, толщиной от 0,2 до 0,5 см, бесформенная, почти округлая, овальная или квадратная. На раскопе их обнаружено 32 — почти в 2 раза меньше, чем однотесных.

3. Четвертовые гвозди (рис. 16: 4) — массивные, длиной свыше 18 см, получившие свое название из-за длины в 4 вершка. На раскопе обнаружен фрагмент такого гвоздя сечением до 1,2 см, с округлой расщепленной шляпкой диаметром около 2,5 см.

4. Сколовые гвозди (рис. 16: 1, 2) могут быть разных размеров, они предназначаются для прибивания древесной коры (скола), их отличает отсутствие шляпки. На раскопе обнаружено 2 таких гвоздя толщиной 0,65 и 1,1 см, согнутых под прямым углом.

5. Кровельные гвозди (рис. 16: 3) — относительно тонкие, с ровной широкой и плоской шляпкой. На раскопе обнаружен фрагмент такого гвоздя: размеры шляпки — $2,5 \times 2,8$ см, ее толщина — до 0,3 см, сечение вблизи шляпки — $0,8 \times 0,9$ см.

Таким образом, гвозди, обнаруженные в раскопе — в основном одностенные, реже — двустенные. Такой дифференцированный подход позволяет определить использование гвоздей жителями поселения Белое Юго-Восточное преимущественно для легкого наземного строительства. Тем не менее, следует признать неоднозначность такой интерпретации, что справедливо отмечалось П. А. Корчагиным (Корчагин 2011: 56—63).

Скобы (рис. 18: 1—8) кованые железные представлены 8 находками, которые можно разделить на 2 типа:

1. Дуговидные скобы из прута округлого сечения (рис. 18: 1) представлены 1 единицей, сечение прута — 0,45 см, размеры скобы — $4 \times 4,3$ см;

2. Скобы прямоугольного сечения с согнутыми под прямым углом заостренными концами (рис. 18: 2—8), шириной около 1 см, толщиной 0,2—0,3 см, с длиной основания от 3,3 до 6,5 см и длиной концов около 3 см.

Скобы, судя по всему, как и гвозди использовались в строительстве, но предназначались для скрепления деревянного бруса, досок или балок.

Ножи (рис. 17) представлены 17-ю преимущественно фрагментированными однолезвийными экземплярами различной формы и конструктивных особенностей.

Два ножа — небольшого размера с листовидным лезвием и квадратным сечением черена (рис. 17: 1, 16), ширина их лезвия у основания — 1,8—2 см.

Еще один нож — узкий, с прямой спинкой и упором для рукояти в месте перехода прямоугольного в сечении черена в рабочую часть (рис. 17: 12): его длина — 10 см, длина рабочей части — 7,5 см, ее ширина у основания — 1,5 см.

Большим размером отличаются 3 ножа, схожие с предыдущим по форме, но имеющие в центре основания рабочей части круглое сквозное отверстие со вставленным в него штифтом для крепления рукояти (рис. 17: 2, 5, 14): ширина рабочей части — 1,8—2,1 см.

Почти целым экземпляром представлен согнутый нож с длинной узкой рабочей частью со скошенным острием и основанием, с прямой спинкой и коротким череном (рис. 17: 3): его длина — 14,7 см, максимальная ширина рабочей части — 1,8 см. Встречен также фрагмент рабочей части от похожего ножа длиной 11,5 см и шириной 1,7 см (рис. 17: 4).

Еще один нож имеет длинную серповидную рабочую часть со слегка изогнутой спинкой и упором для рукояти вблизи прямоугольного в сечении черена (рис. 17: 8): длина ножа — около 16 см, длина рабочей части — 11 см, ее максимальная ширина — 2,5 см.

Имеются фрагменты ножа со слегка изогнутой спинкой и круглым в сечении череном (рис. 17: 15), ножа с широкой рабочей частью со скошенным основанием и слегка прогнутой спинкой, переходящей в широкий утолщенный черен прямоугольного сечения (рис. 17: 9), а также фрагмент ножа с широкой рабочей частью, с прямой спинкой, переходящей в слегка изогнутый длинный черен прямоугольного сечения, образующий в нижней части, в месте перехода, упор для рукояти (рис. 17: 6).

Отдельного внимания заслуживает целый короткий однолезвийный нож со слабовыраженно-дугообразной спинкой и массивной костяной рукоятью (рис. 17: 7). Его рабочая часть — остроконечная, черен, являющийся продолжением лезвия, — плоский, прямоугольного сечения, с выемкой на конце. Рукоять двустворчатая, изготовлена из разрезанной вдоль и отшлифованной трубчатой кости животного, крепится к черену с обеих сторон пятью железными штифтами сквозь круглые сквозные сверлины, расположенные неровно в линию. У конца рукояти на обеих створках имеется по одному отверстию выше

крайнего штифта, у края одной из створок — более крупное сквозное отверстие со скошенными краями, уходящее в выемку основания черена. Судя по всему, оно предназначалось для продевания шнура. Общая длина ножа — 20,7 см, ширина — 2,1 см, толщина рабочей части и черена — 0,45 см, длина рукояти — 10,6 см, толщина рукояти — 2 см. От такого же ножа, вероятно, происходит и массивная костяная двустворчатая рукоять с расположенными ровно в линию 3 круглыми сквозными сверлинами (рис. 17: 13). Длина рукояти — 11,9 см, ширина — 2,4 см, толщина — 1,7 см. Похожая по конструкции рукоять ножа чуть меньшего размера происходит из раскопок на Марсовом поле в Санкт-Петербурге 2013 г. (Гарбуз и др. 2014: 63, рис. 18: 2).

От прочих ножей сохранились фрагменты лезвия (рис. 17: 11) и черена (рис. 17: 10, 17).

Кресала (рис. 18: 18—27) представлены 10 находками, в основном с обломанными краями, лишь одно — целое. Все они железные, кованые, по типологии А. В. Евглевского и Т. М. Потемкиной (Евглевский и др. 2000: 183) относятся к вариантам 1 и 3 (с треугольным язычком и без язычка) типа 1 (калачевидные) отдела 1 (однолезвийные) кресал — наиболее многочисленному виду, начиная с развитого средневековья. Язычок расположен в середине ударного лезвия с внутренней стороны, в ряде случаев он менее выражен (рис. 18: 18, 22, 26) или почти отсутствует (рис. 18, 27). Есть широкие и довольно плоские экземпляры (рис. 18: 19, 21, 25), другие — почти квадратного сечения (рис. 18: 18, 20, 22—24, 26, 27). Длина кресал колеблется от 5,2 до 7 см, ширина основания в районе язычка — от 0,3 до 0,8 см.

Кресальные кремни представлены 2 находками (рис. 18: 16, 17). Первый — небольшой приплюснутый трапециевидный отщеп светлого серо-коричневого цвета размерами 3 × 2,8 × 0,85 см, смоделированный 4 крупными сколами. Его высокий закругленный край доработан мелкими вертикальными сколами и имеет следы сработанности (рис. 18: 16). Вторым — крупный продолговатый отщеп трапециевидной формы коричневого цвета размерами 6,7 × 4,2 × 1,7 см с природной патиной на внешней поверхности. Его края оббиты, образуя зауженный конец со следами сработанности (рис. 18: 17).

Напильник железный представлен одной находкой продолговатой формы с коротким череном и длинной рабочей частью прямоугольного сечения (рис. 19: 2), его длина — 15 см, ширина — до 1,6 см, толщина — 0,4 см, длина рабочей части — 11,5 см.

Наконечник штопора встречен в одном экземпляре и представляет собой железный сужающийся и закручивающийся в 1,5 витка железный прут квадратного сечения с приваренной к нему слепой втулкой из скрученной плоской пластины (рис. 19: 3). Длина изделия — 6,2 см, диаметр втулки — 1,2 см.

Сверло представлено маленьким фрагментом острия с глубокой винтовой резьбой (рис. 19: 4).

Условно определен как **держатель лучины** железный кованый прут квадратного сечения, лопнутый и винтообразно вывернутый под небольшим углом (рис. 19: 5).

Железные **шилья** представлены 2 экземплярами. Первый — это заостренный тонкий прут длиной 9,2 см, подразделяющийся на длинное стреловидное острие квадратного сечения и длинный черенок круглого сечения (рис. 19: 6). Вторым — обоюдоострый тонкий прут длиной 11,4 см, одна половина которого также квадратного сечения, а вторая — округлого (рис. 19: 7). Судя по размерам, шилья предназначались для скорняжных работ.

Скобелка железная представлена одним фрагментом, состоящим из черена прямоугольного сечения длиной 8 см и загнутой набок рабочей части шириной около 2,5 см с заточкой внутри изгиба (рис. 19: 9). Рабочая часть снизу имеет косой срез, а ее спинка продолжает линию черена. Поскольку такой инструмент использовался для строгания бревен, обломанный конец должен был оканчиваться череном для второй ручки.

Наконечник инструмента неясного назначения длиной 5,2 см представляет собой тонкую железную пластину со сквозной разомкнуто-свернутой втулкой на одном конце диаметром 1,15 см и с расходящимся в стороны и вниз прихватом или упором — на другом (рис. 19: 8).

Чапельник (сковородник) (рис. 18: 11) представлен железным наконечником с косой сквозной разомкнутой втулкой. Это толстая пластина прямоугольного сечения, плавно переходящая на одном конце в разомкнутую расширяющуюся втулку, на другом — в расширяющуюся плоскую лопаточку, к которой сверху приварен плоский крючкообразно загнутый язычок. Длина изделия — 13,4 см, ширина лопаточки — 4,2 см, ее длина — 3,4 см, длина втулки — 6 см, ее диаметр — 3,25 см, высота язычка — 1,75 см.

От **топора** сохранился клинообразный трапециевидный фрагмент острия с ровной рабочей поверхностью шириной 14,6 см и заостренными концами (рис. 19: 10). Судя по массе и форме, фрагмент относился к обычному, не боевому топору.

Навесные замки представлены 2 экземплярами (рис. 18: 12, 13). Оба состоят из корпуса полуцилиндрической формы с широкими рельефными ободками по краям и с неразличимой из-за ржавчины скважиной с одного бока. В полуцилиндре корпуса притоплен открытый подковообразный запорный механизм, в который опущена в первом случае — округлая, во втором — прямоугольная в сечении дужка. Первый замок выше (рис. 18: 12), второй — шире (рис. 18: 13). Размеры первого замка: длина — 7,3 см, размеры корпуса — 4,25 × 2,7 × 2,5 см, ширина дужки — 5 см, диаметр дужки — 0,9 см. Размеры второго замка: длина — 6,5 см, размеры корпуса — 5,1 × 2,4 × 1,7 см, ширина дужки — 5,5 см, сечение дужки — 1 × 0,6 см.

Ключ представлен всего одним экземпляром (рис. 18: 14). Он состоит из головки (кольца) круглого сечения, скрепляющейся с трубкой круглого сечения перехватом-утолщением, бородака утрачена. Длина изделия — 5,8 см, диаметр трубки — 0,8 см, диаметр головки — 2,8 см, сечение кольца — 0,7 см.

Дверные петли представлены одной находкой (рис. 18: 15): она массивная размером 6,9 × 4,5 см, имеет форму треугольника с отсеченной вершиной, к основанию которого приварена двойная круглая петля диаметром 1,8 и шириной 2,9 см. Впрочем, изделие может являться и сундучной петлей.

Щеколда (рис. 19: 11) встречена в одном экземпляре и представляет собой продолговатую железную пластину 10,5 × 2,3 см с круглым сквозным отверстием, чуть смещенным от центра в сторону тупого края, другой край сужается и закругляется на конце.

Ушко от бадьи (рис. 18: 10). Фрагмент изделия с определенной долей осторожности идентифицирован по аналогии с материалами средневекового Саркела. Он представляет собой согнутый петлей стержень квадратного сечения толщиной 0,75 см с обломанными концами.

Чугунки представлены 2 фрагментами. Первый фрагмент (рис. 18: 9) позволяет реконструировать форму цельнолитого круглодонного котелка приземистой колоколовидной формы с коротким отогнутым венчиком и приваренной петлевидной ручкой округлого сечения. Ручка приварена перпендикулярно к венчику, а плоскостью нижнего отвернутого конца — к тулову, выше его максимального расширения. Реконструируемый диаметр венчика — 23,5 см, высота — 14 см, высота воротничка — 1,7 см, толщина стенок — 0,6 см, высота и толщина ручки — 5 и 1,3 см соответственно. Эти параметры позволяют высчитать объем, который равен примерно 0,28 ведра, что, судя по всему, соответствует «горшкам чугунного литья» № 5. Номерное обозначение объема чугунок в XVIII в. отмечено и расшифровывается в регистрах продаж Златоустовской заводской лавки того времени, опубликованных Г. Х. Самигуловым (Самигулов 2005а: 140—143). Второй фрагмент чугунка

— фрагмент стенки толщиной также 0,6 см, но, судя по закруглению, принадлежавший более крупному котлу.

Рукоять костяная представлена обрезанной с двух сторон и отшлифованной, в том числе и по краям, полой трубчатой костью размерами 4,8 × 1,5 см (рис. 19: 12).

Как **молоток-киянка** условно определено массивное костяное изделие 8,1 × 3,3 × 3,6 см с сужающимся уплощенным рабочим концом и плоским обухом, а также с плоскими и параллельными друг другу верхней и нижней гранями. В этих гранях встречными сверлинами проделано сквозное круглое отверстие диаметром до 1 см (рис. 19: 13). Внешняя поверхность изделия заполирована, с одной стороны частично разрушена до губчатого вещества, оба рабочих края оббиты. Точное предназначение данного изделия не ясно.

Петля от ременных треножных пут встречена в единственном экземпляре (рис. 19: 14). Она представляет собой фрагмент отшлифованной пластинки из трубчатой кости 7,1 × 2 × 0,9 см, одна из боковых поверхностей которой подрезана с двух сторон до образования килевидного выступа. По центру имеется сквозная длинная прорезь с закругленными краями. Изделие выполняло роль застежки на одном из трех концов ременных пут, которая запирала петлю, надевавшуюся на ногу лошади (Кирпичников 1973: 163—165).

Наперстки медные штампованные представлены 7 целыми и фрагментированными экземплярами разных размеров (рис. 19: 16—22). В их верхней части штамповка выполнена сеткой из маленьких квадратных вдавлений, по боковой поверхности — косой сеткой маленьких круглых вдавлений; у одного из наперстков ячейки этой сетки заметно больше (рис. 19: 17). У нескольких наперстков между верхней и боковой частями имеется небольшой гладкий пояс (рис. 19: 16, 18, 21), а внизу, на внешней стороне края, — выпуклый ободок, причем у нескольких наперстков он двухъярусный (рис. 19: 17—19, 21). Наличие наперстков свидетельствует о распространении на поселении шитья.

Грузик свинцовый усеченно-конический горизонтальных пропорций, размером 1 × 1,8 см, со сквозным отверстием по оси диаметром 0,55 см (рис. 19: 1) мог предназначаться как для ткачества, так и для рыбной ловли.

Оселок длинный брусковидный длиной 9,9 × 1,2 × 0,7 см со сквозным круглым отверстием в одной из вершин имеет по краям незначительные следы сработанности (рис. 19: 15). Датировка изделия неоднозначна, оно может относиться и к периоду античности.

Керамическая литейная форма для отливки мелкой ременной фурнитуры представлена фрагментом брикетной полуформы размером 6,3 × 4,1 × 2,15 см (рис. 19: 23). Предмет изготовлен из плотной глины с примесью мелкого песка и более крупных фракций известняка, за счет высокотемпературного обжига имеет розовато-оранжевый цвет, внешняя поверхность покрыта въевшейся сажей. Внешние грани полуформы плавные, на нижней еще во время лепки нанесены 3 поперечные врезные полосы, на боковой в том же направлении, но более разреженно — еще 3 полосы (видимо, для удобства при стягивании полуформ). Площадь соприкосновения плоская и ровная, в ней имеется небольшое симметричное углубление — рабочая емкость, напоминающая букву «Н» размерами 2,5 × 1,6 см с добавочными перекладинами между концами: нижняя такая перекладка оформлена ажурным стрельчатым углом, а от верхней поднимается длинный и узкий стояк. Предметов, отлитых при помощи данной литейной формы, на поселении не обнаружено.

Таким образом, предметы быта из раскопок поселения Белое Юго-Восточное в целом характерны для русских памятников XVIII в., связанных с колонизацией. В большинстве своем они плохой сохранности и не функциональны. Некоторые изделия позволяют говорить о существовании здесь плотницкого, скорняжного и простейшего косторезного ремесел,

шитья, возможно, ткачества и мелкого литья, которые были слабо развиты и имели подсобный характер, что в целом характерно для быта вольных казаков XVIII в.

Предметы туалета

К предметам туалета (рис. 20) отнесены изделия, связанные с приведением в порядок и поддержанием внешнего вида жителей поселения. В материалах раскопок они представлены миниатюрным бронзовым сосудиком и фрагментом венчика другого бронзового сосуда, маленькой бронзовой лопаточкой, бронзовой рукоятью бритвы с орнаментом и фрагментами 3-х костяных двусторонних гребешков.

Бронзовая чашечка изготовлена из 2-х длинных свернутых пластин, образующих двухслойный бортик, и одной круглой пластины, образующей дно (рис. 20: 1). Нижние края свернутых длинных пластин отогнуты в разные стороны: внешний изгиб образует край поддона, ко внутреннему краю с внешней стороны приварено круглое, слегка выгнутое дно. Край внешней свернутой пластины завернут вовнутрь, прихватывая край внутренней свернутой длинной пластины и образуя таким образом плавный край чашечки. Диаметр чашечки — 8,8 см, диаметр дна — 8 см, высота бортика с поддоном — 1,15 см, диаметр круглой пластины — 6,7 см, высота длинных пластин — около 1,7 см.

Имеется также фрагмент отогнутого венчика сосуда из сдвоенной бронзовой пластины со сквозным круглым отверстием (рис. 20: 2).

Лопаточка, по-видимому, маникюрная, представляет собой бронзовый наконечник с широко разомкнутой втулкой (рис. 20: 3). Сама лопаточка маленькая, ногтевидная, пропорциональная втулке. Длина изделия — всего 2 см, ширина — 0,7 см, длина втулки — 1 см, ее диаметр — 0,6 см. Интерпретация данного изделия неоднозначна, оно могло также быть и оконечником тонкого ремня.

Бритва представлена изогнутой двустворчатой бронзовой рукоятью с растительным орнаментом (рис. 20: 4). Створки — литые, относительно тонкие, симметричные, слегка изогнутые, края закругленные, нижний конец расширяется и закругляется, верхний — прямоугольный, в нем имеется тонкий штифт для крепления складного стального лезвия. Створки крепятся к небольшой узкой железной основе таким образом, что с внутренней стороны между ними остается щель. Орнамент рельефный, витиеватый, с обеих сторон одинаковый: 4 разных цветка с листьями в разные стороны как бы вырастают друг из друга от нижнего конца изделия к верхнему. Верхний конец отчерчен тонкой точечной линией, к ней шевронообразно, вершинами вниз следуют 4 таким же образом исполненные линии; край каждой створки обрамлен тонкой рельефной каймой. Длина изделия — 8,3 см, ширина — 1 см, толщина — 0,65 см. Рукояти бритв похожей формы, но изготовленные из кости, встречены в материалах раскопок Азова и Анапы. Судя по форме и стилистике изображений, они имеют турецкое происхождение.

Костяные двусторонние гребешки представлены 3 экземплярами (рис. 20: 5—7). Они однотипные, имеют трапециевидную, почти прямоугольную форму. На одной стороне зубцы частые и тонкие, на другой — крупные и редкие, с обеих сторон они заключены в обрамление широких плоских краев. Основание зубцов отчерчено с обеих сторон двумя параллельными, почти ровными линиями. Гребни утолщены в центре и сужаются в обе стороны к концу зубцов. Первый гребень относительно хорошей сохранности: мелкие зубцы обломаны, крупные почти все целые, он имеет высоту 5,3 см и ширину 4,5 см (рис. 20: 5). Второй гребень представлен обломком края высотой 4,9 см, имеющего сбоку глубокие треугольные врезные насечки, сделанные кустарно на готовом изделии, мелкие зубцы

намеренно срезаны у основания, из крупных уцелел лишь 1 зубец (рис. 20: 6). Наконец, у третьего гребешка обломаны боковины и многие крупные зубцы, а тонкие частые зубцы, как и у предыдущего, намеренно срезаны у основания. Сохранившаяся высота изделия — 5 см, ширина — 7,6 см, максимальная толщина — 0,35 см (рис. 20: 7). Костяные гребешки такого типа распространены на позднесредневековых памятниках и являются результатом развития линии таких изделий, бытовавших еще со времен раннего средневековья.

Промысловый инвентарь

К промысловому инвентарю отнесены предметы, связанные с ведением присваивающего хозяйства. На поселении Белое Юго-Восточное они представлены исключительно предметами рыболовства: крупными крюками самоловов, рыболовными крючками и массивными грузилами для сетей.

Крюки самоловов на поселении многочисленны и представлены 41 экземпляром (рис. 21: 1—41), они однотипны и в целом почти не отличаются друг от друга размерами. Это длинные кованые железные прутья округлого сечения с плавно изогнутым цевьем, расширяющимся у затылка, с отогнутым на 60° поддевом, раскованным вдоль до образования острия с небольшой бородкой. Верхний конец раскован поперек профиля изделия и, возможно, образовывал головку или петлю, которая не сохранилась. Длина крюков достигает 14 см, длина поддева — 4,2 см, диаметр сечения затылка — 0,9 см. От всех прочих отличается один крюк из прута прямоугольного сечения, изогнутого таким же образом, и истончающегося к заостренным концам (рис. 21: 12): его длина — 9,2 см, размер сечения в середине цевья достигает 0,35 × 0,7 см. Крюки в большинстве своем не функциональны, поскольку имеют серьезные повреждения: они бывают согнуты почти посередине в сторону острия или от него, а само острие — обломано.

Судя по всему, крюки являлись частью самоловов — крючковых снастей, состоящих из длинной веревки, к которой они крепились посредством коротких поводков. Самоловы были распространены у казаков и предназначались для ловли крупной бесчешуйчатой рыбы — белуг, осетров и прочих придонных видов. Проходя мимо поводков, рыба неизбежно их касалась, при этом крюк поворачивался к ней жалом и при дальнейшем отклонении поводка зацеплял свою жертву. Почувствовав укол, рыба пыталась освободиться, зацепляясь в итоге окончательно, в том числе и за соседние крюки (Куманцов 2011: 117). Об использовании крюков в составе самоловов свидетельствуют не только археозоологические материалы, но также размеры самих крюков и характер их повреждений: извлечение самолова осуществлялось волоком, и крюки могли быть обломаны или погнуты под весом рыбы или в результате зацепления за дно, траву и камни.

Рыболовные крючки представлены 2 целыми находками и одним фрагментом острия с бородкой (рис. 21: 42—44). Первый крючок — железный, изготовленный из прута округлого сечения со слегка изогнутым цевьем, закругляющимся поддевом с бородкой у острия, с раскованной головкой, загнутой назад в виде петли: длина изделия — 6,1 см, диаметр сечения — 0,45—0,55 см, высота петли — около 1 см (рис. 21: 42). Второй крючок — маленький, бронзовый, изготовлен из проволоки, цевье почти ровное, поддев закругляется, бородка отсутствует, верхний конец изгибается назад, образуя маленькую петельку: длина изделия — 3,5 см, диаметр сечения 0,1 см, высота петли — 0,25 см (рис. 21: 44). Фрагмент острия с бородкой от железного крючка имеет длину 1,5 см и диаметр сечения — до 0,3 см (рис. 21: 43).

Такие крючки могут свидетельствовать о существовании у местного населения рыбной ловли при помощи удилищ. В качестве грузил могли использоваться свинцовые (рис. 19: 1) и каменные изделия (рис. 32: 21). Вероятно, этот способ рыбной ловли применялся зимой, если река покрывалась льдом.

Грузила для сетей представлены 6 целыми и 4 фрагментированными экземплярами (рис. 22). В большинстве своем они массивные, уплощенные, с округлой двусторонней встречной сверлиной. Три грузила — трапециевидные уплощенные (рис. 22: 1, 8, 10), одно — трапециевидное объемное (рис. 22: 5), другое — овально-уплощенное (рис. 22: 2), еще одно — овальное объемное (рис. 22: 4), четыре — дисковидные (рис. 22: 3, 6, 7, 9). Все грузила изготовлены из ракушечника и лишь одно дисковидное — из массивной придонной части красноглиняного античного сосуда (рис. 22: 3). Только дисковидные грузила имеют следы относительно грубой обработки края и сверлину в центре, у остальных грани закругленные, а сверлина расположена в одном из углов.

Несомненно, грузила предназначались для сетей. Сведения об их использовании казаками-некрасовцами в этих краях в 1777 г. встречаются у В. А. Соловьева (Соловьев 1992: 68). По свидетельству В. Зуева, сети, называемые косяками, казаки *«опускают на дно, навязав к одной стороне тяжелые камни, а к другой, на веревках пуки камыша, называемые куги, которые, плавая на поверхности, держат сеть стеною»*. По прошествии суток *«подымают косяк и рыбу, которую и убивают долбнями»* (Зуев 1786: 8—9).

Таким образом, промысловый инвентарь представлен многочисленными, но однотипными элементами рыболовных снастей, в большинстве своем поврежденных, что свидетельствует об интенсивности и продуктивности рыболовства. При этом можно отметить несоответствие количества найденных снастей относительно небольшому количеству рыбных костей на данном участке поселения. Следовательно, многие кости рыбы могли быть не обнаружены в ходе раскопок из-за их мелкого размера и ломкости, кроме того, обработка и употребление рыбы в пищу могли осуществляться на другом участке поселения, либо значительная часть улова предназначалась для экспорта, что подтверждается данными письменных источников (Сень 2013: 203). В любом случае, реальная доля продуктов рыбной ловли в мясном потреблении жителей поселка должна отличаться от археозоологических данных в большую сторону.

Сельскохозяйственный инвентарь

К сельскохозяйственному инвентарю отнесены предметы, связанные с земледелием и обработкой его продуктов (рис. 23). На поселении Белое Юго-Восточное они представлены фрагментом жернова, наконечником тесла-мотыжки и фрагментом серпа.

Жернов (рис. 23: 1) представлен крупным фрагментом, по которому восстанавливается его дисковидная форма с круглым отверстием в центре. Как и рыболовные грузила, жернов изготовлен из ракушечника, его реконструируемый диаметр — около 45 см, толщина — около 4 см, диаметр отверстия — 7 см. Несмотря на размеры и форму изделия, вопросы вызывает функциональность материала, из которого он изготовлен. Известно, что жернова изготавливались из более прочных пород: песчаника, мрамора, гранита, кварцита и должны были иметь плоскую поверхность (Толпеко 2014: 304—305). Тем не менее, известно несколько фрагментов жерновов из ракушечника, хотя и более мелкозернистого, с некрасовского поселения Ханьков II на правом берегу Кубани в Славянском районе Краснодарского края. Возможно, такой жернов мог использоваться для грубого помола.

Тесло-мотыжка (рис. 23: 2) представлена железным наконечником с широко разомкнутой втулкой, которая на тыльном крае лезвия образует короткий воротничковый отворот. Длина изделия — 10 см, ширина лезвия — 7,25 см, его длина — 5,8 см, ширина втулки — 4,7 см. Данное изделие находит широкие аналогии в коллекциях средневековых бытовых памятников юга России, оно могло применяться не только для сельскохозяйственных, но и для прочих землеройных работ.

Серп (рис. 23: 3) представлен фрагментом характерно изогнутого, сужающегося к концу железного лезвия с заточкой внутри изгиба. Максимальная ширина сохранившегося фрагмента — 2 см, толщина — 0,25 см. Впрочем, фрагмент лезвия может принадлежать какому-либо иному инструменту или ножу.

Таким образом, изделия, связанные с земледелием, малочисленны, при этом их реальное назначение вызывает вопросы. Данные факты свидетельствуют о незначительной, скорее всего, подсобной роли земледелия в хозяйстве населения поселка, что совпадает с исторически сложившимся образом жизни казаков, ориентирующихся на быстрое получение материальных благ, достаточных для обеспечения жизнедеятельности, с минимальными трудозатратами. Примитивный характер земледелия делал их зависимыми от подвоза круп и муки (Куманцов 2011: 110—111). Вероятно, некрасовцы, как и прочие казаки, традиционно приобретали их на средства, получаемые от продажи рыбы.

Предметы вооружения и боеприпасы

Предметы вооружения и боеприпасы в материалах поселения довольно многочисленны и разнообразны, к ним относятся детали и боеприпасы ручного огнестрельного оружия (рис. 24), метательное и наступательное вооружение (рис. 25), а также чугунные пушечные ядра (рис. 26).

Детали ручного огнестрельного оружия представлены несколькими находками. Среди них 2 *спусковых крючка* — железные пруты прямоугольного сечения, сильно раскованные в верхней части с двух сторон до образования плоской петли и приплюснутые внизу со стороны нажима. У первого курка справа в петлю вставлена усеченно-пирамидальная, квадратная в сечении ось с плоской дисковидной шляпкой на обратном конце (рис. 24: 1). У второго петля пустая (рис. 24: 2). Вместе с первым курком обнаружен кремень ружейного замка (рис. 24: 3) — серо-коричневого и светло-серого цвета, размерами $2,2 \times 1,6 \times 0,85$ см, каплевидной формы, смоделированной многочисленными мелкими сколами, направленными преимущественно от центра к краям изделия. Кроме того, имеется плоская железная деталь прямоугольного сечения с массивной петлей на конце, которая по аналогии с похожим на нее изделием из сборов на территории Тушинского лагеря под Москвой может быть условно интерпретирована как фрагмент боевой пружины от ружейного замка (рис. 24: 4) (Двуреченский: 2007а: 264, 265, рис. 11: 4). Впрочем, она может являться и фрагментом удил.

Пулелейки бронзовые двустворчатые, предназначенные для отливки свинцовых сферических пуль, представлены 4 створками-полуформами (рис. 24: 5—8). У каждой створки рельефный рабочий контур окаймляет 3 сообщающиеся отверстия: полушарие рабочей полости, расширяющийся кверху усеченно конический стояк вертикальных пропорций и усеченно коническую литниковую чашу горизонтальных пропорций. Контур литниковой чаши с внешней стороны напоминает сопло. По краям от сопла и в нижней части полуформы имеется 3 сегментовидных выступа, на которых расположены небольшие штырьки-выступы (рис. 24: 5, 6) или округлые выемки-пазы для их приема (рис. 24: 7, 8),

предназначенные для скрепления створок. С внешней стороны контура рабочей полости имеется вертикальное массивное трапециевидное ушко с поперечным отверстием, в котором иногда сохранялся фрагмент тонких проволокообразных щипцов, плотно окаймляющий полуформу. Все створки пулелей примерно одного размера: высота — 2,75—2,8 см, ширина — 1,5—1,65 см, толщина — 0,75—0,8 см, высота ушка — 0,45—0,5 см, диаметр рабочей полости — 1,25—1,35 см. Незначительные расхождения в размерах и пропорциях при использовании непарных створок были причиной смещения или несовпадения полушарий рабочей полости, что приводило к деформации изделия уже на стадии отливки (рис. 24: 9—15).

Пулелейки поселения Белое Юго-Восточное имеют аналогии в материалах раскопок Азова, Анапы, крепостей Люттик/Сед-Ислам и Аккерман (Украина), казачьих городков, а также раскопанного в 2013 г. участка некрасовского поселения Ханьков II. Этим изделиям посвящено недавнее исследование, в котором вполне обоснованно предполагается их турецкое происхождение (Гусач и др. 2016).

Свинцовые слитки маленького размера, по-видимому, являлись сырьем для производства пуль. Это 4 однотипных продолговатых кусочка свинца, схожих по весоразмерным характеристикам (рис. 32: 15—18), более крупный цилиндрический слиток с кавернами (рис. 32: 19) и свернутая пластина с обрубленным краем (рис. 32: 14). Похожие изделия встречаются на синхронных археологических памятниках вместе с пулелейками.

Свинцовые боеприпасы для ручного огнестрельного оружия на поселении представлены 41 экземпляром (рис. 24: 1—43): они изготовлены из свинца, но различаются по форме, размерам, способам и качеству обработки. О. В. Двуреченским разработана типология таких боеприпасов для XV — нач. XVIII вв. по технике изготовления (Двуреченский 2005: 264—295).

К самой многочисленной группе 1 относятся *сферические свинцовые пули*, изготовленные методом литья расплавленного свинца в двустворчатые литейные формы — пулелейки. Всего их встречено 33 (рис. 24: 9—41).

К варианту 1 группы 1 по О. В. Двуреченскому относятся отлитые заготовки пуль без дальнейшей обработки — с облоем по стояку и по линии разъема литейных полуформ (рис. 24: 10). При смещении или несовпадении створок пулелейки получалась пуля варианта 1а (рис. 24: 9, 11). Из-за нехватки свинца получались пули варианта 1б — неровные, с кавернами или усадочными раковинами (рис. 24: 16—19).

К варианту 2 группы 1 относятся правильно обрубленные сферические пули без дальнейшей обработки. Для их изготовления использовались заготовки не только варианта 1 (рис. 24: 20—33, 37, 39—41), но и варианта 1а (рис. 24: 12—15). Часто при обрубке оставалось основание облоя по стояку. Были и неправильно обрубленные пули, часть которых отсекалась вместе с облоем (рис. 24: 34—36). Последние О. В. Двуреченский обозначает как вариант 2а. В коллекции имеется также сферическая пуля варианта 2 с двумя узкими встречными круглыми отверстиями, расположенными симметрично с обеих сторон от обрубленного облоя стояка (рис. 24: 37): вероятно, таким образом из нее пытались изготовить украшение, аналогичное привескам-бубенцам или пуговицу.

По нашим наблюдениям, в ходе изготовления пуль брак мог возникать при преждевременном извлечении заготовки из пулелейки: в этом случае изделие могло приобретать овальную форму (рис. 24: 24) или иметь небольшие плоские вмятины от удара о плоскую жесткую поверхность (рис. 24: 20, 23, 24, 27, 30). Если же заготовка пули выпадала из разомкнутой пулелейки почти сразу после заливки в нее свинца, она могла быть сплюснута при ударе, а снизу дать неровный контур сплеска, сохраняющийся при остывании

(рис. 24: 52). Имеются и иные отходы производства, в том числе обрубки облоя по стояку (рис. 24: 49, 50) и прочие непригодные для отливки фрагменты (рис. 24: 51, 53, 54).

Меньшим количеством на поселении представлены свинцовые снаряды группы 3 по О. В. Двуреченскому, изготовленные без изменения температурного режима, — так называемые *секанцы*. Всего их встречено 6 (рис. 24: 42—47). К варианту 1 группы 3 относятся заготовки в виде цилиндра, полученные при разрубании толстой свинцовой проволоки без дальнейшей обработки (рис. 24: 42—44), к варианту 2 — произвольные куски свинца или заготовки в виде цилиндра со следами обкатки (рис. 24: 45—47).

Для стрельбы использовались все вышеуказанные варианты пуль, за исключением не подходивших для заряжания в ствол по размеру (Двуреченский 2005: 266). Почти все пули групп 1 и 3 имеют диаметр 1,1—1,35 см. По О. В. Двуреченскому это обычные боеприпасы к самым распространенным типам ружей — ручным пищалям (Двуреченский 2005: 287), а судя по встреченным в раскопе деталям — к пищалям с кремневым замком. В обозначении кремневых пищалей в то время отсутствовала устоявшаяся терминология: они назывались также самопалом, завесной пищалью, а с кон. XVII в. до 1760-х гг. — фузеей (Маковская 1992: 30). Такие пули производились на месте, о чем свидетельствуют находки на раскопе 4-х створок вышеописанных пулелеек соответствующих размеров. От основной массы пуль отличаются 3 крупнокалиберные диаметром 1,6—1,9 см, которые по определению О. В. Двуреченского представляют собой снаряды к затинным пищалям или крупнокалиберным мушкетам.

Помимо вышеуказанных типов пуль, на поселении встречено 2 цилиндрических боеприпаса с округлой головкой диаметром 1,05 и 0,8 см, длиной 1,9 и 1,4 см (рис. 24: 48, 49). У первого из них снизу имеется глубокая выемка. Такие пули являются поздними, похожие экземпляры известны в материалах крепости Измаил.

Ручное огнестрельное оружие XVII—XVIII вв. было гладкоствольным и имело ряд недостатков — незначительную дальность (50—60 м), низкую кучность стрельбы и скорострельность. Таким образом, оно было непригодно для прицельной стрельбы, а использовалось преимущественно для залпового огня, что предполагало наличие регулярного построения войска или близкую дистанцию боя. При этом качество обработки пуль существенно не сказывалось на их баллистических характеристиках. При таком уровне развития вооружения эффективность продолжал сохранять традиционный набор видов метательного и наступательного оружия.

Наконечники стрел на поселении представлены 6 экземплярами (рис. 25: 1—6): все они железные, черешковые и, судя по многочисленным аналогиям из Подмосковья (Двуреченский 2007b: 277—331) и крепости Люттик/Сед-Ислам (Кузьмин 2012: 426—430), относятся к производству Российского государства. Согласно О. В. Двуреченскому, позднесредневековые железные наконечники выполняли исключительно боевую функцию, в то время как для охоты и промыслов использовались костяные, деревянные и бронзовые, которых на поселении не обнаружено. Этим же исследователем разработана типология таких наконечников для XV—XVII вв. по весоразмерным и конструктивно-морфологическим параметрам (Двуреченский 2007b: 277—331).

К типу 2 по О. В. Двуреченскому относятся ромбовидные наконечники с расширением в нижней трети длины пера, с короткой массивной боевой головкой, имеющей в сечении вид высокого ромба, и упором. На поселении встречен один такой наконечник: длина его пера — 3 см, ширина — 1,4 см, толщина — 0,6 см, черешок утрачен (рис. 25: 4). По функциональному назначению он относится к бронебойным с прокалывающим действием и является довольно редким.

К типу 6 относятся 3 ромбовидных наконечника, уплощенных (ромбических и линзовидных) в сечении, с расширением в нижней трети пера и упором (рис. 25: 1, 2, 6). Данный тип довольно вариативен. Так к варианту бв, характеризующемуся выраженной ромбовидной формой с прямыми сторонами проникателя и плечиков, относятся 2 наконечника (рис. 25: 2, 6) с длиной пера 4 и 5,15 см, шириной 1,45 и 1,75 см, толщиной 0,4 см, утолщением в нижней трети до 0,5 и 0,75 см, с длиной черешка 2,3 и 3,15 см соответственно. К варианту бд относится один вытянутый наконечник (рис. 25: 1) с реконструируемой длиной пера 5 см, шириной — 1,3 см, толщиной — 0,26 см, утолщением до 0,7 см и длиной черешка — около 2 см.

К типу 7 относятся 2 ромбовидных наконечника, уплощенных (ромбических или линзовидных) в сечении, с расширением в нижней трети пера в виде валика либо вообще без него (рис. 25: 3, 5), длина их пера 4,3—4,5 см, ширина — 1,7 см, толщина — 0,5 см, длина черешка — около 2 см.

По функциональному назначению типы 6 и 7 наконечников стрел относятся к универсальным и считаются самыми распространенными.

Все встреченные на поселении наконечники стрел демонстрируют сохранение и незначительное изменение форм, известных с XIII—XIV вв., соотношение их типов по функциональному признаку соответствует устойчивой тенденции, отмечаемой для южных районов России XVII в. и заключающейся в абсолютном доминировании универсальных стрел над бронебойными (Двуреченский 2007b: 301—302).

Исходя из особенностей наконечников, обнаруженных на поселении, следует, что разработанная О. В. Двуреченским типология актуальна и для XVIII в. Судя по всему, в это время метательное оружие в казачьей среде еще не было вытеснено огнестрельным, поскольку обеспечивало более высокую скорострельность, точность и скрытность, отличалось дешевизной в изготовлении и простотой в использовании.

Пики представлены 2 разными железными наконечниками с обломанным пером из пласта 1 (рис. 25: 7—8). Первый — с пером в виде четырехгранного стержня сечением 0,8 × 1 см и приваренной к нему воронковидной разомкнутой втулкой с диаметром до 2,7 см и глубиной 7 см (рис. 25: 7). Он находит аналогии среди копий из сборов на территории Тушинского лагеря под Москвой и относится к категории бронебойных (Двуреченский 2007a: 254—255, рис. 1: 6). Второй экземпляр наконечника пики — более массивный, с пером, имеющим расширяющееся основание, и цельнолитой воронковидной втулкой с манжетом, внутри которой сохранились остатки деревянного древка (рис. 25: 8). Длина втулки — 11,8 см, диаметр его основания — 3,5 см, глубина — 7,4 см, высота манжета — 0,4 см. Пика была излюбленным видом наступательного оружия казаков, к которому они приучались с детства. Она была актуальна и для некрсовцев, выставлявших конный полк в составе войска крымского ханства.

Клинковое оружие представлено единственным фрагментом пяты и основания клинка сабли без рукояти (рис. 25: 9): толщина изделия — 0,35 см, ширина клинка — 3,1 см, ширина пяты — 2 см.

Чугунные пушечные ядра на поселении представлены 21 целым и фрагментированным экземпляром как минимум 5-ти калибров: все цельнолитые с образованием шва между 2 половинками (рис. 26).

Основную массу составляют ядра диаметром 53—57 мм, их встречено 14 экземпляров (рис. 26: 6—19). По весоразмерным параметрам они соответствуют полторафунтовым пушкам калибра 58 мм.

Ядра диаметром 65—67,5 мм представлены 2 экземплярами (рис. 26: 4, 5), с диаметром 76 мм — 1 экземпляром (рис. 26: 3). По своим весоразмерным параметрам эти ядра, судя по всему, относились к трехфунтовым полковым или полевым пушкам калибра 76,2 мм с дальностью стрельбы до 2,25 км.⁶

Одним фрагментом представлено ядро с реконструируемым диаметром 93 мм (рис. 26: 2), оно соотносится с шестифунтовыми полковыми и полевыми пушками калибра 96,5 мм с дальностью стрельбы до 2,6 км.

Также на поселении встречен фрагмент самого крупного ядра — с реконструируемым диаметром 146 мм (рис. 26: 1), по размеру соответствующего полупудовым гаубицам калибра 153 мм с дальностью стрельбы до 1,8 км.

2 мелких чугунных ядра диаметром 30 и 40 мм (рис. 26: 20—21) трудно отнести к какому-либо конкретному оружию.

Многие ядра, особенно крупнокалиберные, фрагментированы и расположены в верхних слоях памятника, что свидетельствует об артиллерийском обстреле поселения, который велся предположительно с востока или северо-востока. Размеры ядер соответствуют калибрам полковых и полевых пушек, имевшихся на вооружении российской армии — трех- и шестифунтовых, а также полупудовой гаубицы. Казаки-некрасовцы не могли иметь на мирном поселении столь высокое количество орудий разных калибров. В то время они не являлись весомой силой в Прикубанье, будучи не готовыми к затяжным боевым столкновениям.

С учетом датировки памятника по монетным материалам артиллерийский обстрел следует связать с событиями 17 сентября 1777 г. По данным В. А. Соловьева в этот день *«два отряда от Кубанского корпуса выступили (к расположенным на Широчанских высотах — Ю. К.) некрасовским городкам. От Тамана отряд вел генерал Бринк, а от редута Куркай — полковник Гамбом. ... Кто-то из донских казаков тайно предупредил некрасовцев о грозящей им опасности, и они, не мешкая, переправили в Закубанье под охраной свои семьи, а затем перегнали и весь скот. В городках остались только молодые мужчины, решившие защищаться. Но когда заметили подходившие со стороны городка Тамана войска, то, не принимая боя, подожгли свои жилища и побежали к Кубани, где стояли лодки. Большая часть некрасовцев успела переправиться, но подошедший с востока Гамбом начал пушечный обстрел толпящихся у переправы некрасовцев, и они, бросив лодки, рассеялись по камышам»* (Соловьев 1992: 70—71).

Судя по всему, подошедшие сюда правительственные войска впоследствии расквартировались на месте бывшего некрасовского редута у п. Стрелка, вскоре перестроенного и переименованного в Екатерининскую крепость. По данным на июнь 1778 г. здесь, помимо гарнизона из 2 рот Тамбовского полка находился корволант — летучий полк из 3 мушкетерских и 1 гренадерской роты, предназначенный для действий в тылу противника, перехвата его коммуникаций, преследования и уничтожения. Здесь же находилось 2 орудия главной полевой артиллерии, 1 чугунное и 4 тамбовских полковых (Соловьев 1992: 135). Судя по всему, именно эти орудия обстреляли поселок со стороны Джигинской переправы.

Вместе с тем не ясно, почему на поселении встречено столь высокое количество преимущественно целых ядер легких полторафунтовых пушек, которые регулярными правительственными войсками на Кубани не использовались. Ответ на этот вопрос может

⁶ Здесь и далее тактико-технические характеристики артиллерийских орудий XVIII в. даны по С. Войцеховичу (Войцехович 2008: 16).

скрываться в архивных документах того времени. Также следует учесть упоминание от 1778 г. о пушке у некрасовцев, бежавших с Широчанских высот к современному п. Суворово-Черкесский (Соловьев 1992: 149). Оно может косвенно свидетельствовать о принадлежности ядер калибра 58 мм именно этому, уже устаревшему оружию.

В целом, многочисленные и разнообразные предметы вооружения свидетельствуют о военном характере быта поселенцев, при этом демонстрируя определенную архаичность.

Предметы культа

В материалах из раскопа поселения Белое Юго-Восточное представлены предметы исключительно православного христианского культа. Это 5 целых и фрагментированных крестов-тельников, а также фрагмент бронзовой пластины, предположительно являющийся обкладкой иконы.

Кресты-тельники могли носиться самостоятельно, а также в составе ожерелья или нагрудного украшения. Схема описания крестов-тельников и их классификация разработаны Э. П. Винокуровой для XVII в. (Винокурова 1999: 326—360), активно используются исследователями (Балюнов 2014: 200—203; Колпакова, Костючук 2011: 119—137; Молодин 2007; Станюкович и др. 2003; Самигулов 2008: 202—221) и применимы к крестам-тельникам поселения Белое Юго-Восточное. Также известна классификация русских православных крестов А. Б. Островского, разработанная для описания материалов фондов Российского этнографического музея (Островский, Федоров 2007): она призвана упорядочить музейные экспонаты (совершенно разнообразные кресты) в широком хронологическом диапазоне, поэтому не удобна для описания нашей узко датированной категории находок.

Один литой крест-тельник — бронзовый, прямолинейный, четырехконечный, с массивным вертикальным поперечным ушком (рис. 27: 3). Углы средокрестия перекрыты декоративными валютами, образующими ромб вокруг пересечения ветвей креста. На валютах имеются лучи, торцы которых скошены к центру лицевой стороны. У основания лучей, в углах средокрестия — 4 одинаковых сквозных круглых отверстия. В центре — рельефный 8-конечный крест на Голгофе с тростью и копием над могилой Адама. Копие и трость отходят от подножия вертикально вверх. На концах лучей Голгофского креста имеются квадратные клейма с аббревиатурами: на верхнем конце — «~//ЦРЬ//СЛВ» (Царь славы), по сторонам рук крупным шрифтом — «~ИС//ХС~» (Иисус Христос), на нижнем конце — мелкие буквы «МЛ/РБ» (место лобно, рай бысть), под раменами креста мелким шрифтом — «НИ//КА» (Ника — Победитель). На торцах вокруг контура креста — неразборчивые надписи. Высота изделия — 4,5 см, ширина — 2,7 см, толщина — около 0,3 см, высота ушка — 0,7 см, ширина ушка — 0,35 см, отверстие — 0,35 × 0,2 см, диаметр отверстий у основания лучей средокрестия — 0,18 см. Крест-тельник относится к варианту 1 подтипа 4 типа I по Э. П. Винокуровой (с лучами на валютах) и датируется XVII—XVIII вв.

2-й литой крест-тельник — оловянный (?), нижняя часть утрачена (рис. 27: 2). Он листовидный, четырехконечный, с кольцевидным вертикальным поперечным ушком. Концы и углы средокрестия заполнены орнаментальными завитками. В центре — рельефный восьмиконечный крест на Голгофе, у подножия — трость и копие. На концах лучей Голгофского креста — рельефные неразборчивые квадратные клейма с аббревиатурами: на верхнем конце — «ЦРЬ//СЛВ» (Царь славы), по сторонам рук крупным шрифтом — «ИС//ХС» (Иисус Христос), под раменами креста мелким шрифтом — «НИ//КА» (Ника — Победитель). Тыльная сторона плоская без изображений. Сохранившаяся высота — 2,85 см, ширина — 2,8 см, толщина — около 0,25 см, высота ушка — 0,9 см, ширина ушка — 0,3 см,

размеры отверстия — $0,2 \times 0,5$ см. Прямых аналогий этому кресту-тельнику найти не удалось, скорее всего его следует отнести к варианту 2 подтипа 4 типа I по Э. П. Винокуровой (с шариками на волютах) и датировать XVII—XVIII вв. Судя по материалу и качеству исполнения, можно предположить, что он является самодельным.

3-й литой крест-тельник — бронзовый, представлен фрагментом верхнего луча с ушком (рис. 27: 5). Ушко — поперечное, кольцевидное, вертикальное. В центре луча — верхняя часть рельефного 8-конечного креста на Голгофе, на верхнем конце — рельефное квадратное клеймо с аббревиатурой — «~//ЦРЬ//СЛВ» (Царь славы). Основа — округлая с каймой, между каймой и крестом нанесен узор (молитва?). Сохранился обломок волюты в углу средокрестия. На тыльной стороне в несколько рядов отпечатана неразборчивая молитва. Сохранившаяся высота — 2,3 см, ширина верхнего луча — 1,1 см, толщина — около 0,2 см, высота ушка — 0,65 см, ширина ушка — 0,2 см, размеры отверстия — $0,3 \times 0,5$ см. Крест-тельник по общей стилистике и верхнему клейму датируется XVII—XVIII вв. Вероятнее всего, его следует отнести к подтипу 4 типа I по Э. П. Винокуровой.

Также в коллекции имеется два одинаковых литых бронзовых креста-тельника: они прямолинейные, четырехконечные, с массивным вертикальным поперечным ушком (рис. 27: 1, 4). На лицевой стороне по краю — рельефная кайма, в центре — рельефный восьмиконечный крест на Голгофе. На концах лучей Голгофского креста — еле различимые квадратные клейма с неясными аббревиатурами. На тыльной стороне слабо заметен рельеф: в перекрестье — крупный ромб, со стороны его верхнего и боковых лучей видны одинаковые окружности, в нижней части рельеф неразборчив. Высота обоих изделий — 2,8 см, ширина — 1,8—1,95 см, толщина — 0,15—0,25 см, высота ушка — 0,6—0,7 см, ширина ушка — 0,3—0,4 см, диаметр отверстия — 0,15 см. Прямых аналогий этим изделиями не найдено, скорее всего, они являются поздними и относятся к XVIII в.

К предметам культа, пожалуй, следует отнести также фрагмент тонкой бронзовой пластины — плоский, прямоугольных очертаний, который может представлять собой обкладку иконы (рис. 27: 6). Рельеф на ней выделан чеканкой: вдоль прямого края следует рельефная кайма, от которой идет ряд косых (слева-направо) рельефных полос вплоть до нижерасположенного округлого рельефного ободка, к которому такие же полосы радиально расходятся от условного не сохранившегося центра. Судя по всему, округлый ободок представляет собой изображение нимба. Размеры фрагмента — $6 \times 7,5$ см.

Детали костюма

К деталям костюма следует отнести не только функциональные детали, такие как элементы ременной фурнитуры, застежки, пуговицы и обувные подковы, но также и различные украшения — нашивные и подвесные. Все они довольно многочисленны.

Кафтаные застежки представляют собой парные продолговатые литые металлические пластинки, суженные к концам, одна из которых заканчивалась притопленной в ней петлей, а другая — полусферическим выступом на короткой ножке. На поселении они представлены 13 экземплярами (рис. 28: 1—13), изготовленными из медных сплавов и серебра. Почти все они однотипные, с 8-ю симметрично расположенными в 2 линии ажурными отверстиями, крайние из которых предназначались для пришивания к одежде. Длина застежек составляет 3,4—3,8 см, ширина — 1,3—1,5 см. Отдельного внимания заслуживает застежка с 4 отверстиями (рис. 28: 1). Еще более интересна нестандартная застежка, планка которой выполнена в виде рельефного 8-лепесткового цветка с круглой выпуклой сердцевинкой и с коротким трапециевидным выступом у основания ножки, в котором имеется 2 отверстия для

пришивания (рис. 28: 8). Длина застежки — 2,6 см, ширина — 1,25 см. Судя по всему, она предназначалась для застегивания ворота.

Кафтанннeе застежки плотным рядом нашивались на груди у женского кафтанчика или бешмета, распространенного среди адыгейских и ногайских народов. В ногайском языке они назывались «каптырма» (пер. с татар.: «застежка»). Система таких застежек позволяла туго схватывать и стягивать фигуру от плеч до талии (Студенецкая 1989: 136—137; Канокова 2011: 47).

Нашивные пластины представлены несколькими разновидностями.

Самыми многочисленными являются находки однотипных бронзовых пластин с чеканным орнаментом и их фрагменты в количестве 8 экземпляров (рис. 28: 14—21). Чеканка нанесена с внутренней стороны пластины таким образом, что на внешней образуется рельеф: по краю ровно отчеканена кайма, ее контур повторен по внутреннему краю одинаковыми точками, такими же точками в центре набит круг или окружность вокруг центральной точки. По краям пластин накрест пробито 4 небольших круглых отверстия для пришивания к одежде. Размеры и форма пластин одинаковы — примерно 4,3 × 4,8 см. Согласно этнографическим данным, они назывались «kozyбасы» (пер. с татар.: «голова ягненка») и пришивались на кафтанчик или бешмет симметрично, с двух сторон от застежек, либо являлись элементом нагрудного украшения, называемого «тостюйме» (Канокова 2011: 47).

Еще одна пластина — цельнолитая, линзовидная с зубчатым краем, размером 6,3 × 2,8 см (рис. 27: 12). Ее лицевая сторона — рельефная и позолоченная, обратная — плоская и посеребренная. В центре имеется выступающий тонкий закругленный притопленный ободок диаметром 0,8 см под вставку камня, вокруг него — рельефная многозубцовая шестерня с притупленными краями, внутреннее кольцо которой выполнено в виде псевдоскани. На обоих зауженных краях пластины симметрично расположены 2 круглых сквозных отверстия для пришивания. Вероятнее всего, такая нашивка тоже служила частью нагрудного украшения и располагалась вблизи воротника.

Помимо пластин встречена **бронзовая розетка** (рис. 27: 13), состоящая из пластины-основания диаметром около 1,75 см, на которой симметрично припаяно 6 колец из сканной проволоки вокруг такого же центрального кольца. Между кольцами на внешнем крае расположено 6 симметричных круглых петель для крепления цепочек или проволоки. Такие розетки также характерны для ногайских и адыгейских костюмов.

Привески-бубенцы из медно-оловянного сплава представлены 4 изделиями (рис. 27: 7—11). Полый сферический двухслойный корпус изделий разделен рельефными меридиональными поясками на 6 или 8 равнозначных выпуклых секторов, заметен шов облоя, образовавшегося при отливке. На некоторых привесках-бубенцах гладкие сектора чередуются с секторами, покрытыми мелкой кривой рельефной сеткой напоя. На полюсах сверху имеется обломанное вертикальное ушко, снизу — небольшой волутообразный или сосцевидный выступ. С двух сторон от основания петли по линии облоя имеется 2 округлых отверстия. Диаметр тела изделия составляет — 1,15—1,35 см, высота с выступом и петлей достигает 2,25 см. Аналогии привескам-бубенцам встречаются в традиционном ногайском костюме XVIII в.: почти всегда они пришивались к внешнему контуру нагрудного украшения или к сапожкам и назывались «конъырав» (Канокова 2011: 47).

Привесками условно названы элементы сложных многочастных нашивных и подвесных украшений, встречающихся в составе адыгейского и ногайского костюмов. На поселении они представлены 6 экземплярами. Две привески — это ромбовидные пластины с несколькими круглыми сквозными отверстиями и с припаянным к верхнему краю вертикальным поперечным ушком: они изготовлены из меди и серебра соответственно (рис.

27: 17, 18). Третья привеска — предположительно латунная, в виде орнаментированной округлой пластины с ажурными краями и узким вертикальным ушком (рис. 27: 16). Четвертая привеска — бронзовая медалевидная с прямоугольным продольным ушком и вертикальным прямоугольным отверстием в центре (рис. 27: 19). Высота всех этих привесок составляет чуть менее 2 см. Отдельно встречено бронзовое вертикальное поперечное ушко от привески (рис. 27: 15). Кроме того, имеется привеска из створки моллюска-гребешка размером $2,8 \times 2,4$ см (рис. 27: 20).

Блестки бронзовые дисковидные нашивные с отверстием в центре представлены одной находкой диаметром 0,7 см (рис. 27: 14). Такие блестки массово нашивались на женскую одежду и головные уборы как порознь, так и образуя непрерывные линии. Аналогичные изделия известны нам в составе русских и мордовских народных костюмов XVIII в. (Мокшин 1990: 63—64).

Стеклянные **бусины**, также использовавшиеся для украшения костюма, уже были описаны ранее.

Пуговицы в материалах поселения многочисленны и разнообразны. Всего их встречено 33.

Наиболее многочисленны мелкие *цельнолитые пуговицы-гирьки* из медно-оловянного сплава, имеющие русское происхождение. На поселении они представлены 23 экземплярами. Все они отливались в двустворчатой форме, на что указывает сохраняющийся облой. Среди пуговиц-гирек встречаются разновидности с круглым ушком на короткой ножке (рис. 29: 8—16), с петлевидным ушком (рис. 29: 17—25), а также с простейшим орнаментом в виде меридиональных полос, секторов, концентрических кругов или фестонов (рис. 29: 28—32). Есть также бронзовые полые пуговицы-гирьки, сваренные из двух полусфер, с продетым в одну из них проволочным ушком (рис. 29: 26, 27). Кроме того, встречены 3 более крупные орнаментированные пуговицы-привески из медно-оловянного сплава с обломанным ушком: они также отлиты в двустворчатых формах, о чем свидетельствует облой (рис. 29: 33—35).

Особый интерес вызывает пуговица-чешуйка в виде выгнутой щитообразной пластины из медного сплава (возможно, латуни) с утраченным ушком, располагавшимся с обратной стороны (рис. 29: 7). Такие пуговицы достаточно редкие и тоже имеют русское происхождение.

Другие пуговицы представлены более крупными находками из бронзы: двумя круглыми плоскими с поперечным ушком на обратной стороне (рис. 29: 37, 38) и круглой полый, сваренной из двух половинок с припаянным сзади петлевидным проволочным ушком (рис. 29: 36). Также имеется цельнолитая блестящая бронзовая полусферическая пуговица мундира с массивным поперечным ушком с обратной стороны (рис. 29: 39).

Ременная фурнитура на поселении также довольно представительна.

Встречены 4 различные *пряжки*. Две из них — рамчатые железные, на одной даже сохранился подвижный язычок (рис. 29: 1, 2): размеры первой — $4,7 \times 3,5$ см, второй — $4 \times 3,6$ см. Третья пряжка — также рамчатая, но бронзовая, размерами $2,7 \times 1,75$ см (рис. 29: 3). Сечение верхней и нижней планок этой пряжки — прямоугольное, передней планки — округлое, задняя планка — рельефная с неявными ложбинками для крепления ремня и язычка. Наконец, четвертая пряжка — свинцовая, плоская, грушевидной формы размерами $2,55 \times 3,7$ см: она имеет 2 сквозных отверстия: диаметром 1 см в широкой части и 0,4 см — в узкой, причем на узком крае имеется округлая выемка. Железные пряжки встречаются на различных русских памятниках XVIII в., аналогия бронзовой пряжке известна в материалах раскопок некрасовского поселения Ханьков II.

Помимо пряжек, встречен *оконечник ремня* из бронзовой пластины щитовидной формы размерами 2,4 × 1,4 см с загнутыми вовнутрь краями и маленьким сквозным отверстием у основания (рис. 29: 6). Также имеется *цельнолитая бронзовая бляха* размерами 3,15 × 2,8 см (рис. 29: 5). Ее форма — овальная, слегка изогнутая, на тыльном краю — небольшой рамчатый выступ с прямоугольным отверстием для продевания ремня, на переднем крае — широкий и короткий прямоугольный выступ, с загнутым вовнутрь коротким краем. Через всю поверхность бляхи поперек расположен линзовидный рельефный выступ с выступающим продольным ребром. С обратной стороны бляшка вогнутая, вдоль основания рамчатого выступа имеется короткий выступ-ступенька.

Подковы в материалах поселения многочисленны и представлены 37 экземплярами (рис. 30). Все они повреждены: изогнуты, обломаны или вывернуты. Их реконструируемая длина и ширина редко превышают 9 см, а толщина — 0,3 см. Поскольку средняя ширина копыта лошади 22 см (Двуреченский 2004: 238—242), очевидно, что данные подковы — обувные. Среди них можно выделить как минимум 3 типа.

Тип 1 — узкие, сильно закругленные подковы с округлыми плоскими концами-петлями, прибиваемыми гвоздями, с высокими вертикальными трапециевидными выступами перед ними и с 1—2 направленными вниз вертикальными или крючковатыми шипами в задней (зацепной) части (рис. 30: 1—27). Между шипами иногда фиксируется отверстие для гвоздя. Таких подков на памятнике большинство — 28 штук, все они разноразмерные: есть маленькие, большие узкие и массивные. Для прибивания подков использовались короткие гвозди с плоскими круглыми шляпками, некоторые из них сохранились в отверстиях.

Тип 2 — широкие подковы с параллельными друг другу сужающимися, изогнутыми кверху концами, образующими 2 пяточных шипа. Они представлены 9 разноразмерными экземплярами (рис. 30: 28—36). У некоторых в задней (зацепной) части просматривается 1 центральное отверстие и 2 расположенных симметрично с двух сторон от него, предназначенных для прибивания подковы короткими обувными гвоздями. В одном случае сохранились гвозди с массивной круглой шляпкой (рис. 30: 35). Также имеется фрагмент подковы с согнутым крепежным штырем с внутренней стороны, расположенным на участке перехода дуги подковы от зацепной части к концу, за отверстием (рис. 30: 32). У другого фрагмента подковы у основания загнутого пяточного шипа имеется расширяющаяся площадка (рис. 30: 31).

Тип 3 — представлен единственным экземпляром (рис. 30: 37). Это тонкая подкова в виде дуги квадратного сечения с расширяющимися концами-петлями и 2 направленными вниз шипами в задней (зацепной) части.

К сожалению, нам не удалось найти полноценные аналогии всем вышеуказанным обувным подковам, за исключением типа 3, встречающегося в Подмосковье (Осипов 2006: 78—79).

Таким образом, детали костюма и обувные подковы на памятнике весьма многочисленны, причем детали женского костюма, включающие различные нашивные и подвесные украшения, демонстрируют традиции как минимум нескольких народов — русских, адыгейских, ногайских и, возможно, финно-угорских. Однако делать выводы о полиэтничном составе некрасовцев, опираясь на этот факт, преждевременно. Более вероятно, что такие костюмы могли появиться на поселении в результате «походов за зипунами» или торговли.

Украшения

К украшениям отнесены предметы, предназначенные для ношения непосредственно на теле и не являющиеся деталями костюма. В материалах раскопок они представлены серьгами и перстнями исключительно русского происхождения.

Серьги на поселении довольно многочисленны: их встречено 5 экземпляров (рис. 31: 1—5). Все они бронзовые, многочастные, с подвесками-шумелками, не всегда сохранившимися.

3 экземпляра — почти одинаковые (рис. 31: 1—3). Реконструируемая длина — около 6 см, ширина — до 2,25 см. Верхняя их часть — разомкнутое кольцо из проволоки круглого сечения, снизу к нему припаяны петли, посредством которых кольцо соединяется с несколькими подвижными секциями, состоящими из осей, скрепленных между собой несколькими вертикальными плоскими сцепками. В центре изделия — плоская ажурная планка 1 × 2 см с симметрично припаянными к ней сверху и снизу парными петлями. Спереди и сзади у планки имеется по 2 ячейки диаметром 0,35 см под круглые камни-вставки, обернутые у основания тонкой сканью. Снизу к планке также крепится несколько подвижных секций, заканчивающихся цельнолитыми подвесками-шумелками — круглыми в сечении, продолговатыми стержнями длиной 1,2—1,3 см с закругленным концом, разделенными на несколько зон поперечными канавками.

Ещё одна серьга (рис. 31: 4) чуть отличается от вышеописанных. В центре — плоская круглая планка диаметром 2,3 см с припаянной к ней уплощенной полусферой с отверстием для камня-вставки в центре и слабо промятыми 8-ю симметрично расходящимися от него округлыми лепестками. К полусфере по бокам симметрично припаяно 2 круглых ушка, предназначенных для крепления цепочек или нитей. Граница между полусферой и круглой планкой окаймлена сканной проволокой. К верхнему и нижнему краям планки сверху и снизу симметрично припаяны спаренные петли, соединяющиеся с несколькими подвижными секциями, состоящими из осей, скрепленных между собой несколькими вертикальными плоскими сцепками. Разомкнутое кольцо для подвешивания и шумелки не сохранились.

Наконец, последний, пятый экземпляр представлен цельным основанием массивной ажурной серьги 3,5 × 2,6 см (рис. 31: 5). В основании изделия — плоская пластина грушевидной формы. К ее верхнему и нижнему полукружиям приварены полые полусферы. На верхнюю полусферу треугольником приварены 3 кольца сканной проволоки, на нижнюю — соцветие из 8 высоких ячеек под камни-вставки. Основания ячеек обернуты кольцами тонкой сканной проволоки. Сверху у серьги имеется вертикальная поперечная петля для подвешивания, снизу — юбка из 8 петель для крепления мелких элементов на цепочке или нити.

Аналогии этим серьгам встречаются на кладоискательских сайтах, но при этом слабо освещены в специальной литературе. Известно, что конструктивно схожие с ними серьги XVII в. назывались «серьги-голубцы» (Короткова 2008: 120).

Перстни на поселении представлены 14 различными экземплярами (рис. 31: 6—19), а также 2 стеклянными вставками (рис. 31: 20, 21). В настоящее время данная категория находок, относящихся к XVIII в., также изучена слабо. Похожие изделия обнаруживаются на всей территории России, поэтому за основу для их описания нами взята типология перстней по устройству и форме щитка, разработанная для г. Тобольска (Алиева 2014: 188—193).

Перстни-печатки представлены 2 экземплярами, у которых щиток является плавным продолжением линии дужки (рис. 31: 4, 5). Один из них отлит из свинца (или олова?) с образованием облоя по краю округлой в сечении дужки и имеет очень маленький размер, не

позволяющий одеть его на палец взрослого человека (рис. 31: 4). Второй изготовлен из медного сплава, имеет плоскую обломанную дужку и овальный щиток (рис. 31: 5).

Щитковосрединные перстни представлены 7 экземплярами из медно-оловянного сплава с округлой или овальной дужкой и резко расширяющейся средней частью в виде щитка (рис. 31: 6—12). У всех перстней дужка либо отломана, либо погнута. Щитки преимущественно круглые, с примитивными геометрическими узорами или орнаментом. Лишь 1 щиток имеет форму горизонтальной восьмерки с 4 круглыми сквозными отверстиями в центре (рис. 31: 12).

Перстни со вставками представлены 5 экземплярами, щитки которых исполнены в виде рамки или системы крепления для вставки (рис. 31: 13—17). Эти перстни очень разнообразны. Один бронзовый перстень имеет усеченно-бипирамидальный (8 граней) пустой щиток с остатками клеящего вещества внутри невысокого ободка и с почти полностью сохранившейся плоской дужкой у основания (рис. 31: 13). Второй перстень — массивный свинцовый (или оловянный?), вероятно, самодельный, с плоской массивной дужкой и мощным щитком с 5 неровными вертикальными ребрами, удерживающими шайбовидную голубую матовую вставку (рис. 31: 14). Третий перстень представлен массивным оловянным дисковидным щитком из двух плотно примыкающих друг к другу пластин с круглым отверстием, смещенным от центра к краю, в котором имеется шайбовидная вставка из прозрачного стекла голубого оттенка (рис. 31: 15). И, наконец, 2 перстня представлены высокими тюльпанообразными щитками с 8 короткими лепестками-креплениями для вставки и с фрагментами плоской дужки у основания, в один из них вставлено стекло малиново-красного цвета, в другом имеются следы клеящего вещества (рис. 31: 16, 17).

Помимо этого, имеется 2 вставки для перстней: одна — из голубого прозрачного стекла изумрудной ступенчатой огранки (рис. 31: 19), вторая — шайбовидная из прозрачного стекла (рис. 31: 18).

Перстни, судя по примитивности их исполнения, предназначались для небогатых слоев населения: они производились массово и даже кустарно.

Предметы неясного назначения

Процент предметов неясного назначения на поселении невысок.

Изделия из цветных металлов представлены обрезанными бронзовыми пластинами (рис. 32: 1—10), в том числе с круглыми клепками (рис. 32: 1, 2), маленькими блестящими бляшками из медного сплава (рис. 32: 11, 12), одна из которых с квадратным отверстием в центре, а также фрагментом бронзового изделия в виде маленького крючка (рис. 32: 13). Аналогии этим находкам встречаются на более ранних средневековых поселениях, в том числе и золотоордынских (Лапшин и др. 2011: 34—35, 148, рис. 61).

Среди железных изделий — крюк квадратного сечения с массивным цилиндрическим основанием (рис. 33: 1), застежка-карабин (рис. 33: 2), прут квадратного сечения с маленьким крючком на конце (рис. 33: 3), фрагмент сочленения удила (?) (рис. 32: 4), изогнутый прут (рис. 33: 6), восьмеркообразное кольцо (рис. 33: 5), 2 круглых кольца (рис. 33: 13, 14), фрагмент цепи из 2 звеньев (рис. 33: 12), фрагмент железного прута с раскованной плоской петлей на конце (рис. 33: 10), фрагменты продолговатой (рис. 33: 7) и гофрированной пластин (рис. 33: 15), а также 2 крестообразных фрагмента каких-то изделий (рис. 33: 8, 9).

Отдельного внимания заслуживает деталь, представляющая собой Г-образную в профиле площадку и круглым сквозным отверстием в основании и круглым глухим отверстием

меньшего диаметра рядом. От 1/2 части края площадки отходит плоский, направленный вовнутрь крючок, напоминающий контуром водоплавающую птицу: с отогнутой шеей, головкой с клювом и коротким хвостом, с поперечным сквозным круглым отверстием в задней части (рис. 33: 11). Возможно, она является деталью пищали.

Изделия из прочих материалов представлены фрагментом каменного кольца $2,8 \times 1,1$ см с орнаментом в виде двойной прорезанной линии вдоль боковой поверхности (рис. 32: 21), а также похожим на маленькую подставку плоским квадратным деревянным бруском $3,85 \times 3,3 \times 1,2$ см с подрезанными гранями и круглым сквозным отверстием в центре (рис. 32: 20).

Ямы и погребение

На поселении исследовано 11 античных объектов (колодцы с каменной кладкой стен, каменные вымостки, резервуар для сбора воды (?) и обустроенный родник (?)), 2 безинвентарных погребения — XVIII в. и периода античности, а также 52 ямы различных датировок и назначения.

Пластовые зачистки позволили выявить лишь 3 ямы (ямы 1, 13 и 19), 3 прокала и 1 христианское безинвентарное погребение (погребение 2), относящиеся к XVIII в. Какой-либо закономерности в расположении ям не прослеживалось: все они различной формы и имели хозяйственное назначение. Заполнение ям — типичный мусор, представленный фрагментированной керамикой и костями животных — преимущественно, рыбы и свиньи.

Яма 1 (рис. 4) обнаружена после снятия условного пласта 5 (80—100 см) в юго-восточном углу квадрата 22, ее восточный и южный края уходили в примыкающие к ней стратиграфические бровки. Пробой ямы в бровках отмечен с глубины около 0,8 м от дневной поверхности (0 м от R0'). Яма выделялась темно-серым пятном, по стратиграфии борта была впущена в древний горизонт XVIII в.

Яма имеет неправильные подпрямоугольные в плане очертания, вытянута по направлению запад—восток, ее размеры — $2,2 \times 1,3$ м, однако, судя по неясным следам в бровке, ее протяженность доходила до 4 м. Стенки неровные, слегка покатые, на глубине от -0,36 до -0,54 м от R0' они плавно переходят в неровное дно, понижающееся с запада на восток. В центре дна имеется округлое углубление диаметром около 1 м: стенки углубления отвесные, переход в неровное, заглубляющееся в центре дно довольно резкий. Глубина ямы от зафиксированного верхнего края — около 1 м (-0,93 м от R0').

Заполнение ямы в верхней части представляет собой темно-серый плотный просохший суглинок с фрагментами керамики и костей животных, по своей структуре оно схоже с поселенческим слоем 2. Мощность этого слоя в заполнении ямы 1 составляет около 0,3 м. Ниже до самого дна заполнение несколько высветляется, содержание фрагментов керамики и костей животных увеличивается. Статистика по керамике из ямы 1 представлена в таблице 1, по костным остаткам — в таблице 2. Кроме того, в ней найдено 9 фрагментов античной керамики I в. до н.э. — II в. н.э. Из находок наиболее интересен фрагмент донной части поливного светильника «крымской» группы (рис. 8, 25) и фрагмент железного однолезвийного ножа (рис. 17: 17).

Яма 13 (рис. 3) обнаружена в западной части квадрата 77, у центра соответствующего участка бровки А3, вплотную к ней. Яма выявлена после снятия пласта 2 (20—40 см), на зачищенной поверхности поселенческого слоя 1 она выделялась более светлым желто-коричневым пятном. Яма овальная в плане, вытянута по направлению север—юг, ее размеры — $1,9 \times 1,2$ м. Стенки покатые, плавно переходят в дно. Дно неровное, незначительно

понижается в северо-восточном направлении. Глубина ямы в центре от уровня дневной поверхности — около 0,7 м (-0,46 м от R0').

Заполнение ямы однородное, представляет собой мешанную желто-коричневую плотную супесь. Немногочисленные фрагменты керамики из заполнения относятся к коричневоглиняному русскому горшку втор. пол. XVIII в. (рис. 12: 18). Статистика по костным остаткам из ямы 13 представлена в таблице 2.

Яма 19 (рис. 4) обнаружена после разбора напластований в квадрате 29, в восточном фазе стратиграфической бровки А2. Яма имела форму пробоя с почти отвесными стенками, оконтуренного снизу прослойкой золы и углей. Заполнение ямы представляло собой темно-серый плотный суглинок, едва отличимый от поселенческого слоя 2, в котором она была сделана. Таким образом, восточная часть ямы в ходе разбора напластований в квадрате 29 не была прослежена и ее контур обозначен предположительно. Западная часть ямы прослежена в восточной части квадрата 47 после снятия пласта 3 (40—60 см). Зафиксированный участок ямы прямоугольной формы со слегка скругленными углами, ориентирован длинной стороной по направлению северо-запад — юго-восток, размеры — 3,5 × 2,4 м. Стенки ямы практически отвесные, довольно резко переходят в неровное дно, понижающееся в восточном направлении, таким образом глубина увеличивается с 0,5 до 0,8 м (от +0,59 м до +0,22 м от R0'). Уклон дна ямы практически повторяет уклон материковой поверхности на памятнике.

Заполнение ямы однородное, представляет собой темно-серый плотный суглинок с включением мелкого щебня и солей. В восточной части на понижающемся дне имеется слой золы и углей мощностью до 0,15 м, у северо-восточного борта — прокол грунта серо-коричневого цвета. Статистика по керамике из ямы 19 представлена в таблице 1, по костным остаткам — в таблице 2. Кроме того, в яме найдено 9 фрагментов античной керамики II в. до н.э. — II в. н.э. Из находок наиболее интересен фрагмент ручки поливного красноглиняного кувшина «крымской» группы (рис. 9: 20), кресальный кремь (рис. 18: 17), 3 фрагмента железных гвоздей (рис. 15: 58—59; рис. 16: 36), фрагмент дисковидного грузила из ракушечника (рис. 20: 9) и свинцовая пуля-секанец (рис. 25: 42).

Все 3 ямы поселения XVIII в. по размерам и конфигурации очень похожи на ямы 1 и 2 хутора Понадцовской того же периода, расположенного на берегу р. Сал около г. Семикаракорска и частично исследованного экспедицией ГУ «Областная инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры» и ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро» под руководством В. В. Алейникова в 2004 г. (Рогудеев 2007: 67—68, 76). Яма, практически идентичная по форме, размерам и заполнению яме 19, но относящаяся уже к XIX в., встречена при проведении раскопок в г. Ростове-на-Дону в 2002 г. на участке Темерницкого некрополя на углу ул. Шаумяна и пер. Халтуринский. Такие ямы по В. В. Рогудееву являются типичными мусорными, в 1993 г. они также встречались при строительстве ливневой канализации на участке ул. Б. Садовая между пер. Островского и пр. Буденовским, но тогда не вызвали никакого интереса (Рогудеев 2007: 68, 76).

Погребение 2 (рис. 3) было выявлено на южном склоне небольшой балки, прорезающей склон, в северо-западной части квадрата 69, у его границы с квадратом 68, после снятия пласта 4 (60—80 см) и зачистки по материк. Погребение основной своей частью уходило в западный борт раскопа. В стратиграфии западного борта заметно, что погребение впущено с уровня залегания слоя 1, на глубине около 0,3 м от уровня дневной поверхности. Для исследования погребения сделана прирезка 2 × 2 м (4 м²).

Погребальная яма выделялась пятном темно-коричневого цвета на фоне серо-желтого материкового суглинка, смешанного с оползевым щебнем. Погребение совершено в узкой

подпрямоугольной яме, вытянутой по линии запад—восток, восточный край ямы закруглен. Длина погребальной ямы по верхнему краю 2,06 м, ширина до 0,68 м, стенки относительно ровные, слегка покатые, плавно переходят в дно размерами 1,84 × 0,49 м. Дно неровное, заглубляется в западной части.

Скелет погребенной женщины 35—50 лет располагался на дне ямы, по ее длинной оси, вытянуто на спине, головой был ориентирован на запад. Череп приподнят и обращен лицом на восток, подбородком прижат к левому плечу. Руки согнуты в локтях и кистями размещены в области грудной клетки. Ноги вытянуты, ступни перекрещены между собой. На позвонках наблюдаются признаки начала остеопороза, в шейных позвонках — запущенный шейный остеохондроз, на правой берцовой кости заметен сросшийся перелом. Лучевая вырезка локтевой кости, с которой сочленяется головка лучевой кости, достаточно развита, что говорит о большой нагрузке на лучеплечевой сустав (ношение коромысла?). Вещей в погребении не обнаружено.

Стратиграфическая позиция погребения свидетельствует о том, что оно было совершено в XVIII в., а обряд захоронения находит прямые аналогии среди христианских погребений Подонья и Сибири. Идентичное трупоположение, в частности, отмечено в погребениях Старогригорьевского казачьего городка на Дону, в Иловлинском районе Волгоградской области (Скворцов 2016), а также на некрополях городов и сел Урала и Сибири (Самигулов 2005b: 154—168). Западная ориентировка, небольшая глубина могильной ямы и необязательное сопровождение погребенного крестом-тельником отмечаются как характерные черты христианских погребений XVII—XVIII вв. (Самигулов 2005b: 160—166).

* * *

Характер деятельности населения на исследованном участке поселка XVIII в. не вполне ясен. Следы активной хозяйственной деятельности (мощные культурные напластования, перемешанность слоя, мощные локальные прокалы, большое количество находок, в том числе монетных, и др.) сочетаются с крайне незначительным количеством ям и беспорядочностью в распределении материала. Среди находок очень высокий процент составляют артефакты со следами прижизненной изношенности, брака или повреждений. Строительные остатки представлены фрагментированной крымской черепицей, железными скобами, однотесными и двутесными гвоздями, следовательно, на поселении, неподалеку от раскопа, могли находиться легкие наземные постройки, возводившиеся с использованием дерева. Логично предположить, что исследованный участок являлся окраиной или свалкой, на которую оплыли остатки поселения с высокой террасы.

Принадлежность поселения казакам-некрасовцам устанавливается по нескольким показателям. Во-первых, среди костных остатков животных очевидно преобладание костей свиньи и коровы со следами кухонных разрубов и раздробов, а также рыбы, что свидетельствует о немусульманском составе населения. Во-вторых, наряду с традиционной для этих мест керамикой «крымской» группы и группы урн с горизонтальными ручками встречается довольно много фрагментов кухонной серо- и коричневоглиняной русской посуды. В третьих, для русского населения периода колонизации XVIII века характерен встречающийся здесь набор каменных изделий — ружейные и кресальные кремни, грузила, точила, жернов (Толпеко 2014: 304), а также костяные игральные бабки из надкопытных говяжьих костей. Еще более прямыми доказательствами являются находки нескольких крестов-тельников, фрагмента бронзовой обкладки иконы и безынвентарное христианское погребение. О сохранении на Кубани старообрядческих православных традиций косвенно

могут свидетельствовать единичные находки керамических курительных трубок, которые, например, в слоях турецких поселений XVIII в. (Анапа, Азов и др.) обнаруживаются в избытке: их малое количество может объясняться традиционным порицанием табакокурения в старообрядческой среде (Федорова и др. 2015: 540—541). Еще один маркер этно-территориальной принадлежности жителей поселка следует видеть в российских серебряных копейках-чешуйках чеканки до 1704 г. (до переселения в Прикубанье), а также нескольких более поздних турецких монетах и нюрнбергских счетных жетонах — всех вторично использованных в качестве элементов украшения костюма. При этом очевидно, что основой денежного обращения у некрасовцев были монеты Крымского ханства — серебряные, а позднее — билонные и медные бешлыки, встречаемые здесь в изобилии. Наиболее ранние ходовые крымские монеты правления Селима II Гирея (1743—1748 гг.) и наиболее поздние единичные Шахин Гирея (1777 г.) позволяют очертить период существования поселка в хронологических рамках между нач. 1740-х и кон. 1770-х гг.

По-видимому, казаки-некрасовцы переселились сюда с территории средней Кубани после карательных походов правительственных войск 1736—1737 гг. Не исключен и последующий прирост населения поселка за счет переселенцев и освобожденных пленников. Окончание существования поселения совпадает с военной операцией под командованием генерала И. Ф. Бринка и полковника К. Гамбома, обстрелявших из артиллерии и разоривших некрасовские селения на правом берегу Старой Кубани 17 сентября 1777 г. Помимо письменных источников, на это указывает большое количество находок на поселении целых и фрагментированных артиллерийских ядер различных калибров.

Судя по прочим находкам, хозяйство некрасовцев было комплексным и представляло собой сочетание стойлово-пастбищного скотоводства с промыслами (рыбная ловля сетью, самоловом и удилицем, охота). Земледелие традиционно не играло существенной роли. Быт представляется военизированным, о чем свидетельствуют несколько пулелеек с сопутствующими следами производства (исходное сырье, брак и обрезки), большое количество свинцовых боеприпасов преимущественно одного калибра, несколько наконечников стрел, прочие предметы вооружения, их детали и фурнитура. Ремесла имели подсобный характер: среди них по отдельным находкам можно выделить плотницкое, скорняжное и косторезное дело, шитье, возможно, ткачество и мелкое литье. Многочисленные детали женского костюма (русского, адыгейского и ногайского), украшения, предметы туалета, а также детские игрушки-бабки позволяют характеризовать поселение как исключительно бытовой памятник.

С археологической точки зрения, поселения казаков-некрасовцев с учетом довольно узкой и в то же время надежно определяемой датировки представляются перспективными для исследования и могут выступать в качестве реперных памятников для датировки и изучения древностей позднего средневековья — нового времени Причерноморского и Приазовского регионов. Кроме того, дальнейшее их изучение поможет существенно уточнить данные письменных источников об особенностях и хронологии расселения русскоязычного населения в Прикубанье до его присоединения к Российской империи.

Таблица 1. Находки массового керамического материала XVIII в. из раскопа 2014 г.
Определения С. А. Бейлиной (Кононовой) и Ю. Ю. Каргина

Место находки	КЕРАМИКА																																																					
	Крымская группа																				Группа урн с горизонтальными ручками				Серо- и коричневоглиняная русская				ФЯЯНС	ЧЕРЕПИЦА	ВСЕГО																							
	Неполивная										Поливная										Урны		Сосуды		Сосуды тонкостенные		Крышки	Горшки				Закрытые сосуды	Чашечка																					
	Закрытые (кувшины?)					Миски					Широкогорлые					Закрытые с корич. ангобом	Розовоглинн.	Кувшины					Афтобы						Чаши					Крышки	Белоглин.	Светильники		Урны	Сосуды		Сосуды тонкостенные		Крышки	Горшки	Закрытые сосуды	Чашечка								
стенки	стенки орнамент.	венчики/горло	ручки	дно плоское	носок	бортик	бортик орнамент.	стенки	венчик/горло	стенки	стенки с МЗР	ручки	стенки	венчики	ручка/носок			стенки	стенки орнамент.	венчики/горло	ручки	дно плоское	венчик	стенки	горло	дно плоское	носок	стенки	кольцевой поддон	бортики	почти целая	фрагменты	ручка			ножка	полный профиль		фрагменты	венчики	ручки горизонт.	дно плоское					стенки	венчики	ручки вертикал. плоски	дно плоское	стенки	стенки орнамент.	венчик/бортик	ручки
Пласт 1	155	3	2	6	13	-	2	-	1	-	-	-	17	1	1	114	3	3	15	7	-	-	-	1	1	6	3	5	-	2	2	2	1	2	8	15	5	177	-	3	-	23	2	5	-	1	1	-	13	-	1	12	634	
Пласт 2	108	6	2	7	11	1	1	1	-	4	15	2	-	5	4	-	191	2	8	23	13	2	-	1	2	2	15	7	6	-	1	-	3	1	8	13	17	5	209	2	4	1	30	1	2	1	10	-	-	11	1	1	44	804
Пласт 3	51	8	-	4	8	-	1	-	10	4	25	-	1	5	-	52	5	6	8	4	-	20	-	-	-	6	3	6	1	-	-	1	3	5	6	130	-	1	-	20	-	2	-	9	-	-	3	-	1	32	442			
Пласт 4	18	-	2	1	3	-	-	-	-	3	9	-	-	-	-	36	3	1	3	4	-	-	-	-	3	2	-	-	-	-	-	-	2	1	37	3	2	1	11	-	-	-	3	-	-	1	-	-	12	163				
Пласт 5	14	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	39	6	1	5	2	-	7	-	-	-	4	1	2	-	-	-	1	-	1	52	-	2	-	-	-	1	-	1	-	-	3	-	-	-	146				
Пласт 6	3	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9	-	5	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	26			
Пласт 7	2	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12			
Пласт 8	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	8			
Пласт 9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2			
Пласт 10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2		
Яма 1	-	1	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	10		
Яма 13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	-	-	-	5			
Яма 19	-	3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	1	1	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	24			
ВСЕГО	351	21	7	20	39	1	4	1	13	11	49	2	1	27	5	1	456	19	25	55	30	2	28	1	3	3	38	17	19	1	3	2	12	2	11	28	41	18	628	5	12	2	84	3	10	1	24	1	3	33	1	3	101	2278
ИТОГО	553										727										734				160				3	101	2278																							
%	24,3										31,9										32,2				7				0,1	4,5	100																							

Таблица 2. Массовые костные остатки из раскопа 2014 г.
Определения В. В. Соломахи (без учета античных ям и объектов).

Место находки	КРС	МРС	Свинья	Лошадь	Олень	Косуля	Собака	Заяц	Рыба	Птица	Моллюск	Н.ф.к.к.м.*	Н.ф.к.с.м.**	ВСЕГО
Пласт 1	86	6	145	9	4	2	1	-	9	6	-	35	21	324
Пласт 2	113	33	370	22	9	1	1	1	49	20	-	118	172	909
Пласт 3	105	27	234	25	1	1	3	-	37	21	-	40	89	583
Пласт 4	77	34	97	38	4	-	4	-	22	13	3	28	37	357
Пласт 5	94	27	33	27	2	-	1	-	6	2	-	41	21	254
Пласт 6	62	23	15	17	2	-	5	-	15	6	3	23	26	197
Пласт 7	43	15	14	19	1	-	-	1	3	11	-	21	5	133
Пласт 8	50	9	7	7	1	-	-	-	4	2	-	16	31	127
Пласт 9	32	3	3	23		-	1	-	-	-	-	36	5	103
Пласт 10	25	15	2	9	1	-	2	1	1	-	-	13	2	71
Яма 1	7	-	28	-	-	-	-	-	2	7	-	4	8	56
Яма 13	11	-	3	1	-	-	-	-	-	7	-	3	-	25
Яма 19	16	3	47	8	-	-	-	-	50	17	-	10	10	161
ИТОГО	721	195	998	205	25	4	18	3	198	112	6	388	427	3300
%	21,8	5,9	30,1	6,2	0,8	0,1	0,5	0,1	6	3,4	0,2	11,8	12,9	100
ИТОГО по пластам 1-3	304	66	749	56	14	4	4	1	95	47	0	193	282	1815
% по пластам 1-3	16,7	3,6	41,4	3,1	0,8	0,2	0,2	0,1	5,2	2,6	0	10,6	15,5	100

* Н.ф.к.к.м. – неопределимые фрагменты костей крупных млекопитающих.

** Н.ф.к.с.м. – неопределимые фрагменты костей средних млекопитающих.

Таблица 3. Нумизматические материалы XVII—XVIII вв. из раскопа 2014 г.
Определения Ю. Ю. Каргина

Наименование	Датировка	П.М.	Пласт 1	Пласт 2	Пласт 3	Пласт 4	Пласт 5	Всего	Итого
1. Крымское ханство (бешлык)	1684-1691 гг.	-	1	-	-	-	-	1	245
	1702-1704 гг.	-	1	-	-	-	-	1	
	1707-1709 гг.	-	1	-	-	-	-	1	
	1717-1724 гг.	1	3	-	-	-	-	4	
	1724-1730 гг.	1	-	-	2	1	-	4	
	1730-1736 гг.	1	1	-	1	-	1	4	
	1736-1737 гг.	-	1	-	-	-	-	1	
	1737-1739 гг.	-	-	1	-	-	-	1	
	1740-1743 гг.	-	1	2	1	-	-	4	
	1743-1748 гг.	2	8	5	10	1	-	26	
	1748-1756 гг.	-	8	4	7	2	-	21	
	1756-1758 гг.	1	11	4	10	4	-	30	
	1758-1764 гг.	1	2	1	2	-	-	6	
	1764-1767 гг.	9	15	14	8	4	1	51	
	1767-1768 гг.	1	5	9	6	4	-	25	
	1768-1769 гг.	-	1	-	-	-	-	1	
	1769-1770 гг.	2	9	3	3	4	-	21	
	1770 г.	-	1	-	-	-	-	1	
	1770-1771 гг.	-	-	1	-	-	-	1	
	1771-1775 гг.	4	6	7	9	2	-	28	
1775-1777 гг.	-	2	2	-	-	-	4		
с 1777 г.	-	1	-	1	-	-	2		
неопред.	1	4	1	1	-	-	7		
2. Османская империя	1730-1754 гг. (пара)	1	-	-	1	-	-	2	4
	1735 г. (куруш)	-	-	-	-	1	-	1	
	1758-1761 гг. (пара)	-	-	1	-	-	-	1	
3. Российское государство	1613-1645 гг. (копейка)	-	-	1	4	-	-	5	11
	1645-1676 гг. (копейка)	-	1	-	-	-	-	1	
	1696-1704 гг. (копейка)	1	-	-	2	-	-	3	
	1736 г. (деньга)	-	-	1	-	-	-	1	
	1744 г. (деньга)	-	-	-	-	-	1	1	
ВСЕГО		26	83	57	68	23	3	260	260
ЖЕТОН счетный (пфенниг) г. Нюрнберг	английский стиль	-	1	-	-	-	1	2	5
	солнце-луна-звезды	-	1	1	1	-	-	3	

Таблица 4. Индивидуальные находки XVIII в. из раскопа 2014 г.
Определения Ю. Ю. Каргина

ГРУППА	НАИМЕНОВАНИЕ, МАТЕРИАЛ	П.М.	Пласт1	Пласт2	Пласт3	Пласт4	Пласт5	Пласт6	Яма 1	Яма 19	ВСЕГО	ИТОГО	
МОНЕТЫ	Крымское ханство, бешлык (серебро, медь, билон)	24	82	54	61	22	2	-	-	-	245	260	
	Оттоманская империя	пара (серебро)	1	-	1	1	-	-	-	-	-		4
		куруш (медь)	-	-	-	-	1	-	-	-	-		
	Российское государство	копейка (серебро)	1	1	1	6	-	-	-	-	-		11
деньга (медь)		-	-	1	-	-	1	-	-	-			
ЖЕТОН счетный (пфенниг)	английский стиль (латунь)	-	1	-	-	-	1	-	-	-	2	5	
	солнце-луна-звезды (латунь)	-	1	1	1	-	-	-	-	-	3		
ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ	изделие из рога оленя	-	1	2	-	-	-	-	-	-	3	13	
	изделие из рога косули	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1		
	изделие из рога козла	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1		
	бабка, кост.	1	2	2	2	-	-	-	-	-	7		
	накладка фрагмент, кост.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1		
ПРЕДМЕТЫ БЫТА	гвозди, жел.	кровельный	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	95
		сколовый	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2	
		четвертовый	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
		двухтесный	-	4	15	9	1	2	-	-	1	32	
		однотесный	-	8	19	20	3	4	3	-	2	59	
	скоба, жел.	-	-	5	2	1	-	-	-	-	8	77	
	нож, жел.	1	3	5	4	1	1	-	1	-	16		
	нож, жел. с кост. рукоятью	-	-	1	1	-	-	-	-	-	2		
	кресало, жел.	2	1	5	1	1	-	-	-	-	10		
	кремь кресальный	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1		2
	напильник, жел.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-		1
	штопора наконечник жел.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-		1
	сверла фрагмент, сталь	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-		1
	держатель лучины, жел.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-		1
	шило, жел.	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-		2
	скобелка, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-		1
	инструмента наконечник, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-		1
	чапельника (сковородника) наконечник, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-		1
	топора фрагмент, жел.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-		1
	замок навесной, жел.	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-		2
	ключ, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-		1
	петля дверная, жел.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-		1
	щеколда, жел.	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-		1
	ушко от бадьи, жел.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-		1
	чугунка фрагмент, чугун	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-		2
	рукоять кост.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-		1
	молоток-киянка (?), кост.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-		1
	петля от пут, кост.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-		1
	шарик, керам.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-		1
	сосуда фрагмент, стекл.	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-		3
	рюмки фрагмент, стекл.	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-		2
	наперсток мед.	-	2	3	2	-	-	-	-	-	-		7
	грузик, свинц.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-		1
оселок, камен.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1		
полуформа литейная керам.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1		
трубка турецкая курительная, керам.	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2		

Таблица 4. Продолжение.

ГРУППА	НАИМЕНОВАНИЕ, МАТЕРИАЛ	П.М.	Пласт1	Пласт2	Пласт3	Пласт4	Пласт5	Пласт6	Яма 1	Яма 19	ВСЕГО	ИТОГО
ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА	чашечка, бронз.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
	сосуда фрагмент, бронз.	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	
	лопаточки наконечник, бронз.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	бритвы складной рукоять орнамент., цв.м.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
	гребешок двусторонний, кост.	-	-	1	1	1	-	-	-	-	3	
ПРОМЫСЛОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ	крюк самолова, жел.	-	3	21	16	-	1	-	-	-	41	7
	крючок рыболовный, жел.	-	-	1	-	-	1	-	-	-	2	
	крючок рыболовный, бронз.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	грузило, камен.	-	1	1	1	1	3	1	-	1	9	
	грузило из дна керам. сосуда	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ	тесло-мотыжка, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	54
	серпа фрагмент, жел.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	жернова фрагмент, камен.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ	спусковой крючок жел.	-	1	-	-	-	-	1	-	-	2	3
	кремь ружейного замка	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	
	пружина ружейного замка (удила?), жел.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	створка пулелейки, бронз.	-	3	1	-	-	-	-	-	-	4	
	пуля сферич., свинц.	4	10	7	6	1	1	-	-	-	29	
	пуля сферич. крупнокалибер., свинц.	-	-	3	-	-	-	-	-	-	3	
	пуля-секанец, свинц.	-	-	2	2	1	-	-	-	1	6	
	отходы производства пуль, свинц.	-	-	1	2	-	2	1	-	-	6	
	слитки для производства пуль, свинц.	-	1	3	1	-	-	-	-	-	5	
	пластина свернутая, свинц.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	
	наконечник стрелы жел.	-	2	1	2	1	-	-	-	-	6	
	пуля цилиндрич., свинц.	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2	
	пики казачьей наконечник, жел.	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2	
	сабли фрагмент, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
	ядро пушечное, чугуна.	1	7	4	4	2	1	-	-	-	19	
ядро мелкое, чугуна.	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2		
ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА	крест-тельник, цв. м.	1	1	1	1	-	1	-	-	-	5	90
	обладки иконы фрагмент, бронз.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
ДЕТАЛИ КОСТЮМА	пряжка ременная, жел.	-	-	1	1	-	-	-	-	-	2	6
	пряжка ременная, цв.м.	1	1	-	-	-	-	-	-	-	2	
	бляха ременная цельнолитая, бронз.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	оконечник ремня, цв.м.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	
	застежка кафтанная, цв.м.	-	2	6	3	-	1	1	-	-	13	
	пластина нашивная с чекан. орнаментом, цв.м.	1	1	1	3	2	-	-	-	-	8	
	нашивная пластина позолоч., цв.м.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	
	розетка, бронз.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	привеска-бубенец, цв.м.	1	3	-	-	1	-	-	-	-	5	
	привеска мелкая с ушком, цв.м.	1	1	1	2	-	-	-	-	-	5	
	привеска из ракушки	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	блестка нашивная дисковидная, бронз.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	бусина, стекл.	-	1	1	1	1	-	-	-	-	4	
	бисер, стекл.	-	-	-	2	-	-	-	-	-	2	

Таблица 4. Продолжение.

ГРУППА	НАИМЕНОВАНИЕ, МАТЕРИАЛ	Пл.М.	Пласт1	Пласт2	Пласт3	Пласт4	Пласт5	Пласт6	Яма 1	Яма 19	ВСЕГО	ИТОГО
ДЕТАЛИ КОСТЮМА	пуговица-гирька с круг. ушком на ножке, цв.м.	1	2	1	4	1	-	-	-	-	9	
	пуговица-гирька с петлевид. ушком, цв.м.	-	2	2	4	1	-	-	-	-	9	
	пуговица-гирька полая, цв.м.	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2	
	пуговица-гирька орнамент. цв.м.	-	-	4	1	-	-	-	-	-	5	
	пуговица-привеска орнамент., цв.м.	-	1	1	1	-	-	-	-	-	3	
	пуговица круглая плоская с ушком, цв.м.	2	-	-	-	-	-	-	-	-	2	
	пуговица круглая полая с ушком, цв.м.	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	
	пуговица мундира, цв.м.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	
пуговица-чешуйка, цв.м.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1		
ДЕТАЛИ ОБУВИ	подкова обувная с отворотом, жел.	-	1	12	11	3	1	-	-	-	28	80
	подкова обувная плоская, жел.	-	3	1	3	1	-	-	-	-	8	
	подкова обувная тонкая, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
УКРАШЕНИЯ	серьга многочастная, бронз.	-	1	3	-	-	-	1	-	-	3	37
	перстень щитковосрединный, цв.м.	1	2	2	2	-	-	-	-	-	7	
	перстень-печатка, цв.м.	-	1	-	1	-	-	-	-	-	2	
	перстень со вставкой, цв.м.	-	4	-	-	1	-	-	-	-	5	
	вставка в перстень, стекл.	-	1	1	-	-	-	-	-	-	2	
ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТ. МЕТАЛЛА	бляшка, цв.м.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	21
	пластина, бронз.	1	2	-	1	4	2	-	-	-	10	
	пластина с клепками, бронз.	-	1	-	-	-	-	1	-	-	2	
	изделия фрагмент, бронз.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ	фрагмент кольца, камен.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	1
ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА	изделие (подставка?) дерев.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	1
ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА	карабин, жел.	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	14
	крюк, жел.	-	1	1	-	-	-	-	-	-	2	
	удил фрагмент, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
	кольцо 8-образное, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
	кольцо, жел.	-	-	-	1	1	-	-	-	-	2	
	цепи фрагмент из 2 колец, жел.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	продолговатое изделие, жел.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	деталь, жел.	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	
	пластины фрагмент, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
	пластины гофрированной фрагмент, жел.	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	
	предмета железного фрагмент, жел.	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	
изделие из прута, жел.	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1		
ВСЕГО		47	189	227	215	58	25	10	1	6	778	778

Литература

- Алиева Т. А. 2014. Перстни из культурного слоя г. Тобольска (по материалам Базарного раскопа). В: Татаурова Л. В., Борзунов В. А. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. 1. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 188—193.
- Андриевский Д. В., Чореф М. М. 2015. Кошелек монет Крымского ханства, найденный близ с. Межводное (Черноморский район, Крым). *МАИАСК* 7, 324—335.
- Аношко О. М. 2011. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска. В: Татаурова Л. В. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 259—267.
- Антипина Е. Е. 2004. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. В: Черных Е. Н. (отв. ред.). *Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина*. Москва: Языки славянской культуры, 7—19.
- Балюнов И. В. 2014. Частная коллекция нательных крестов, собранная в городе Тобольске и его окрестностях. В: Татаурова Л. В., Борзунов В. А. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. 1. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 200—203.
- Бачура О. П., Лобанова Т. В., Бобковская Н. Е. 2011. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII—XIX веках. В: Татаурова Л. В. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 271—275.
- Белов М. А., Лукьяшко С. И., Раев Б. А. 2015. Особенности планировки пастушеских поселений нового времени на Тамани (по результатам раскопок аула Тереклыккой). В: Матишов Г. Г. (отв. ред.). *Крым в войнах России: материалы Всероссийской научной конференции*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 26—31.
- Беляев Л. А. 2014. Археология позднего средневековья и нового времени в России: заметки о самоопределении. В: Татаурова Л. В., Борзунов В. А. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. 1. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 11—18.
- Бобринский А. А. 1978. *Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения*. Москва: Наука.
- Болдин И. В. 2012. *Круговая керамика бассейна Верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы периодизации и хронологии)*. Калуга: Буки Веди.
- Винокурова Э. П. 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. В: Рыбаков Б. А. (отв. ред.). *Культура средневековой Москвы: XVII век*. Москва: Наука, 326—360.
- Войцехович С. 2008. *Российская полевая артиллерия. 1382—1917 годы. Артиллерийские системы на службе в Российской Императорской и Красной армиях*. Москва: ООО «БТВ-Книга» (Артиллерийский музей 13).
- Волков И. В. 1992. *Керамика Азова XIV—XVIII вв. (Классификация и датировка)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.
- Волков И. В. 1999. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы. В: Носкова Л. М., Мкртычев Т. К. (отв. ред.). *Материальная культура Востока 2*. Москва: Компания «Спутник+», 226—252.
- Волков И. В. 2003. О некоторых находках монет в Краснодарском крае. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Кубани 3*. Краснодар: КубГУ, 235—243.
- Волков И. В. 2005. Крепость Лютик — Сед-Ислам (предварительное сообщение и керамический комплекс). В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (отв. ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Т. 1. Киев: Стилос, 482—492.
- Волков И. В. 2006. Закрытый комплекс турецкого времени из Азова. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* Вып. 21. Азов: Азовский музей-заповедник, 473—497.
- Волков И. В., Новикова Г. Л. 1996. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы. В: Смирнов А. П. (отв. ред.). *Археологические памятники Москвы и Подмосковья 2*. Москва: Музей истории города Москвы, 134—152 (*Труды Музея истории г. Москвы* 9).

- Волков И. В., Петерс Б. Г. 2003. Средневековый керамический комплекс поселения Гаркуша. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Кубани* 3. Краснодар: КубГУ, 244—261.
- Воронин Н. Н. 1948. Пища и утварь. В: *История культуры Древней Руси. Домонгольский период*. Т. 1. *Материальная культура*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Гайдуков П. Г. 1992. *Славенский конец Средневекового Новгорода. Нутный раскоп*. Москва: [б. и.].
- Гарбуз И. А., Соловьев С. Л. 2014. Охранные археологические исследования по адресу: Санкт-Петербург, Аптекарский пер., д. 6, лит. Б. В: Соловьева Н. Ф. (отв. ред.). *Бюллетень ИИМК РАН* 4. Санкт-Петербург: ООО «Периферия», 49—64.
- Гарбузова В. С. 1958. Из истории производства малоазийских фаянсов XIII—XIX вв. *Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук*. Вып. 7. № 256. *История и филология стран Востока*. Ленинград: ЛГУ, 29—36.
- Горошников А. А., Кладченко О. В. 2015. Керамика турецкого времени поселения «Волна-12» на Тамани. В: Матишов Г. Г. (отв. ред.). *Крым в войнах России: материалы Всероссийской научной конференции*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 20—25.
- Гришин И. В., Клешинов В. Н. 2001. *Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613—1645 гг.)*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Гришин И. В., Клешинов В. Н. 2005. *Каталог русских средневековых монет времени единоличного правления царя Петра Алексеевича (1696—1717 гг.)*. Москва: Ленанд.
- Гришин И. В., Клешинов В. Н. 2007. *Каталог русских средневековых монет времени правления царей Алексея Михайловича, Федора, Ивана и Петра Алексеевичей (1645—1696 гг.)*. Москва: Ленанд.
- Гудименко И. В., Кузьмин А. Ю. 1994. Жилой комплекс XVIII в. из раскопок в г. Азове. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *Очерки истории Азова* 2. Азов: Азовский краеведческий музей, 39—44.
- Гусач И. Р. 1998. Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азова. В: *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X—XVIII вв. по материалам поливной керамики*. Симферополь, 76—80.
- Гусач И. Р. 2002. Закрытые комплексы с «турецкими» курительными трубками из Азова. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 г.* Вып. 18. Азов: Азовский краеведческий музей, 368—389.
- Гусач И. Р. 2005. Турецкие полуфаянсы XVIII века из Азова. В: Бочаров С. Г., Мыц В. Л. (отв. ред.). *Полвиная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв.* Т. I. Киев: ИД «Стилос», 476—481.
- Гусач И. Р. 2006а. Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* Вып. 21. Азов: Азовский музей-заповедник, 127—141.
- Гусач И. Р. 2006б. К вопросу о датировке археологических сборов на местонахождении «Каланча». В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г.* Вып. 21. Азов: Азовский музей-заповедник, 497—516.
- Гусач И., Дедюлькин А., Ибрагимзаде К. 2016. Пулелейки XVII—XVIII вв. из турецкой крепости Азак. В: Горбенко А. А. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону*. Вып. 29. Азов: Азовский музей-заповедник (в печати).
- Данилевский Н. Я. 1871. *Исследования о состоянии рыболовства в России*. Т. VIII. *Описание рыболовства на Черном и Азовском морях (с атласом чертежей и рисунков)*. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Комп.
- Двуреченский О. В. 2007а. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря. В: Энговатова А. В. (отв. ред.). *Археология Подмосковья* 3. Москва: Институт археологии РАН; Министерство культуры Правительства Московской области, 254—276.
- Двуреченский О. В. 2007б. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV—XVII веков. В: Энговатова А. В. (отв. ред.). *Археология Подмосковья* 3. Москва: Институт археологии РАН; Министерство культуры Правительства Московской области, 277—331.
- Двуреченский О. В. 2004. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII—XIX веках). В: Энговатова А. В. (отв. ред.). *Археология Подмосковья* 1. Москва: Институт археологии РАН, 238—242.

- Двуреченский О. В. 2005. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV — начала XVIII века. В: Энговатова А. В. (отв. ред.). *Археология Подмосковья* 2. Москва: Институт археологии РАН, 264—295.
- Евглевский А. В., Потемкина Т. М. 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы. В: Евглевский А. В. (отв. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Донецк: ДонГУ, 181—208.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. 2007. *Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства*. Москва: Знак.
- Зиняков Н. М. 2005. Чернометаллические изделия поселения Изюк-I: технологическая характеристика. В: Татаурова Л. В. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск: ОмГУ, 275—289.
- Зуев В. 1786. О бывших промыслах запорожских казаков и наипаче рыбном. В: *Месяцеслов с наставлениями на 1786 год*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1—16.
- Канокова Ф. Ю. 2011. Декоративное убранство женских костюмов астраханских ногайцев-карагашей. В: Курапов А. А. (отв. ред.). *Астраханские краеведческие чтения*. Вып. III. Ч. 1. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 350—358.
- Канокова Ф. Ю. 2014. Семантика традиционных ногайских ювелирных украшений. *Культура, духовность, общество* 9. Новосибирск: ЦРНС, 45—48.
- Каргин Ю. Ю. 2013а. Технический отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на объекте культурного наследия (памятнике археологии) Поселение «Ханьков II» (2900 кв. м), по титулу: «УЗРГ Анастасиевский с газопроводом-отводом» в Славянском районе Краснодарского края. Ростов-на-Дону. Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. О 1136.
- Каргин Ю. Ю. 2013б. Технический отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на объекте культурного наследия (памятнике археологии) Поселение «Ханьков II» (700 кв. м), по титулу: «УЗРГ Анастасиевский с газопроводом-отводом» в Славянском районе Краснодарского края. Ростов-на-Дону. Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. О 1235.
- Каргин Ю. Ю. 2017а. Монетные материалы XVII—XVIII вв. из раскопок поселения Белое Юго-Восточное на правом берегу Старой Кубани в 2014 г. В: Малышев А. Б. (отв. ред.). *Известия нижеволжских археологических экспедиций* 1. Саратов (в печати).
- Каргин Ю. Ю. 2017б. Землянки казаков-некрасовцев в кургане на правом берегу Кубани (по материалам охранных раскопок в 2013 г.). В: Скрипкин А. С. (отв. ред.). *Нижеволжский археологический вестник* 1(16). Волгоград: ВолГУ (в печати).
- Кверфельдт Э. К. 1947. *Керамика Ближнего Востока. Руководство к распознаванию и определению керамических изделий*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Кирпичников А. Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. *САИ* Е1-36. Москва: АН СССР.
- Коваленко О. В. 2014. Курительные трубки XVII—XVIII веков (по материалам левобережной Украины). В: Татаурова Л. В., Борзунов В. А. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. 1. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 242—249.
- Коваль В. Ю. 1996. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии. В: Смирнов А. П. (отв. ред.). *Археологические памятники Москвы и Подмосковья* 2. Москва: Музей истории города Москвы, 103—133 (*Труды Музея истории г. Москвы* 9).
- Коваль В. Ю. 2010. *Керамика Востока на Руси. Конец IX—XVII век*. Москва: Наука.
- Коваль В. Ю. 2011. Керамическое производство в центральных районах России в XVII—XIX вв. В: Татаурова Л. В. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 317—323.
- Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я. 2011. Псковские нательные кресты с надписями XIV—XVIII вв. (предварительные итоги наблюдений). *Вестник Псковского государственного педагогического университета им. С. М. Кирова. Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки»* 13, 119—137.
- Короткова М. В. 2008. *Традиции русского быта. Энциклопедия*. Москва: Дрофа-Плюс.
- Корчагин П. А. 2011. Возможности интерпретации археологических источников позднего средневековья и нового времени: гвозди. В: Татаурова Л. В. (отв. ред.). *Культура русских в*

археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 56—63.

Косякин Н. Н. 2013. *Крымское ханство. Монеты Гиреев*. Симферополь: ИТ «Ариал».

Крутоголовенко К. А. 2013. Отчет об итогах проведения археологических разведок на участке проектируемого строительства по объекту «Комплексная реконструкция участка Разъезд 9 км — Юровский — Анапа — Темрюк — Кавказ Северо-Кавказской железной дороги. Второй путь на перегонах Юровский (вкл.) — Красная Стрела (вкл.); Красная Стрела (искл.) — Старотитаровка (вкл.)» в Темрюкском районе и г.к. Анапа Краснодарского края в 2012 г. Краснодар. Архив ИА РАН. Р-1. № 35216—35217.

Кубе А. Н. 1923. *История фаянса*. Берлин: Государственное издательство.

Кузьмин В. Н. 2012. Наконечники стрел из крепости Лютик. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2010 г.* Вып. 26. Азов: Азовский музей-заповедник, 426—430.

Куманцов М. И. 2011. *Возникновение и развитие рыболовства Северного Причерноморья*. Ч. 1. *От древности до начала XX в.* Москва: ВНИРО.

Лапшин А. С., Мыськов Е. П. 2011. *Исследования на Водянском городище в 2009—2010 гг.* Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания».

Магиря-Кирсанова А. П. 2014а. Дополнение к Разделу: «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия расположенных в зоне планируемого производства строительных работ по титулу: «Комплексная реконструкция участка разъезд 9 км — Юровский-Анапа-Темрюк-Кавказ Северо-Кавказской железной дороги. Второй путь на перегоне Юровский (вкл.) — Красная Стрела (вкл.)». Ростов-на-Дону. Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. СМ 697.

Магиря-Кирсанова А. П. 2014б. Технический отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на объекте культурного наследия (памятнике археологии) Поселение «Белый 2» по титулу: «Комплексная реконструкция участка разъезд 9 км — Юровский-Анапа-Темрюк-Кавказ Северо-Кавказской железной дороги. Второй путь на перегоне Юровский (вкл.) — Красная Стрела (вкл.)» в Темрюкском районе Краснодарского края. Ростов-на-Дону. Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. СМ 1721.

Маковская Л. К. 1992. *Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV—XVIII веков. Определитель*. Москва: Военное издательство.

Маслюженко Д. Н., Достовалов С. Г. 2014. Счетные жетоны из д. Сосновая Отнога Курганского уезда Тобольской губернии. В: Татаурова Л. В., Борзунов В. А. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. 1. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 250—252.

Матаев В. В. 2016. Отчет об археологических раскопках поселения «Белое Юго-Восточное» в Темрюкском районе Краснодарского края в зоне реконструкции участка Северо-Кавказской железной дороги. 8 томов (по Открытому листу № 649 от 25.06.2014 г.). Ростов-на-Дону. Архив ИА РАН. Р-1.

Миллер Ю. А. 1965. Находки турецкой керамики XVI—XVIII вв. в Крыму. *СГЭ XXVI*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 33—35.

Миллер Ю. А. 1972. *Художественная керамика Турции*. Ленинград: Аврора.

Мокшин Н. Ф. (гл. ред.). 1990. *Мордовский народный костюм: Альбом*. Саранск: Мордовское книжное издательство.

Молодин В. И. 2007. *Кресты-тельники Илимского острога*. Новосибирск: Инфолио.

Орлов А. П. 1994. *Монеты России 1700—1917. Каталог-справочник*. Минск: ИПКА «Паблицити» — ИКФ «Константин».

Осипов Д. О. 2006. *Обувь Московской земли XII—XVIII вв.* Москва: ИА РАН (*Материалы охранных археологических исследований 7*).

Островский А. Б., Федоров Ю. А. 2007. *Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея*. Санкт-Петербург: Арт-Палас.

Панченко К. И. 2004. Пропорции керамических сосудов XII—XIX веков из раскопок в городе Дмитрове. В: Энговатова А. В. (отв. ред.). *Археология Подмосковья 1*. Москва: Институт археологии РАН, 321—328.

Панченко К. И. 2011. Гончарные промыслы XVIII — начала XX вв. центральной части России по письменным и археологическим данным (отдельные особенности). В: Татаурова Л. В. (отв. ред.).

Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 362—368.

- Паромов Я. М. 1992. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова. В: Паромов Я. М. (отв. ред.). *Боспорский сборник 1*. Москва, 109—146.
- Перевозчиков В. И. 1997. Раскопки во дворе Азовского краеведческого музея в 1994 г. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1994 г.* Вып. 14. Азов: Азовский краеведческий музей, 53—72.
- Попова Н. И. 1986. Старо-Яблонский могильник по раскопкам 1983—84 гг. Личный архив Каргина Ю. Ю.
- Ретовский О. 1889. Монеты Гази Герай хана II бен Девлет. В: Лашков Ф. (отв. ред.). *ИТУАК*. № 8. Симферополь: Типография газеты «Крым», 90—98, табл.
- Ретовский О. 1893а. К нумизматике Гиреев (с 4 таблицами). В: Маркевич А. (отв. ред.). *ИТУАК*. № 18. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 73—118, табл. I—IV.
- Ретовский О. 1893б. К нумизматике Гиреев. V. Монеты Менгли-Гирея I. Первое дополнение (с рисунком). В: Маркевич А. (отв. ред.). *ИТУАК*. № 19. Симферополь: Типография Таврического губернского правления, 79—89, табл. V.
- Ригельман А. И. 1992. *История о донских казаках*. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство.
- Рогудеев В. В. 2007. Комплексы и отдельные находки XVIII—XIX веков. В: Кияшко В. Я. (отв. ред.) *Археологические записки 5*. Ростов-на-Дону: РРОО «Донское археологическое общество», 65—81.
- Розенфельдт Р. Л. 1968. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. *САИ Е1-39*. Москва: АН СССР.
- Самигулов Г. Х. 2005а. Заводской металл в быту челябинцев XVIII—XIX вв. В: Татаурова Л. В. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск: ОмГУ, 134—145.
- Самигулов Г. Х. 2005б. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII в. В: Татаурова Л. В. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск: ОмГУ, 154—168.
- Самигулов Г. Х. 2008. Еще раз о литых крестах-тельниках конца XVII — середины XIX века (к вопросу о старообрядческих крестах). В: Татаурова Л. В. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск: Апелсин, 202—221.
- Самигулов Г. Х. 2014. Письменные и археологические источники в археологии нового времени (заметки об интерпретации материала). В: Татаурова Л. В., Борзунов В. А. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. 1. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 39—42.
- Сахаров И. П. 1885. *Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи*. Санкт-Петербург: А. С. Суворин.
- Сень Д. В. 2002. «Войско кубанское игнатового кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. — конец 1920-х гг.). Краснодар: Кубанькино.
- Сень Д. В. 2010. Православие на территории Крымского ханства: Кубань в системе старообрядческих центров (конец XVII в. — XVIII в.). В: Еременко А. Г. (отв. ред.). *Конфессиональное пространство Северного Кавказа (конец XVIII в. — начало XXI в.): Материалы круглого стола*. Краснодар: Вика-Принт, 115—136.
- Сень Д. В. 2013. Казаки Крымского ханства в кон. XVII в. — нач. XVIII в.: численность, расселение, занятия. В: Звонок С. О. (отв. ред.). *Слава престолу, честь для себя: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Казачество в политической жизни России: история, формы самоуправления, культура, посвященная 400-летию призвания на царство Дома Романовых»*. Ставрополь: Ставропольский институт экономики и управления, 186—206.
- Скворцов Н. Б. 2016. *Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (раскопок) на объекте культурного наследия (памятник археологии) Старогригорьевский казачий городок в 2015 году*. Волгоград. Архив ИА РАН. Р-1.
- Соловьев В. А. 1992. *Суворов на Кубани, 1778—1793*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.
- Сорокин П. Е., Поляков А. В., Иванова А. В., Михайлов К. А., Лазаретов И. П., Гукин В. Д., Ахмадеева М. М., Глыбин В. А., Попов С. Г., Семенов С. А. 2009. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 г. Предварительные результаты. В:

Археологическое наследие Санкт-Петербурга 3. Санкт-Петербург: Северо-западный институт наследия.

- Сорокин С. С. 1959. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. В: Артамонов М. И. (отв. ред.). *МИА 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции*. Т. II. Москва; Ленинград: АН СССР, 135—199.
- Станчева М. 1972. Колекцията от лули във Варненский музей. *Известия на Народния музей във Варна VIII(XXIII)*, 81—99.
- Станчева М. 1975/1976. О производни керамичких лула у Булгарској. *Музеј применене уметности. Београд. Зборник*. Београд, 129—138.
- Станчева М., Медарова С. 1968. Производство на глиняни лули у нас. *Музеи и паметници на културата 4*. София, 4—13.
- Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. 2003. *Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X—XX веков из частных собраний*. Москва: Гриф и К.
- Студенецкая Е. Н. 1989. *Одежда народов Северного Кавказа. XVIII—XX вв.* Москва: Наука.
- Толпеко И. В. 2014. Жернова в материалах русских памятников Тарского Прииртышья. В: Татаурова Л. В., Борзунов А. В. (отв. ред.). *Культура русских в археологических исследованиях*. Т. 1. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 304—306.
- Устаева Э. Р. 2008. Отчет о выполнении научно-исследовательских работ в 2007 г. на территории западной части памятника архитектуры «Крепости Фанагорийская. Валы и рвы 1793—1975 гг.», расположенного на восточной окраине ст. Тамань Темрюкского р-на Краснодарского края с целью выявления остатков фундаментов объектов XIX века для последующей музеефикации. Краснодар. Архив ИА РАН. Р-1. № 48054.
- Федорова Л. И., Ткаченко В. А. 2008. Комплексный подход к изучению производства глиняных курительных трубок XVIII—XIX вв. *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. Т. II. Москва: ИА РАН, 525—526.
- Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В. 2015. Местные особенности бытования глиняных курительных трубок в Калуге и окрестностях. В: Энговатова А. В. (отв. ред.). *Археология Подмосковья 11*. Москва: Институт археологии РАН, 539—546.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. 1899. *Древности Русские. Кресты и образки*. Вып. I. Киев: Фототипия и типография С. В. Кульженко.
- Хараламбиева А. 1986. Лули за чубуци от градския музей в Провадия. *Известия на Народния музей във Варна 22(37)*, 141—147.
- Черкасов В. В. 2004. *Круговая керамика Коломны XII—XVIII вв. (эволюция гончарной продукции)*. Дисс. ... канд. истор. наук. Москва.
- Чеснок В. Ф. 1988. Крепость Лютик (XVII—XVIII вв.). В: Римская З. Н. (отв. ред.). *Известия Ростовского областного музея краеведения 5*. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 66—73.
- Чореф М. М. 2011. К вопросу об обращении иностранной монеты в Крыму в XVI—XIX вв. *МАИАСК 3*, 359—370.
- Чореф М. М. 2015а. К вопросу о технологии производства реплик восточных монет, использованных для составления монист в Западной Сибири. *Исторический формат 2(2)*, 187—197.
- Чореф М. М. 2015b. О составе денежного обращения в Крымском ханстве в XVII в.: по материалам клада из Центрального музея Гавриды. *Европа*. Т. XIV. № 1—2(1—2), 63—71.
- Чореф М. М. 2016. К вопросу о причинах проникновения и характере использования китайской монеты в Западной Сибири. *Современные научные исследования и инновации 9(65)*, 165—174. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/09/70908> (дата обращения: 19.11.2016).
- Чхаидзе В. Н. 2012. Находки османского времени на территории Фанагории. В: Чхаидзе В. Н. *Фанагория в VI—X веках*. Москва: ИД «Триумф принт», 282—285.
- Cuhaj G. S., Michael T. 2010. *Standard Catalog of World Coins 1701—1800. 5th Edition*. Iola: Krause Publications.
- Fauver L. B. 2002. *Nuremberg and Nuremberg Style Jetons*. Menlo Park: Oak Grove Publications.
- Frantz A. 1942. Turkish pottery from the Agora. *Hesperia. Journal of the american school of classical studies at Athens*. Vol. XI. No 1, 1—28.
- Hayes J. W. 1980. Turkish clay pipes: a provisional typology. The archaeology of the clay tobacco pipe. Vol. IV. London: BAR (*British Archaeological Reports, International Series 92*).

- Hayes J. W. 1992. *The Pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. 2. New Jersey: Princeton University Press.
- ukdfd.co.uk: 1: Nuremberg jetons. URL: <http://www.ukdfd.co.uk/pages/nuremberg-jetons.html> (дата обращения: 20.09.2016).
- Retowski O. 1901. Die Münzen der Girei. *ТМНО*. Т. 2. Вып. 3. Москва: Синодальная типография, 241—308, Taf. I—VI.
- Retowski O. 1903. Die Münzen der Girei (Fortsetzung). *ТМНО*. Т. 3. Вып. 1. Москва: Синодальная типография, 10—107, Taf. VII—XI.
- Retowski O. 1905a. *Die Münzen der Girei*. Moskau: O. Herbeck.
- Retowski O. 1905b. Die Münzen der Girei (Schluss). *ТМНО*. Т. 3. Вып. 2. Москва: Синодальная типография, 187—330, Taf. XII—XXX.
- Robinson R. C. W. 1983. Clay Tobacco Pipes from the Kerameikos. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung* 98. Berlin: Gerb. Mann, 265—283.
- Robinson R. C. W. 1985. Tobacco Pipes of Corinth and of the Athenian Agora. *Hesperia. Journal of the American school of classical studies at Athens*. Vol. 54. No 2, 149—203.
- Sultan Jem. 1971. *The Ever Victorious. A beginner's guide to Ottoman Empire numismatics*. Santa Monica: Jem Sultan.
- tugra.org: 1: Tugra. URL: <http://www.tugra.org/en/tugratext.asp> (дата обращения: 20.09.2016).

References

- Alieva, T. A. 2014. In Tataurova L. V., Borzunov V. A. (eds.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah (The Russian culture in archaeological research)*. Т. 1. Omsk; Tjumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 188—193 (in Russian).
- Andrievskij, D. V., Choref, M. M. 2015. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 7, 324—335 (in Russian).
- Anoshko, O. M. 2011. In Tataurova L. V. (ed.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah: mezhdisciplinarnye metody i tehnologii (Russian culture in archeological research: interdisciplinary methods and technologies)*. Omsk: "Omskij institut (filial) RGTJeU" Publ., 259—267 (in Russian).
- Antipina, E. E. 2004. In Chernyh E. N. (ed.). *Novejshie arheozoologicheskie issledovanija v Rossii. K stoletiju so dnja rozhdenija V. I. Calkina (The newest archaeological studies in Russia. On the centenary of the birth of V. I. Tsalkin)*. Moscow: "Jazyki slavjanskoj kul'tury" Publ., 7—19 (in Russian).
- Baljunov, I. V. 2014. In Tataurova L. V., Borzunov V. A. (eds.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah (Russian culture in archeological research)*. Т. 1. Omsk; Tjumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 200—203 (in Russian).
- Bachura, O. P., Lobanova, T. V., Bobkovskaja, N. E. 2011. In Tataurova L. V. (ed.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah: mezhdisciplinarnye metody i tehnologii (Russian culture in archeological research: interdisciplinary methods and technologies)*. Omsk: "Omskij institut (filial) RGTJeU" Publ., 271—275 (in Russian).
- Belov, M. A., Luk'jashko, S. I., Raev, B. A. 2015. In Matishov G. G. (ed.). *Krym v vojnah Rossii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Crimea in the wars of Russia: materials of the All-Russian Scientific Conference)*. Rostov-na-Donu: "JuNC RAN" Publ., 26—31 (in Russian).
- Beljaev, L. A. 2014. In Tataurova L. V., Borzunov V. A. (eds.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah (Russian culture in archeological research)*. Т. 1. Omsk; Tjumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 11—18 (in Russian).
- Bobrinskij, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izuchenija (Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Boldin, I. V. 2012. *Krugovaja keramika bassejna Verhnej Oki vo II tys. n.je. (problemy periodizacii i hronologii) (Circular pottery of the Upper Oka basin in the II millennium CE (Problems of periodization and chronology))*. Kaluga: "Buki Vedi" Publ. (in Russian).
- Vinokurova, Je. P. 1999. In Rybakov B. A. (ed.). *Kul'tura srednevekovoj Moskvy: XVII vek (Culture of medieval Moscow: XVII century)*. Moscow: "Nauka" Publ., 326—360 (in Russian).

- Vojcehovich, S. 2008. *Rossijskaja polevaja artillerija. 1382—1917 gody. Artillerijskie sistemy na sluzhbe v Rossijskoj Imperatorskoj i Krasnoj armijah (Russian field artillery. 1382—1917 gg. Artillery systems in the service of the Russian Imperial and Red Armies)*. Moscow: “ООО «BTV-Kniga»” Publ. (*Artillerijskij muzej* 13) (in Russian).
- Volkov, I. V. 1992. *Ceramics of Azov XIV—XVIII centuries. (Classification and dating)*. PhD Thesis. Moscow.
- Volkov, I. V. 1999. In Noskova L. M., Mkrtychev T. K. (eds.). *Material'naja kul'tura Vostoka (Material culture of the East)* 2. Moscow: “Kompanija «Sputnik+»” Publ., 226—252 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2003. In Marchenko I. I. (ed.). *Materialy i issledovanija po arheologii Kubani* 3. Krasnodar: “KubGU” Publ., 235—243 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2005. In Bocharov S. G., Myc V. L. (eds.). *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X—XVIII vv. (Irrigation ceramics of the Mediterranean and the Black Sea region of the X—XVIII cc.)*. T. I. Kiev: “Stilos”. Publ., 482—492 (in Russian).
- Volkov, I. V. 2006. In Kijashko V. Ja. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and the Lower Don in 2004.)*. Iss. 21. Azov: “Azovskij muzej-zapovednik” Publ., 473—497 (in Russian).
- Volkov, I. V., Novikova, G. L. 1996. In Smirnov A. P. (ed.). *Arheologicheskie pamjatniki Moskvy i Podmoskov'ja (Archaeological monuments of Moscow and Moscow region)* 2. Moscow: “Muzej istorii goroda Moskvy” Publ., 134—152 (*Trudy Muzeja istorii g. Moskvy* 9) (in Russian).
- Volkov, I. V., Peters, B. G. 2003. In Marchenko I. I. (ed.). *Materialy i issledovanija po arheologii Kubani* 3. Krasnodar: “KubGU” Publ., 244—261 (in Russian).
- Voronin, N. N. 1948. In *Istorija kul'tury Drevnej Rusi. Domongol'skij period (History of Culture of Ancient Russia. The pre-Mongol period)*. T. 1. *Material'naja kul'tura (Material culture)*. Moscow; Leningrad: “AN SSSR” Publ. (in Russian).
- Gajdukov, P. G. 1992. *Slavenskij konec Srednevekovogo Novgoroda. Nutnyj raskop (Slavic end of Medieval Novgorod. Nutty excavation)*. Moscow: s.i. (in Russian).
- Garbuz, I. A., Solov'ev, S. L. 2014. In Solov'eva N. F. (ed.). *Bulleten' Instituta istorii material'noj kul'tury Rossijskoj akademii nauk (Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)* 4. Saink Petersburg: “ООО «Периферия»” Publ., 49—64 (in Russian).
- Garbuzova, V. S. 1958. In *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija vostokovedcheskih nauk (Scientific notes of the Leningrad State University. Series of Oriental Studies)*. Iss. 7. No 256. *Istorija i filologija stran Vostoka (History and philology of the countries of the East)*. Leningrad: “LGU” Publ., 29—36 (in Russian).
- Goroshnikov, A. A., Kladchenko, O. V. 2015. In Matishov G. G. (ed.). *Krym v vojnah Rossii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Crimea in the wars of Russia: materials of the All-Russian Scientific Conference)*. Rostov-na-Donu: “JuNC RAN” Publ., 20—25 (in Russian).
- Grishin, I. V., Kleshhinov, V. N. 2001. *Katalog russkih srednevekovyh monet vremeni pravlenija carja Mihaila Fedorovicha (1613—1645 gg.) (Catalog of Russian medieval coins of the reign of Tsar Mikhail Fedorovich (1613—1645))*. Moscow: “Jeditorial URSS” Publ. (in Russian)
- Grishin, I. V., Kleshhinov, V. N. 2005. *Katalog russkih srednevekovyh monet vremeni edinolichnogo pravlenija carja Petra Alekseevicha (1696—1717 gg.) (Catalog of Russian medieval coins of the time of the sole rule of Tsar Peter Alekseevich (1696—1717))*. Moscow: “Lenand” Publ. (in Russian).
- Grishin, I. V., Kleshhinov, V. N. 2007. *Katalog russkih srednevekovyh monet vremeni pravlenija carej Alekseja Mihajlovicha, Fedora, Ivana i Petra Alekseevichej (1645—1696 gg.) (Catalog of Russian medieval coins of the reign of Tsars Alexei Mikhailovich, Fedor, Ivan and Peter Alekseevich (1645—1696 gg.))*. Moscow: “Lenand” Publ. (in Russian).
- Gudimenko, I. V., Kuz'min, A. Ju. 1994. In Kijashko V. Ja. (ed.). *Očerki istorii Azova (Essays on the history of Azov)* 2. Azov: “Azovskij kraevedcheskij muzej” Publ., 39—44 (in Russian).
- Gusach, I. R. 1998. In *Istoriko-kul'turnye svjazi Prichernomor'ja i Sredizemnomor'ja X—XVIII vv. po materialam polivnoj keramiki (Historical and cultural ties of the Black Sea and the Mediterranean region. X—XVIII centuries. On materials of glazed ceramics)*. Simferopol: [s.i.], 76—80 (in Russian).
- Gusach, I. R. 2002. In Kijashko V. Ja. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2001)*. Vyp. 18. Azov: “Azovskij kraevedcheskij muzej” Publ., 368—389 (in Russian).

- Gusach, I. R. 2005. In Bocharov S. G., Myc V. L. (eds.). *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X—XVIII vv. (Irrigation ceramics of the Mediterranean and the Black Sea region of the X—XVIII cc.)*. Vol. I. Kiev: “Stilos”. Publ., 476—481 (in Russian).
- Gusach, I. R. 2006a. In Kijashko V. Ja. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2004)*. Iss. 21. Azov: “Azovskij muzej-zapovednik” Publ., 127—141 (in Russian).
- Gusach, I. R. 2006b. In Kijashko V. Ja. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2004)*. Iss. 21. Azov: “Azovskij muzej-zapovednik” Publ., 497—516 (in Russian).
- Gusach, I., Dedjul'kin, A., Ibragimzade, K. 2016. In Gorbenko A. A. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v g. Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don)*. Iss. 29. Azov: “Azovskij muzej-zapovednik” Publ. (in Russian).
- Danilevskij, N. Ja. 1871. *Issledovanija o sostojanii rybolovstva v Rossii. T. VIII. Opisanie rybolovstva na Chernom i Azovskom morjah (s atlasom chertezhej i risunkov)*. Saint Petersburg: “Tipografija V. Bezobrazova i Komp” Publ.
- Dvurechenkij, O. V. 2007a. In Jengovatova A. V. (ed.). *Arheologija Podmoskov'ja (Archeology of the Moscow Region) 3*. Moscow: “Institut arheologii RAN” Publ.; “Ministerstvo kul'tury Pravitel'stva Moskovskoj oblasti” Publ., 254—276 (in Russian).
- Dvurechenkij, O. V. 2007b. In Jengovatova A. V. (ed.). *Arheologija Podmoskov'ja (Archeology of the Moscow Region) 3*. Moscow: “Institut arheologii RAN” Publ.; “Ministerstvo kul'tury Pravitel'stva Moskovskoj oblasti” Publ., 277—331 (in Russian).
- Dvurechenskij, O. V. 2004. In Jengovatova A. V. (ed.). *Arheologija Podmoskov'ja (Archeology of the Moscow Region) 1*. Moscow: “Institut arheologii RAN” Publ., 238—242 (in Russian).
- Dvurechenskij, O. V. 2005. In Jengovatova A. V. (ed.). *Arheologija Podmoskov'ja (Archeology of the Moscow Region) 2*. Moscow: “Institut arheologii RAN” Publ., 264—295 (in Russian).
- Evglevskij, A. V., Potemkina, T. M. 2000. In Evglevskij A. V. (ed.). *Stepi Evropy v jepohu srednevekov'ja (The Steppes of Europe in the Middle Ages) 1*. Doneck: “DonGU” Publ., 181—208 (in Russian).
- Zav'jalov, V. I., Rozanova, L. S., Terehova, N. N. 2007. *Russkoe kuznechnoe remeslo v zolotoordynskij period i jepohu Moskovskogo gosudarstva (Russian blacksmith's craft in the Golden Horde period and the era of the Moscow State)*. Moscow: “Znak” Publ. (in Russian).
- Zinjakov, N. M. 2005. In Tataurova L. V. (ed.). *Kul'tura russkij v arheologičeskijh issledovanijah (The Russian culture in archaeological research)*. Omsk: “OmGU” Publ., 275—289 (in Russian).
- Zuev, V. 1786. In *Mesjaceslov s nastavljenijami na 1786 god (Menologium with instructions for 1786)*. Saint Petersburg: “Imperatorskaja Akademija Nauk” Publ., 1—16 (in Russian).
- Kanokova, F. Ju. 2011. In Kurapov A. A. (ed.). *Astrahanskije kraevedčeskie čtenija (Astrakhan regional studies readings)*. Iss. III. Pt. 1. Astrahan: “Sorokin Roman Vasil'evič” Publ., 350—358 (in Russian).
- Kanokova, F. Ju. 2014. In *Kul'tura, duhovnost', obshhestvo (Culture, spirituality, society) 9*. Novosibirsk: “CRNS” Publ., 45—48 (in Russian).
- Kargin, Ju. Ju. 2013a. Tehničeskij otčet o provedenii nauchno-issledovatel'skijh arheologičeskijh rabot (raskopok) na ob'ekte kul'turnogo nasledija (pamjatnike arheologii) Poselenie “Han'kov II” (2900 kv. m), po titulu: “UZRG Anastasievskij s gazoprovodom-otvodom” v Slavjanskom rajone Krasnodarskogo kraja. Rostov-na-Donu. Arhiv Upravlenija gosudarstvennoj ohrany ob'ektov kul'turnogo nasledija Krasnodarskogo kraja. O 1136.
- Kargin, Ju. Ju. 2013b. Tehničeskij otčet o provedenii nauchno-issledovatel'skijh arheologičeskijh rabot (raskopok) na ob'ekte kul'turnogo nasledija (pamjatnike arheologii) Poselenie “Han'kov II” (700 kv. m), po titulu: “UZRG Anastasievskij s gazoprovodom-otvodom” v Slavjanskom rajone Krasnodarskogo kraja. Rostov-na-Donu. Arhiv Upravlenija gosudarstvennoj ohrany ob'ektov kul'turnogo nasledija Krasnodarskogo kraja. O 1235.
- Kargin, Ju. Ju. 2017a. In Malyshev A. B. (otv. red.). *Izvestija nizhnevolzhskijh arheologičeskijh jekspedicij (News of the Lower Volga Archaeological Expeditions) 1*. Saratov (in Russian).
- Kargin, Ju. Ju. 2017b. In Skripkin A. S. (otv. red.). *Nizhnevolzhskij arkheologičeskij vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin) 1(16)*. Volgograd: “VolSU” Publ. (in Russian).
- Kverfel'dt, Je. K. 1947. *Keramika Blizhnego Vostoka. Rukovodstvo k raspoznaniju i opredeleniju keramičeskijh izdelij (Ceramics of the Middle East. Guide to the recognition and definition of ceramic products)*. Leningrad: “Gosudarstvennyj Jermitazh” Publ. (in Russian).

- Kirpichnikov, A. N. 1973. In *Svod arheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E1-36. Moscow: "AN SSSR" Publ. (in Russian).
- Kovalenko, O. V. 2014. In *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovanijah (The Russian culture in archaeological research)*. T. 1. Omsk; Tjumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 242—249 (in Russian).
- Koval', V. Ju. 1996. In Smirnov A. P. (ed.). *(Archaeological monuments of Moscow and Moscow region)* 2. Moscow: "Muzej istorii goroda Moskvy" Publ., 103—133 (*Trudy Muzeja istorii g. Moskvy* 9) (in Russian).
- Koval', V. Ju. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. Konec IX—XVII vek. (Ceramics of the East in Russia. The end of the IX—XVII century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Koval', V. Ju. 2011. In Tataurova L. V. (otv. red.). *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovanijah: mezhdisciplinarnye metody i tehnologii (Russian culture in archeological research: interdisciplinary methods and technologies)*. Omsk: "Omskij institut (filial) RGTJeU" Publ., 317—323 (in Russian).
- Kolpakova, Ju. V., Kostjuchuk, L. Ja. 2011. In *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. S. M. Kirova. Serija "Social'no-gumanitarnye i psihologo-pedagogicheskie nauki" (Bulletin of the Kirov Pskov State Pedagogical University. Series "Socio-Humanitarian and Psychological and Pedagogical Sciences")* 13, 119—137 (in Russian).
- Korotkova, M. V. 2008. *Tradicii russkogo byta. Jenciklopedija (Traditions of Russian life. Encyclopedia)*. Moscow: "Drofa-Pljus" Publ. (in Russian).
- Korchagin, P. A. 2011. In Tataurova L. V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovanijah: mezhdisciplinarnye metody i tehnologii (Russian culture in archeological research: interdisciplinary methods and technologies)*. Omsk: "Omskij institut (filial) RGTJeU" Publ., 56—63 (in Russian).
- Kosjakin, N. N. 2013. *Krymskoe hanstvo. Monety Gireev (Crimean Khanate. Coins of Gireys)*. Simferopol: "Arial" Publ. (in Russian).
- Krutogolovenko, K. A. 2013. Otchet ob itogah provedenija arheologicheskikh razvedok na uchastke proektiruемого stroitel'stva po ob'ektu "Kompleksnaja rekonstrukcija uchastka Raz'ezd 9 km — Jurovskij — Anapa — Temrjuk — Kavkaz Severo-Kavkazskoj zheleznoj dorogi. Vtoroj put' na peregonah Jurovskij (vkl.) — Krasnaja Strela (vkl.); Krasnaja Strela (iskl.) — Starotitarovka (vkl.)" v Temrjukskom rajone i g.-k. Anapa Krasnodarskogo kraja v 2012 g. Krasnodar. Arhiv IA RAN. R-1. No 35216—35217.
- Kube, A. N. 1923. *Istorija fajansa (History of earthenware)*. Berlin: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo".
- Kuz'min, V. N. 2012. In Kijashko V. Ja. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g. (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don in 2010)*. Iss. 26. Azov: "Azovskij muzej-zapovednik" Publ., 426—430 (in Russian).
- Kumancov, M. I. 2011. *Vozniknovenie i razvitie rybolovstva Severnogo Prichernomor'ja (The emergence and development of fisheries in the Northern Black Sea Region)*. Ch. 1. *Ot drevnosti do nachala XX v. (From antiquity to the beginning of the XX century)*. Moscow: "VNIRO" Publ. (in Russian).
- Lapshin, A. S., Mys'kov, E. P. 2011. *Issledovanija na Vodjanskom gorodishhe v 2009—2010 gg. (Research on the Vodyanskoe hillfort in 2009—2010)*. Volgograd: "OOO «Caricynskaja poligraficheskaja kompanija»" Publ. (in Russian).
- Magirja-Kirsanova, A. P. 2014a. Dopolnenie k Razdelu: "Obespechenie sohrannosti ob'ektov arheologicheskogo nasledija raspolozhennyh v zone planiruемого proizvodstva stroitel'nyh rabot po titulu: "Kompleksnaja rekonstrukcija uchastka raz'ezd 9 km — Jurovskij-Anapa-Temrjuk-Kavkaz Severo-Kavkazskoj zheleznoj dorogi. Vtoroj put' na peregone Jurovskij (vkl.) — Krasnaja Strela (vkl.)". Rostov-na-Donu. Arhiv Upravlenija gosudarstvennoj ohrany ob'ektov kul'turnogo nasledija Krasnodarskogo kraja. SM 697 (in Russian).
- Magirja-Kirsanova, A. P. 2014b. Tehnicheskij otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh arheologicheskikh rabot (raskopok) na ob'ekte kul'turnogo nasledija (pamjatnike arheologii) Poselenie "Belyj 2" po titulu: "Kompleksnaja rekonstrukcija uchastka raz'ezd 9 km — Jurovskij-Anapa-Temrjuk-Kavkaz Severo-Kavkazskoj zheleznoj dorogi. Vtoroj put' na peregone Jurovskij (vkl.) — Krasnaja Strela (vkl.)" v Temrjukskom rajone Krasnodarskogo kraja. Rostov-na-Donu. Arhiv Upravlenija gosudarstvennoj ohrany ob'ektov kul'turnogo nasledija Krasnodarskogo kraja. SM 1721 (in Russian).
- Makovskaja, L. K. 1992. *Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie russkoj armii konca XIV—XVIII vekov. Opredelitel' (Hand firearms of the Russian army of the end of the XIV—XVIII centuries. Determinant)*. Moscow: "Voennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

- Masljuzhenko, D. N., Dostovalov, S. G. 2014. In Tataurova L. V., Borzunov V. A. (ed.). In Tataurova L. V., Borzunov V. A. (eds.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah (The Russian culture in archaeological research)*. T. 1. Omsk; Tjumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 250—252 (in Russian).
- Mataev, V. V. 2016. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh poselenija "Beloe Jugo-Vostochnoe" v Temrjukskom rajone Krasnodarskogo kraja v zone rekonstrukcii uchastka Severo-Kavkazskoj zheleznoj dorogi. 8 tomov (po Otkrytomu listu No 649 ot 25.06.2014 g.). Rostov-na-Donu. Arhiv IA RAN. R-1 (in Russian).
- Miller, Ju. A. 1965. In *Soobshhenija Gosudarstvennogo Jermitazha (Reports of the State Hermitage Museum) XXVI*. Leningrad: "Gosudarstvennyj Jermitazh" Publ., 33—35 (in Russian).
- Miller, Ju. A. 1972. *Hudozhestvennaja keramika Turcii (Artistic ceramics of Turkey)*. Leningrad: "Avrora" Publ. (in Russian).
- Mokshin, N. F. (ed.). 1990. *Mordovskij narodnyj kostjum: Al'bom (Mordovian folk costume: Album)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Molodin, V. I. 2007. *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga (Crosses-tels of the Ilim jail)*. Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).
- Orlov, A. P. 1994. *Monety Rossii 1700—1917. Katalog-spravochnik (Coins of Russia 1700—1917. Catalog-Directory)*. Minsk: "IPKA «Pablisiti» — IKF «Konstantin»" Publ. (in Russian).
- Osipov, D. O. 2006. *Obuv' Moskovskoj zemli XII—XVIII vv. (Shoes of the Moscow land of the XII—XVIII cc.)*. Moscow: "IA RAN" Publ. (*Materialy ohrannyh arheologicheskikh issledovanij* 7) (in Russian).
- Ostrovskij, A. B., Fedorov, Ju. A. 2007. *Russkij pravoslavnyj krest v sobranii Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja (Russian Orthodox Cross in the collection of the Russian Ethnographic Museum)*. Saint Petersburg: "Art-Palaz" Publ. (in Russian).
- Panchenko, K. I. 2004. In Jengovatova A. V. (ed.). *Arheologija Podmoskov'ja (Archeology of the Moscow Region)* 1. Moscow: "Institut arheologii RAN" Publ., 321—328 (in Russian).
- Panchenko, K. I. 2011. In Tataurova L. V. (ed.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah: mezhdisciplinarnye metody i tehnologii (Russian culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies)*. Omsk: "Omskij institut (filial) RGTJeU" Publ., 362—368 (in Russian).
- Paromov, Ja. M. 1992. In Paromov Ja. M. (ed.). *Bosporskij sbornik (Bosporan collected works)* 1. Moscow, 109—146 (in Russian).
- Perevozchikov, V. I. 1997. In Kijashko V. Ja. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1994 g. (Historical and archaeological research in the city of Azov and the Lower Don in 1994)*. Iss. 14. Azov: "Azovskij kraevedcheskij muzej" Publ., 53—72 (in Russian).
- Popova, N. I. 1986. Staro-Jablonskij mogil'nik po raskopkam 1983—84 gg. Lichnyj arhiv Kargina Ju. Ju. (in Russian).
- Retovskij, O. 1889. In Lashkov F. (ed.). *Izvestija Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii (Proceedings of the Taurian scientific archival commission)*. No 8. Simferopol: "Tipografija gazety «Krym»" Publ., 90—98, tabl. (in Russian).
- Retovskij, O. 1893a. In Markevich A. (ed.). *Izvestija Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii (Proceedings of the Taurian scientific archival commission)*. No 18. Simferopol: "Tipografija Tavricheskogo gubernskogo pravlenija" Publ., 73—118, tabl. I—IV (in Russian).
- Retovskij, O. 1893b. In Markevich A. (ed.). *Izvestija Tavricheskoy uchenoj arhivnoj komissii (Proceedings of the Taurian scientific archival commission)*. No 19. Simferopol: "Tipografija Tavricheskogo gubernskogo pravlenija" Publ., 79—89, tabl. V (in Russian).
- Rigel'man, A. I. 1992. *Istorija o donskih kazakah (A story about Don Cossacks)*. Rostov-na-Donu: "Rostovskoye knizhnoje izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Rogudeev, V. V. 2007. In Kijashko V. Ja. (ed.) *Arheologicheskie zapiski (Archaeological notes)* 5. Rostov-na-Donu: "RROO «Donskoe arheologicheskoe obshhestvo»" Publ., 65—81 (in Russian).
- Rozenfel'dt, R. L. 1968. In *Svod arheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources)* E1-39. Moscow: "AN SSSR" Publ.
- Samigulov, G. H. 2005a. In Tataurova L. V. (ed.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah (The Russian culture in archaeological research)*. Omsk: "OmGU" Publ., 134—145 (in Russian).
- Samigulov, G. H. 2005b. In: Tataurova L. V. (ed.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah (The Russian culture in archaeological research)*. Omsk: "OmGU" Publ., 154—168 (in Russian).
- Samigulov, G. H. 2008. In Tataurova L. V. (otv. red.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah (The Russian culture in archaeological research)*. Omsk: "Apel'sin" Publ., 202—221 (in Russian).

- Samigulov, G. H. 2014. In Tataurova L. V., Borzunov V. A. (eds.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah (The Russian culture in archaeological research)*. T. 1. Omsk; Tjumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 39—42 (in Russian).
- Saharov, I. P. 1885. *Skazanija russkogo naroda, sobrannye I. P. Saharovym. Russkoe narodnoe chernoknizhie. Russkie narodnye igry, zagadki, prislov'ja i pritchi (Tales of the Russian people, collected by I. P. Sakharov. Russian folk war. Russian folk games, riddles, proverbs and parables)*. Saint Petersburg: "A. S. Suvorin" Publ. (in Russian).
- Sen', D. V. 2002. "*Vojsko kubanskoe ignatovogo kavkazskoe*": *istoricheskie puti kazakov-nekrasovcev (1708 g. — konec 1920-h gg.) ("The army of the Kuban Ignatian Caucasian": historical paths of the non-Krai Cossacks (1708 — the end of the 1920s))*. Krasnodar: "Kuban'kino" Publ. (in Russian).
- Sen', D. V. 2010. In Eremenko A. G. (ed.). *Konfessional'noe prostranstvo Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. — nachalo XXI v.): Materialy kruglogo stola (Confessional space of the North Caucasus (the end of the XVII century — the beginning of the 21st century): Materials of the round table)*. Krasnodar: "Vika-Print" Publ., 115—136 (in Russian).
- Sen', D. V. 2013. In Zvonok S. O. (ed.). *Slava prestolu, chest' dlya sebya: Materialy Vserossijskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mejdunarodnim uchastijem "Kazachestvo v politicheskoy zhizni Rossii: istoria, formy samoupravleniya, kultura, posvyaschyonnaja 400-letiyu prizvaniya na tsarstvo Doma Romanovih" (Glory for throne, honor for ourselves: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with the international partnership "Cossaks in the political life of Russia: history, self-governance forms, culture for 400 years after Romanov's dynasty calling on the throne")*. Stavropol: "Stavropolskiy institute ekonomiki i upravleniya" Publ., 186—206 (in Russian).
- Skvorcov, N. B. 2016. Otchet o provedenii nauchno-issledovatel'skikh arheologicheskikh rabot (raskopok) na ob'ekte kul'turnogo nasledija (pamjatnik arheologii) Starogrigror'evskij kazachij gorodok v 2015 godu. Volgograd. Arhiv IA RAN. R-1 (in Russian).
- Solov'ev, V. A. 1992. *Suvorov na Kubani, 1778—1793 (Suvorov in the Kuban, 1778—1793)*. Krasnodar: "Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
- Sorokin, P. E., Poljakov, A. V., Ivanova, A. V., Mihajlov, K. A., Lazaretov, I. P., Gukin, V. D., Ahmadeeva, M. M., Glybin, V. A., Popov, S. G., Semenov, S. A. 2009. In *Arheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga (Archaeological heritage of Saint Petersburg)* 3. Saint Petersburg: "Severo-zapadnyj institut nasledija" Publ. (in Russian).
- Sorokin, S. S. 1959. In Artamonov M. I. (ed.). *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR (Materials and research on the archeology of the USSR)* 75. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskij jekspedicii (Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition)*. T. II. Moscow; Leningrad: "AN SSSR" Publ., 135—199 (in Russian).
- Stancheva, M. 1972. In *Izvestija na Narodnija muzej v'v Varna (Proceedings of the National Museum in Varna)* VIII(XXIII), 81—99 (in Bulgarian).
- Stancheva, M. 1975/1976. In *Muzej primen'ene umetnosti. Beograd. Zbornik (Primenen Museum of Art. Belgrade. Collected Works)*. Belgrade, 129—138 (in Serbian).
- Stancheva, M., Medarova, S. 1968. In *Muzei i pametnici na kulturata (Museums and monuments of culture)* 4, 4—13 (in Bulgarian).
- Stanjukovich, A. K., Osipov, I. N., Solov'ev, N. M. 2003. *Tysjacheletie kresta. Proizvedenija russkoj hristianskoj metalloplastiki X—XX vekov iz chastnyh sobranij (The millennium of the cross. Works of Russian Christian metalloplastiki X—XX centuries from private collections)*. Moscow: "Grif I K" Publ. (in Russian).
- Studeneckaja, E. N. 1989. *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza. XVIII—XX vv. (Clothes of the peoples of the North Caucasus. XVIII—XX centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Tolpeko, I. V. 2014. In Tataurova L. V., Borzunov A. V. (eds.). *Kul'tura russkih v arheologicheskikh issledovanijah (The Russian culture in archaeological research)*. T. 1. Omsk; Tjumen; Yekaterinburg: "Magellan" Publ., 304—306 (in Russian).
- Ustaeva, Je. R. 2008. Otchet o vypolnenii nauchno-issledovatel'skikh rabot v 2007 g. na territorii zapadnoj chasti pamjatnika arhitektury "Kreposti Fanagorijskaja. Valy i rvy 1793—1975 gg.", raspolozhennogo na vostochnoj okraine st. Taman' Temrjukskogo r-na Krasnodarskogo kraja s cel'ju vyjavlenija ostatkov fundamentov ob'ektov XIX veka dlja posledujushhej muzeifikacii. Krasnodar. Arhiv IA RAN. R-1. No 48054 (in Russian).

- Fedorova, L. I., Tkachenko, V. A. 2008. In *Trudy II(XVIII) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Suzdale (Proceedings of the II(XVIII) of the All-Russian Archaeological Congress in Suzdal)*. Т. II. Moscow: "IA RAN" Publ., 525—526 (in Russian).
- Fedorova, L. I., Tkachenko, V. A., Fedorov, V. V. 2015. In Jengovatova A. V. (ed.). *Arheologija Podmoskov'ja (Archeology of the Moscow Region)* 11. Moscow: "IA RAN" Publ., 539—546 (in Russian).
- Hanenko, B. I., Hanenko, V. N. 1899. *Drevnosti Russkie. Kresty i obrazki (Antiquities of the Russian. Crosses and images)*. Iss. I. Kiev: "Fototipija i tipografija S. V. Kul'zhenko" Publ. (in Russian).
- Haralambieva, A. 1986. *Izvestija na Narodnija muzej v'v Varna (Proceedings of the National Museum in Varna)* 22(37), 141—147 (in Bulgarian).
- Cherkasov, V. V. 2004. Circular pottery Kolomna XII—XVIII cc. (The evolution of pottery products). PhD Thesis. Moscow.
- Chesnok, V. F. 1988. In Rimskaja Z. N. (ed.). *Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija (Proceedings of the Rostov Regional Museum of Local History)* 5. Rostov-na-Donu: "Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 66—73 (in Russian).
- Choref, M. M. 2011. In *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arheologija, istorija, numizmatika, sfragistika i jepigrafika = Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea. Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy* 3, 359—370 (in Russian).
- Choref, M. M. 2015a. In *Istoricheskij format (Historical format)* 2(2), 187—197 (in Russian).
- Choref, M. M. 2015b. In *Evropa (Europa)*. Т. XIV. No 1—2(1—2), 63—71 (in Russian).
- Choref, M. M. 2016. In *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii (Modern scientific research and innovations)* 9(65), 165—174. Accessed at: <http://web.snauka.ru/issues/2016/09/70908> (accessed 19.11.2016).
- Chhaidze, V. N. 2012. In Chhaidze V. N. *Fanagorija v VI—X vekah (Phanagoria in the VI—X centuries)*. Moscow: "Triumf print" Publ., 282—285 (in Russian).
- Cuhaj, G. S., Michael, T. 2010. *Standard Catalog of World Coins 1701—1800. 5th Edition*. Iola: "Krause Publications".
- Fauver, L. B. 2002. *Nuremberg and Nuremberg Style Jetons*. Menlo Park: "Oak Grove Publications".
- Frantz, A. 1942. Turkish pottery from the Agora. *Hesperia. Journal of the American school of classical studies at Athens*. Vol. XI. No 1, 1—28.
- Hayes, J. W. 1980. *Turkish clay pipes: a provisional typology. The archaeology of the clay tobacco pipe*. Vol. IV. London: "BAR" (*British Archaeological Reports, International Series* 92).
- Hayes, J. W. 1992. *The Pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. 2. New Jersey: "Princeton University Press".
- ukdfd.co.uk: 1: Nuremberg jetons. Accessed at: <http://www.ukdfd.co.uk/pages/nuremberg-jetons.html> (accessed 20.09.2016).
- Retowski, O. 1901. Die Münzen der Girei. *Trudy Moskovskogo numizmaticheskogo obshhestva (Proceedings of the Moscow Numismatic Society)*. Т. 2. Iss. 3. Moscow: "Sinodal'naja tipografija" Publ., 241—308, Taf. I—VI (in Russian).
- Retowski, O. 1903. Die Münzen der Girei (Fortsetzung). *Trudy Moskovskogo numizmaticheskogo obshhestva (Proceedings of the Moscow Numismatic Society)*. Т. 3. Iss. 1. Moscow: "Sinodal'naja tipografija" Publ., 10—107, Taf. VII—XI.
- Retowski, O. 1905a. Die Münzen der Girei. Moskau: "O. Herbeck" Publ.
- Retowski, O. 1905b. Die Münzen der Girei (Schluss). *TMNO*. Т. 3. Vyp. 2. Moscow: "Sinodal'naja tipografija" Publ., 187—330, Taf. XII—XXX.
- Robinson, R. C. W. 1983. *Clay Tobacco Pipes from the Kerameikos. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung* 98. Berlin: "Gerb. Mann", 265—283.
- Robinson, R. C. W. 1985. Tobacco Pipes of Corinth and of the Athenian Agora. *Hesperia. Journal of the American school of classical studies at Athens*. Vol. 54. No 2, 149—203.
- Sultan Jem. 1971. *The Ever Victorious. A beginner's guide to Ottoman Empire numismatics*. Santa Monica: "Jem Sutlan".
- tugra.org: 1: Tugra. Accessed at: <http://www.tugra.org/en/tugratext.asp> (accessed: 20.09.2016).

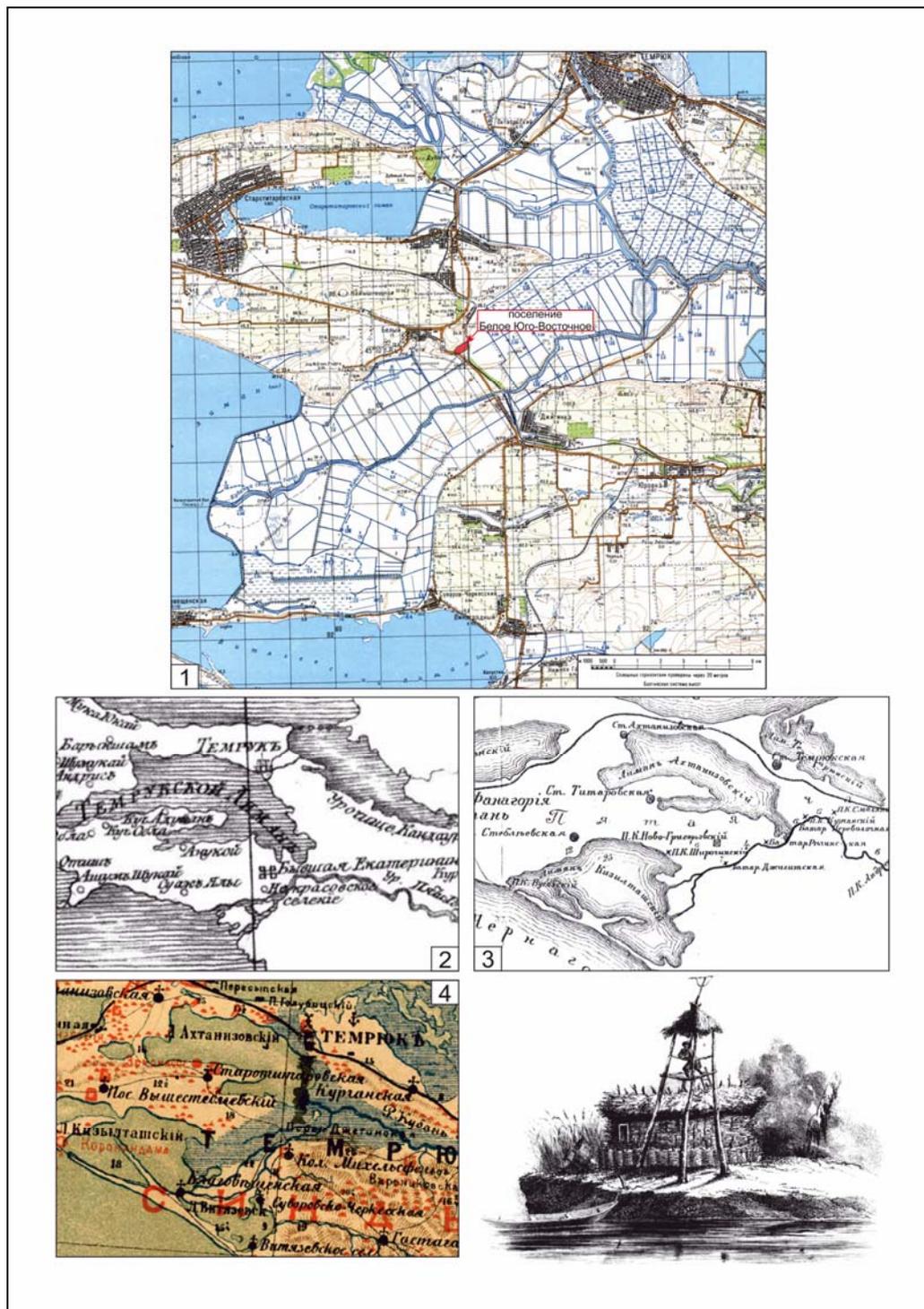
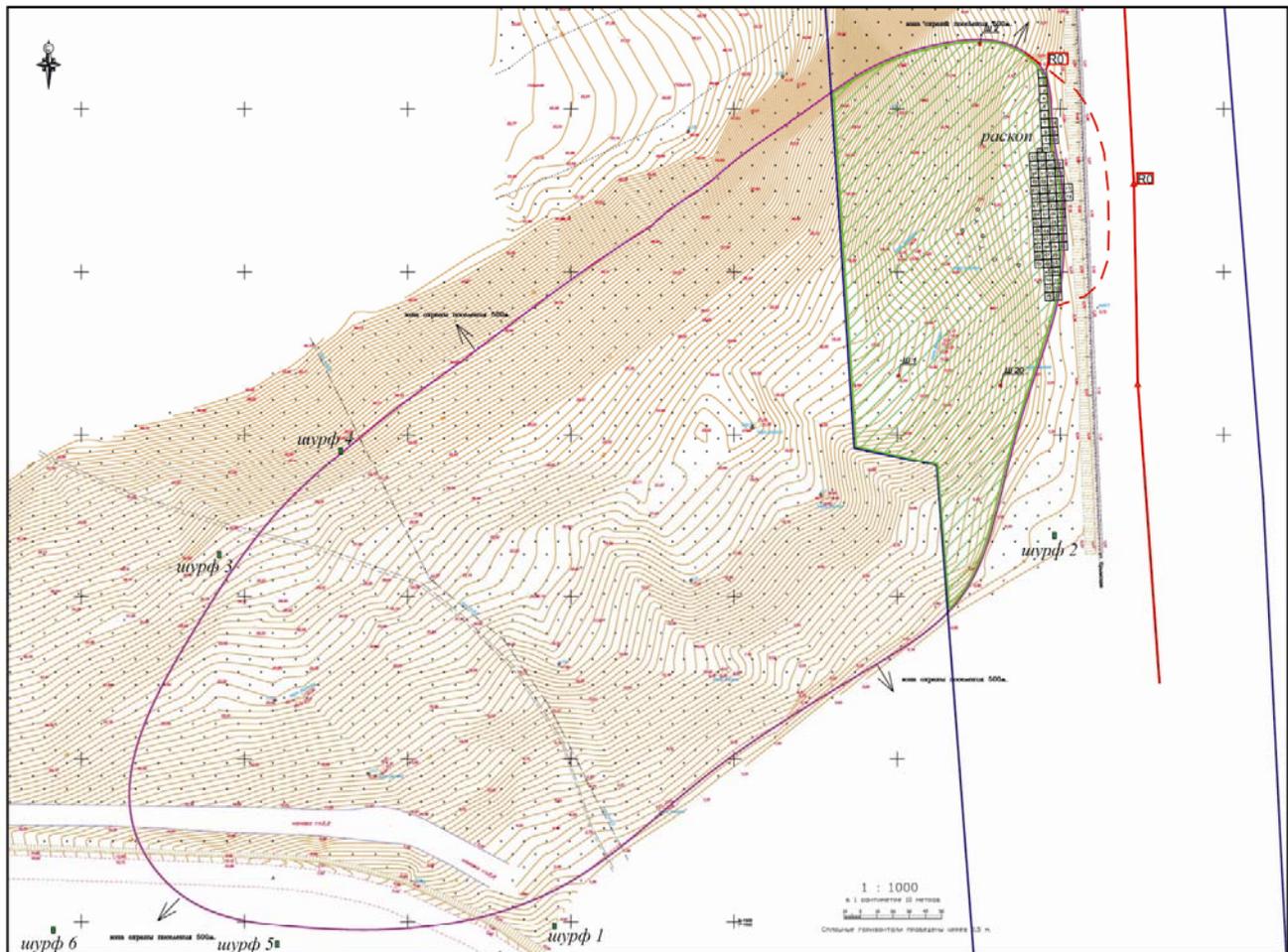

Рис. 1. Окрестности поселения Белое Юго-Восточное картах: 1 — фрагмент карты Генштаба (L-37-099) с обозначением местонахождения поселения Белое Юго-Восточное; 2 — фрагмент карты Таврической губернии 1792 г.; 3 — фрагмент карты Черноморской кордонной линии 1847 г.; 4 — фрагмент археологической карты Е. Д. Фелицына 1882 г.

Fig. 1. Neighborhoods of the Beloye South-East settlement on maps: 1 — fragment of the General Staff map (L-37-099) with the designation of the Beloye South-East settlement's location; 2 — fragment of the Taurida Gubernia map dated 1792; 3 — fragment of the Black Sea cordon line map dated 1847; 4 — fragment of the Je. D. Felitsyn's archaeological map dated 1882.

Условные обозначения:

	горизонтали		участок территория поселения, расположенный в границах полосы отвода железной дороги 2012 г.
	границы поселения		граница полосы отвода железной дороги
	граница растительности		разведочный шурф 2014 г.
	грунтовая дорога		сетка раскопа
	кабель		уточнённые границы поселения
	автодорога		высоковольтная линия ВЛ 110 кВ
	железная дорога		репер поселения
	разведочный шурф 2012 г.		репер раскопа (+0,88 м от R0)

Рис. 2. Топографический план поселения Белое Юго-Восточное по материалам отчета К. А. Крутоголовенко 2012 г. с обозначением шурфов 2012 и 2014 гг., а также сетки раскопа 2014 г.

Fig. 2. The Belaye South-East settlements topographical plan based on the K. A. Krutogolovenko materials report dated 2012 with the designation of the test pits dated 2012 and 2014 and the excavation grid dated 2014.

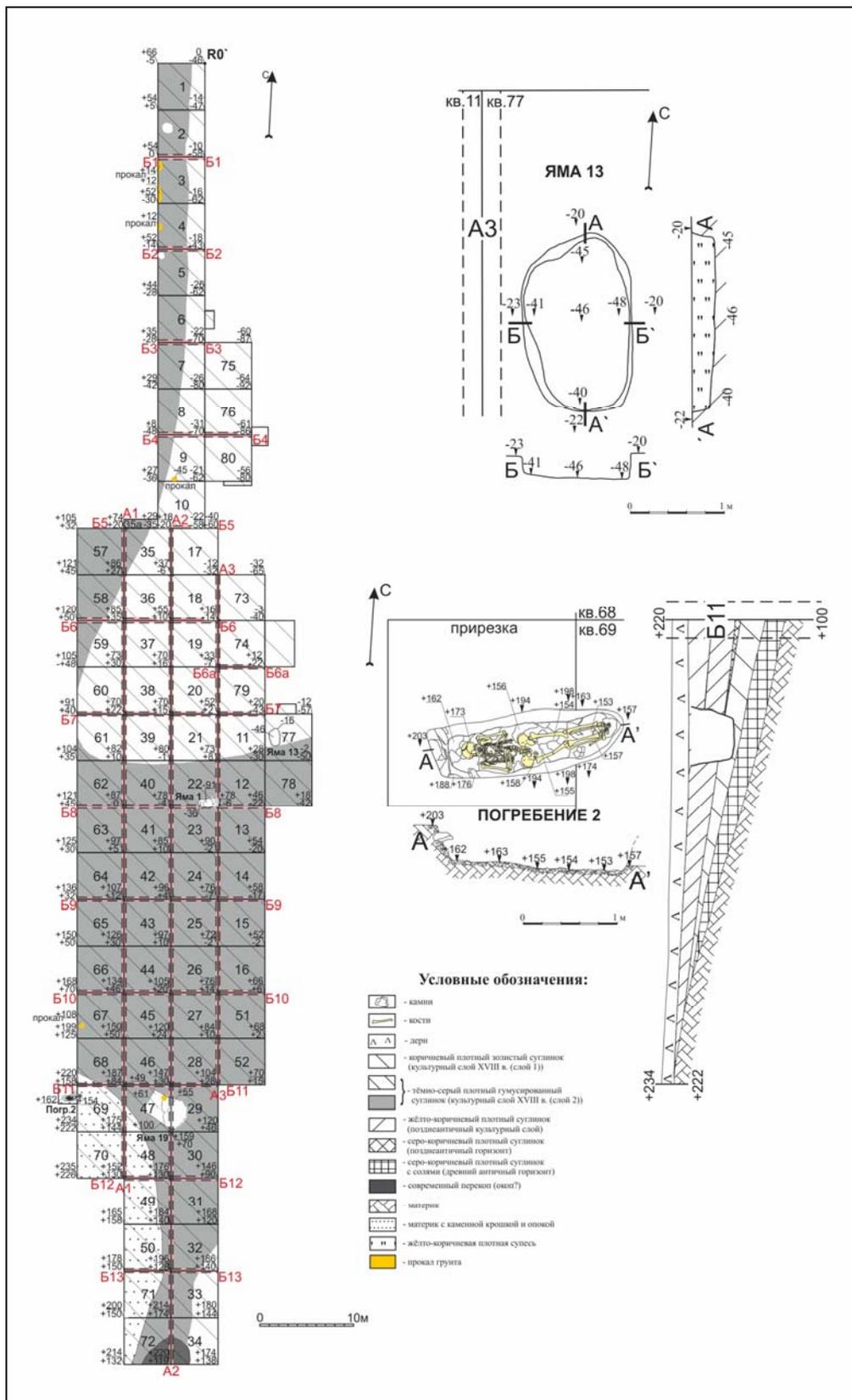

Рис. 3. План раскопа поселения Белое Юго-Восточное в 2014 г. с обозначением культурных напластований, ям и погребения XVIII века; планы и разрезы ямы 13 и погребения 2.

Fig. 3. The Beloye South-East settlements plan for the excavation in 2014 with the designation of cultural layers, pits and a burial dated XVIII century; plans and sections of the pit 13 and the burial 2.

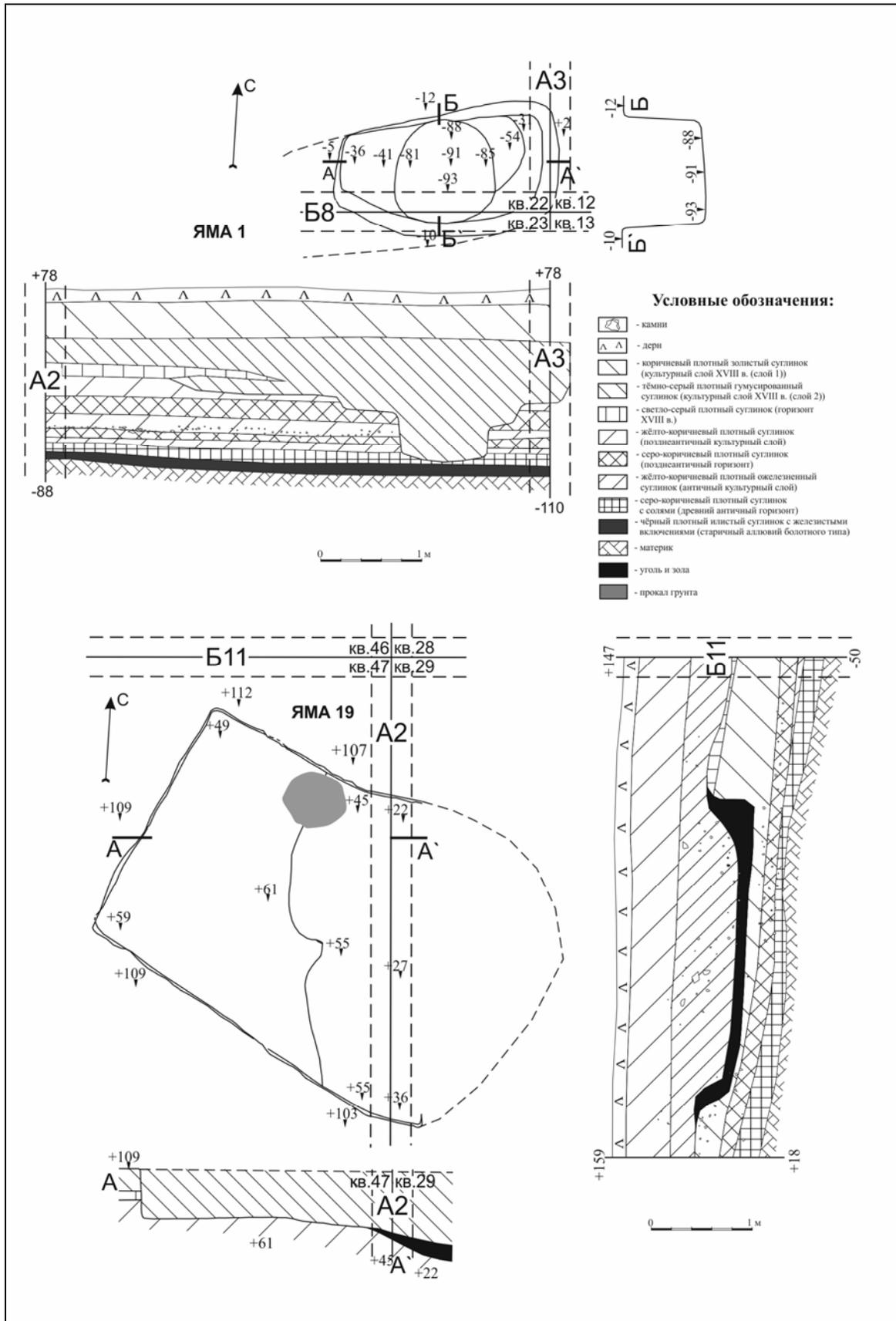

Рис. 4. Планы и разрезы ям 1 и 19 XVIII века.

Fig. 4. Plans and sections of the pits 1 and 19 dated XVIII century.

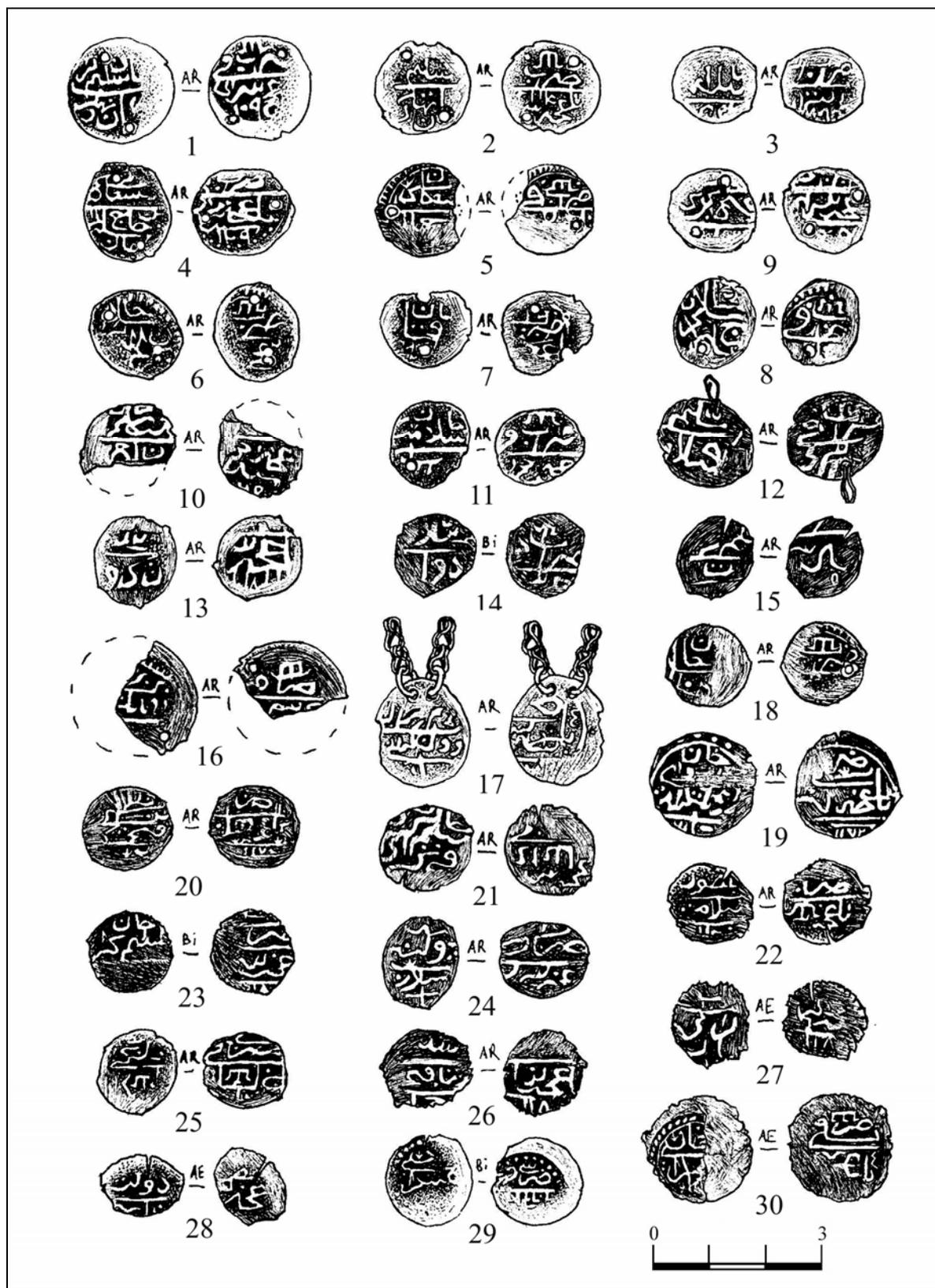

Рис. 5. Монеты Крымского ханства, бешлык, чеканка Бахчисарая: 1—13, 15—22, 24—26 — серебро; 14, 23, 29 — билон; 27, 28, 30 — медь.

Fig. 5. Crimean Khanate coins (beshlyk) chasing of Bakhchisaray: 1—13, 15—22, 24—26 — silver; 14, 23, 29 — bilon; 27, 28, 30 — copper.

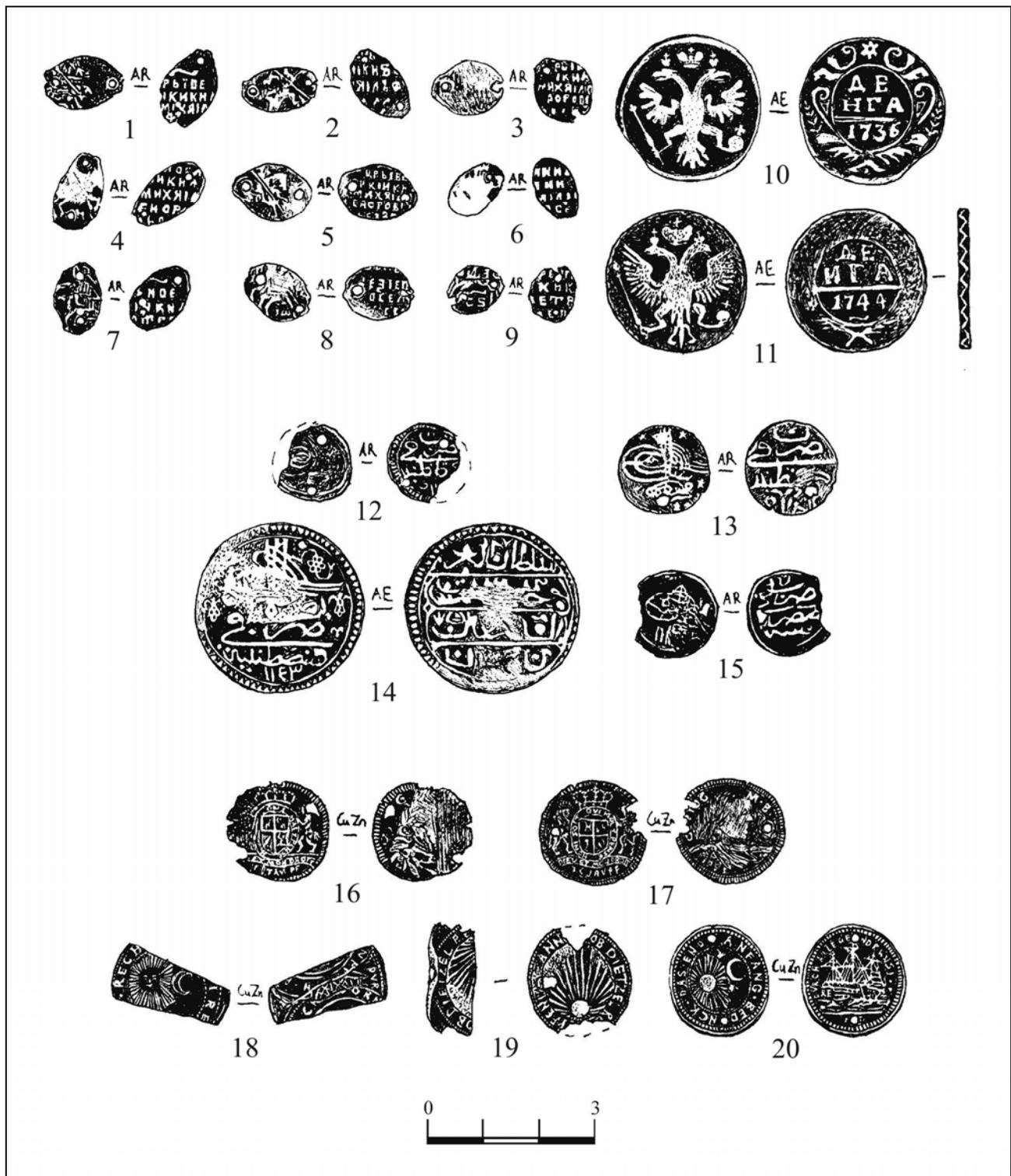

Рис. 6. Монеты Российского государства (1—9 — копейка, серебро; 10, 11 — денга, медь), Османской империи (12, 13, 15 — пара, серебро; 14 — куруш, медь) и нюрнбергские счетные жетоны (пфенниги) (16—20 — латунь).

Fig. 6. Coins of the Russian state (1—9 — kopeck, silver, 10, 11 — denga, copper), the Ottoman Empire (12, 13, 15 — para, silver, 14 — kurush, copper) and Nuremberg counting tokens (pfennigs) (16—20 — brass).

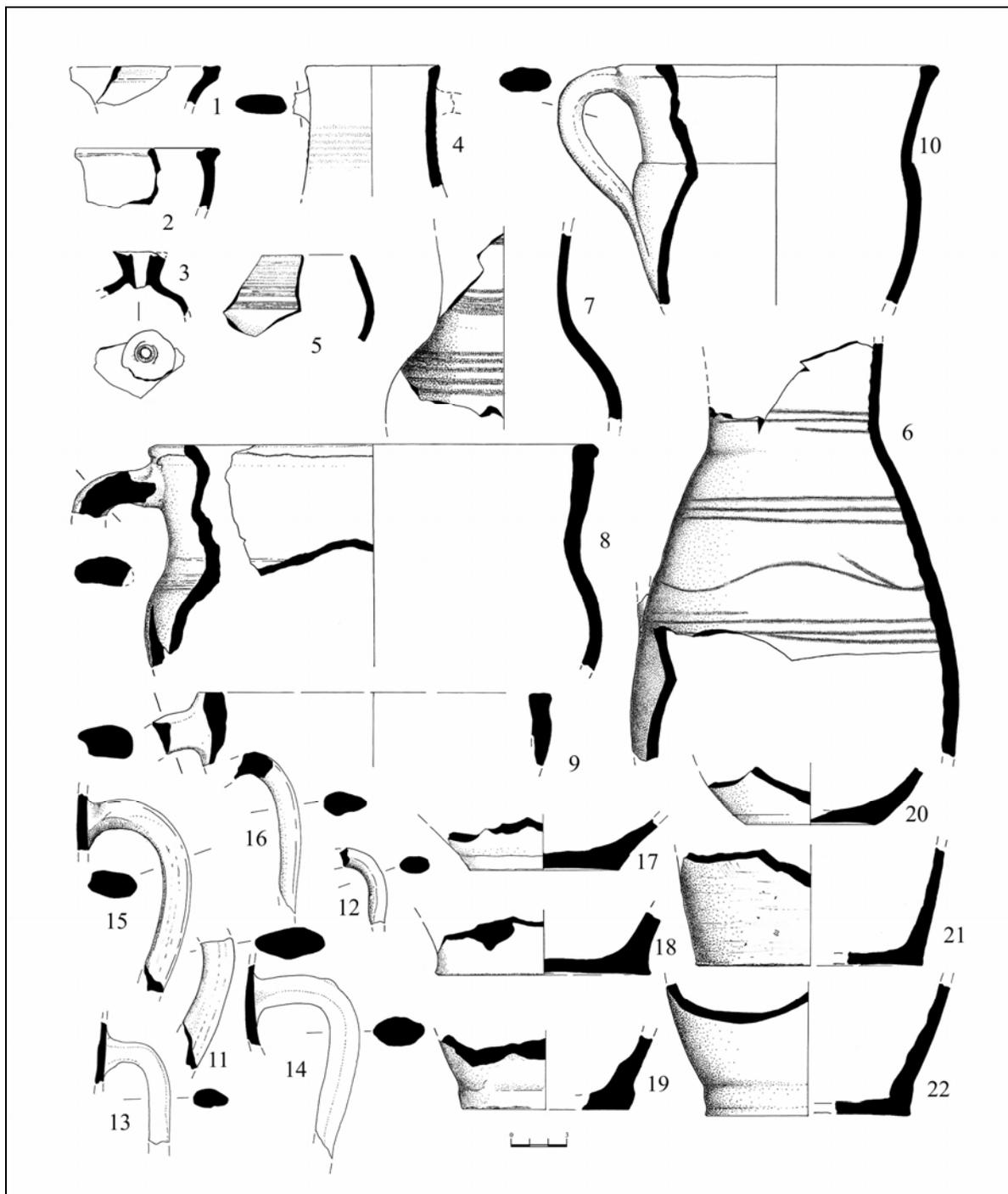

Рис. 7. Неполивная красноглиняная керамика «крымской» группы: 1 — фрагмент венчика афтоба с коричневым ангобом; 2 — фрагмент бортика миски; 3 — фрагмент носика/ручки (?); 4 — фрагмент горла кувшина; 5—7 — фрагменты сосудов с орнаментом линиями белого ангоба (5 — верхней части миски; 6, 7 — тулова с горлом кувшинов); 8—10 — фрагменты верхних частей широкогорлых горшков с ручками; 11—16 — ручки кувшинов; 17—22 — придонные части сосудов.

Fig. 7. "Crimean" group non-glazed red clay pottery: 1 — fragment of the spouted jug's rim with brown engobe; 2 — fragment of the bowl's rim; 3 — fragment of the spout / handle (?); 4 — fragment of the jug's throat; 5—7 — fragments of the vessels with ornamental lines of white engobe (5 — of the bowl's top part, 6, 7 — of the jugs' body with neck); 8—10 — fragments of the wide-necked pots' top parts with handles; 11—16 — handles of the jugs; 17—22 — bottom parts of the vessels.

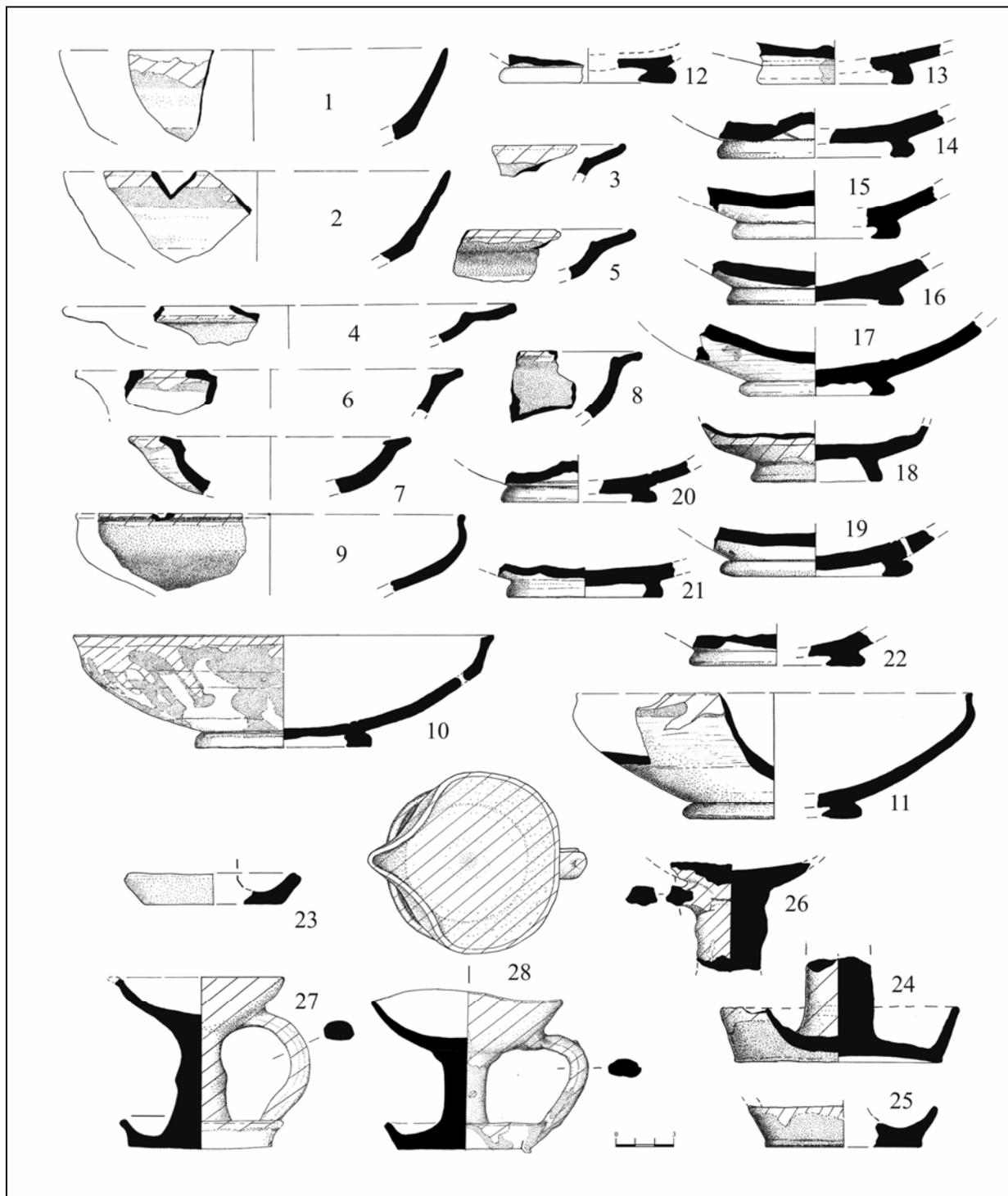

Рис. 8. Поливные чаши (1—22) и светильники «крымской» группы (23—28): 1—9 — фрагменты бортиков чаш: 1, 2 — *типа 1* (чарки); 3—5 — *типа 3* (тарелки); 6—8 — *типа 4* (миски); 9—11 — *типа 2* (пиалы); 12—22 — фрагменты кольцевых поддонов; 23—25 — фрагменты нижней части светильников с ножкой; 26 — фрагмент ножки светильника; 27—28 — светильники.

Fig. 8. “Crimean” group glazed bowls (1—22) and oil-lamps (23—28): 1—9 — fragments of the bowls’ rims: 1, 2 — type 1 (cups); 3—5 — type 3 (plates); 6—8 — type 4 (bowls); 9—11 — type 2 (pials); 12—22 — fragments of the ring bottom plates; 23—25 — fragments of the oil-lamps’ bottom parts with a foot; 26 — fragment of the oil-lamp’s leg; 27—28 — oil-lamps.

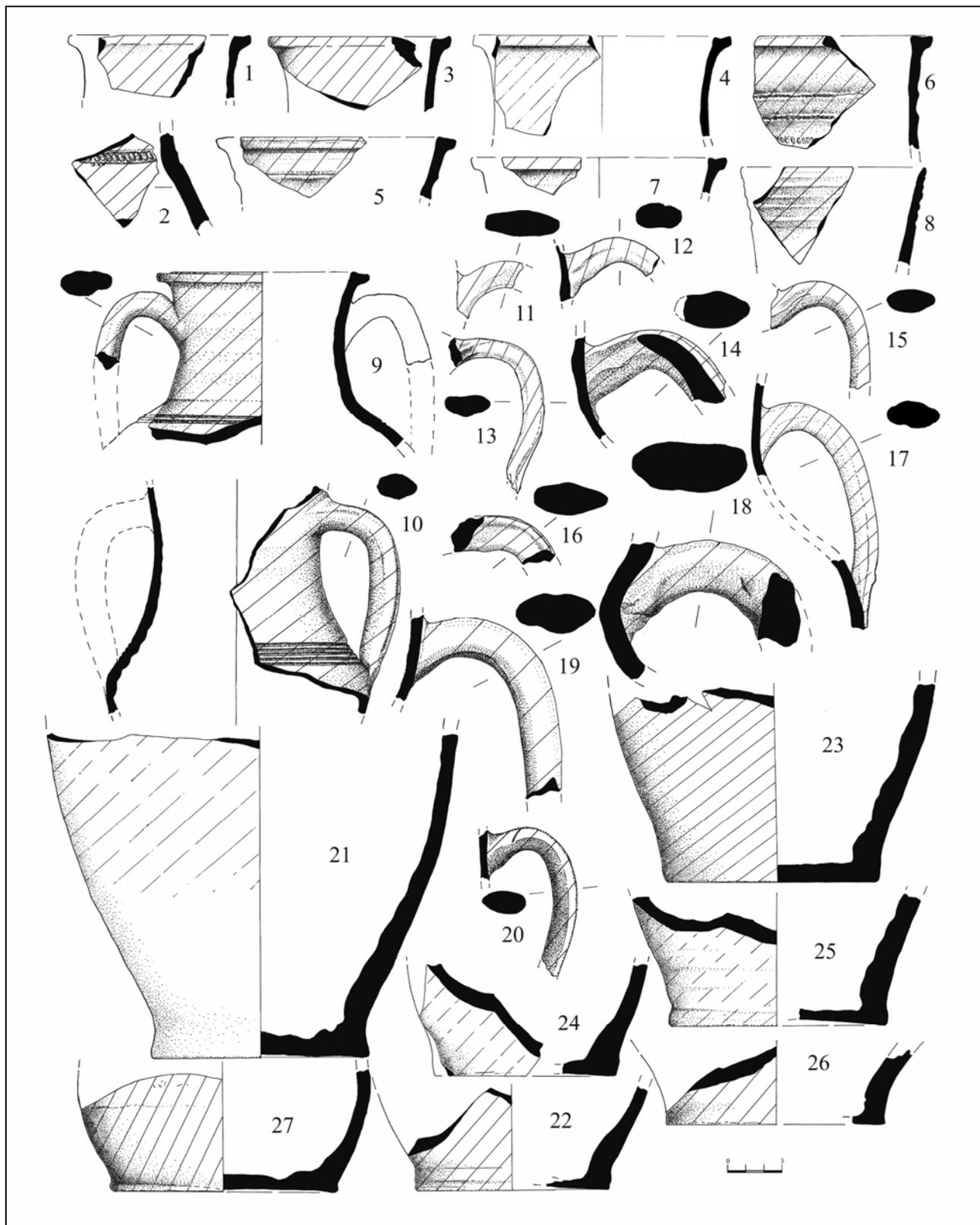

Рис. 9. Поливные кувшины «крымской» группы: 1—10 — фрагменты верхних частей; 11—20 — фрагменты ручек; 21—27 — фрагменты придонных частей.

Fig. 9. "Crimean" group glazed jugs: 1—10 — fragments of the top parts and rims; 11—20 — fragments of the handles; 21—27 — fragments of the bottom parts.

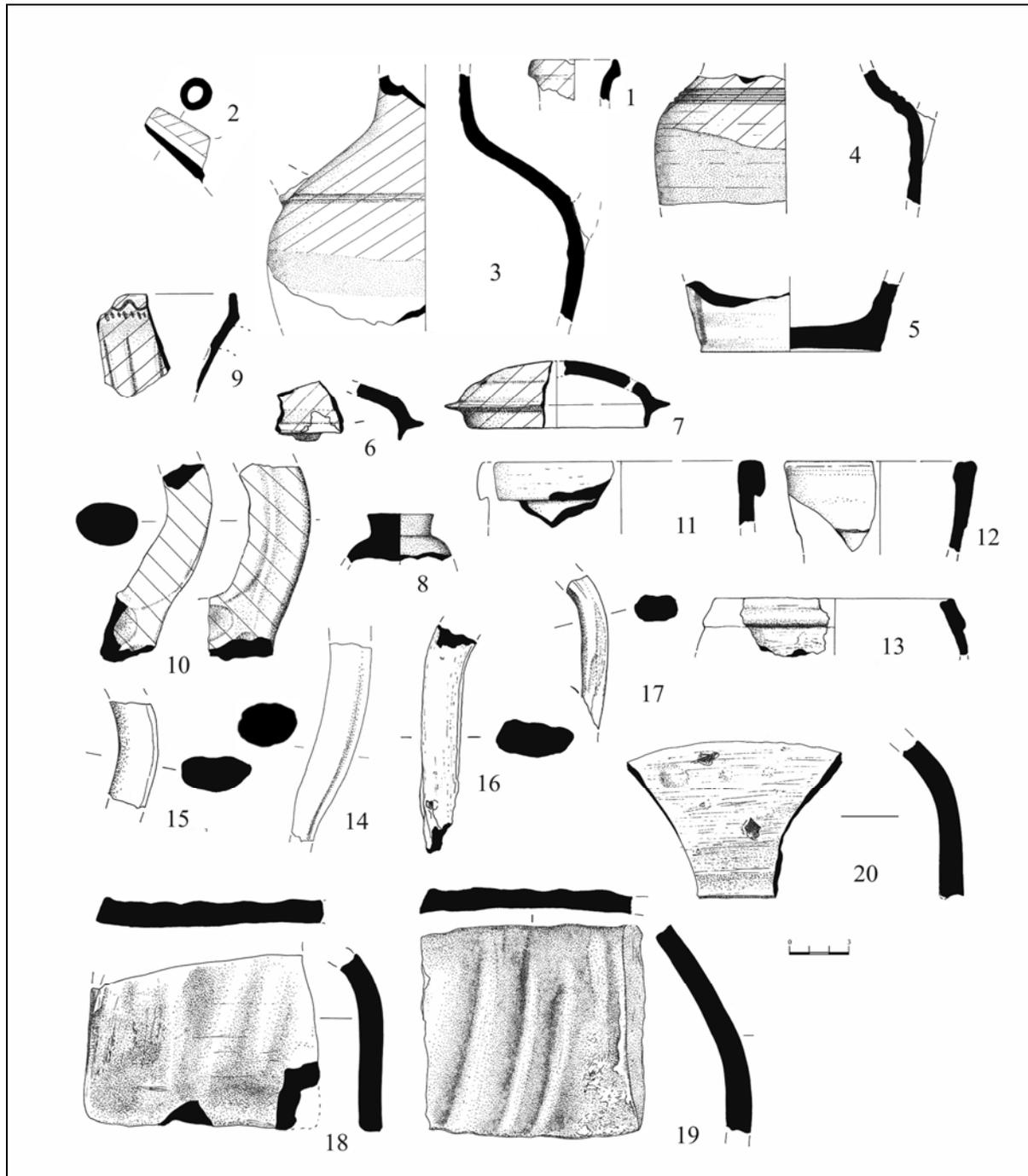

Рис. 10. Керамика «крымской» группы (1—10), группы «урн с горизонтальными ручками» (11—17) и бежевоглиняная крымская черепица (18—20): 1—5 — фрагменты поливных афтоб (1 — венчика, 2 — носика, 3, 4 — плечиков, 5 — придонной части); 6—8 — фрагменты поливных крышек (8 — с коричневой глазурью изнутри); 9 — фрагмент венчика кружки (?); 10 — фрагмент ручки тарного белоглиняного поливного сосуда; 11—13 — фрагменты венчиков; 14—17 — фрагменты ручек; 18—20 — фрагменты бежевоглиняной крымской черепицы.

Fig. 10. “Crimean” group pottery (1—10), pottery of the “urns with horizontal handles” group (11—17) and the beige-clay Crimean tiles (18—20): 1—5 — fragments of the glazed spouted jugs (1 — top part, 2 — pout, 3, 4 — shoulders, 5 — bottom part); 6—8 — fragments of the glazed cover plates (8 — brown glazed from the inside); 9 — fragment of the mug’s (?) top part; 10 — fragment of the tare white-clay glazed vessel’s handle; 11—13 — fragments of the rims; 14—17 — fragments of the handles; 18—20 — fragments of the beige-clay Crimean tiles.

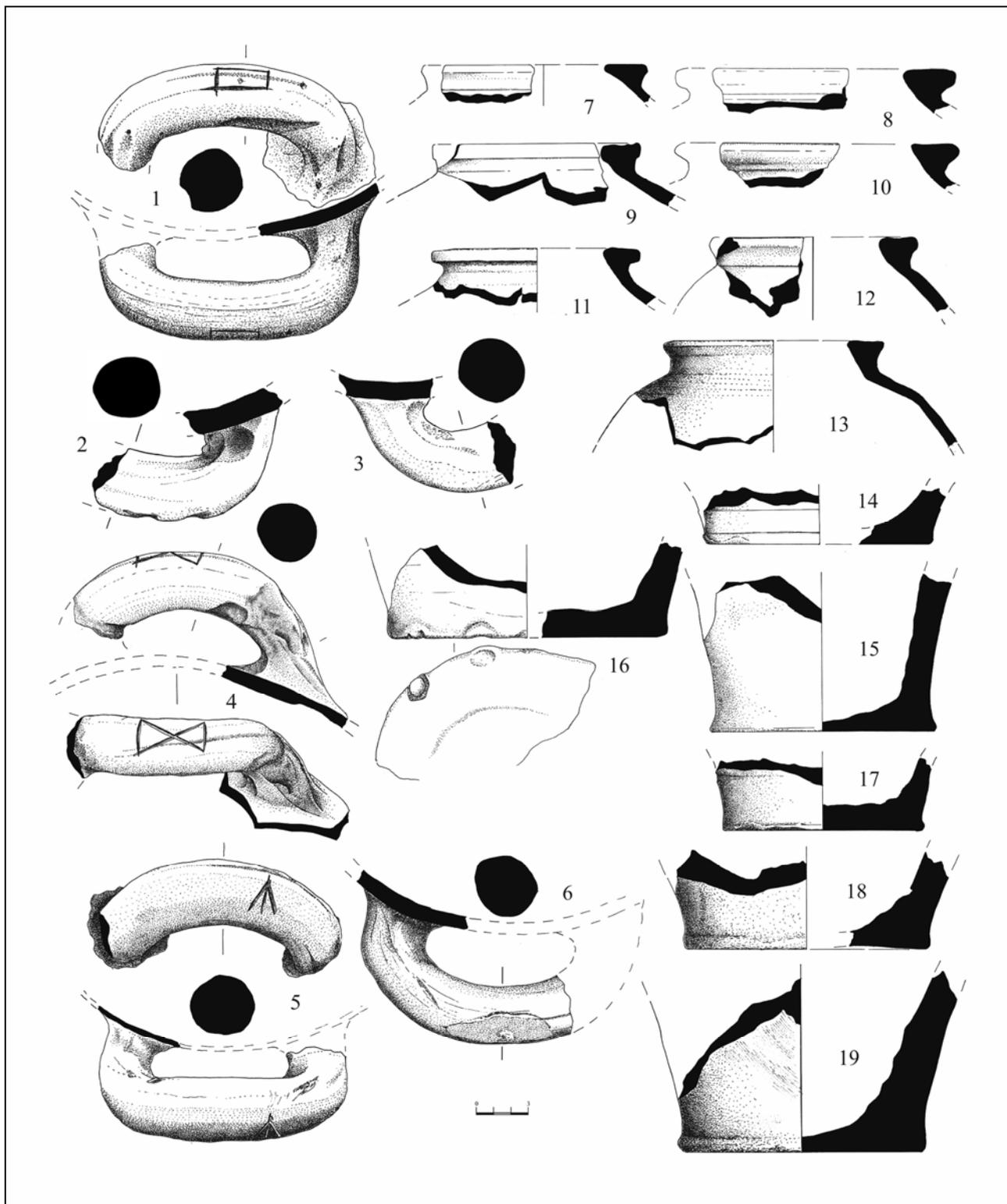

Рис. 11. Урны с горизонтальными ручками: 1—6 — фрагменты ручек; 7—13 — фрагменты верхних частей; 14—19 — фрагменты придонных частей.

Fig. 11. Urns with horizontal handles: 1—6 — fragments of the handles; 7—13 — fragments of the top parts; 14—19 — fragments of the bottom parts.

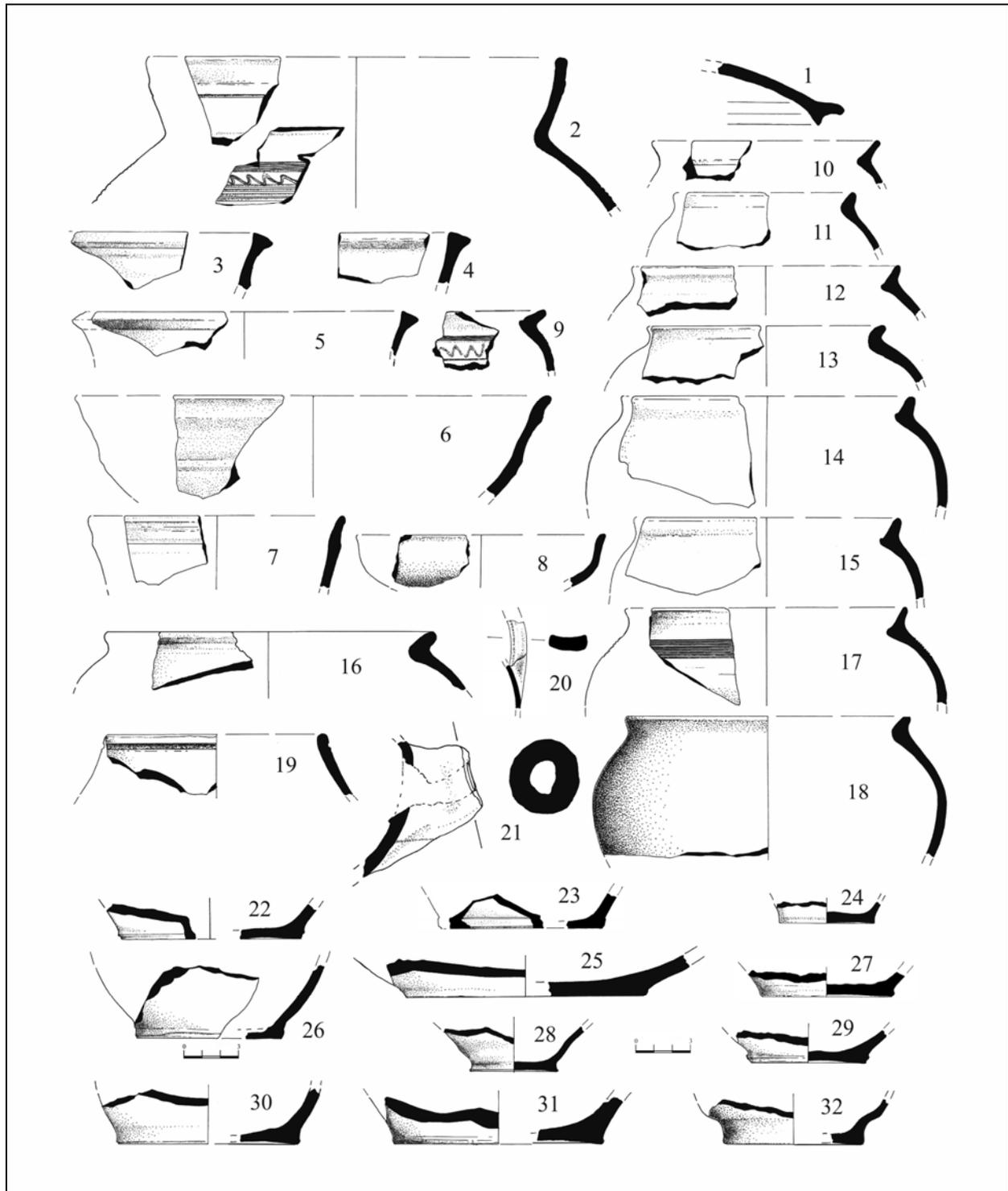

Рис. 12. Серо- и коричневоглиняная русская керамика: 1 — фрагмент крышки; 2 — фрагменты верхней части орнаментированного горшка (имитация белоглиняного); 3—8 — фрагменты венчиков мисок; 9—18 — фрагменты верхних частей горшков; 19 — фрагмент венчика закрытого сосуда; 20 — фрагмент ручки; 21 — фрагмент носика / ручки (?); 22—32 — фрагменты придонных частей.

Fig. 12. Gray and brown-clay Russian ceramics: 1 — fragment of the cover plate; 2 — fragments of the ornamented pot's top part (imitation of white-clay pot); 3—8 — fragments of the bowls' rims; 9—18 — fragments of the pots' top parts; 19 — fragment of the closed vessel's rim; 20 — fragment of the handle; 21 — fragment of the spout / handle (?); 22—32 — fragments of the bottom parts.

Рис. 13. Полуфаянсовые (1—3), керамические (4—7) и стеклянные (8—11) изделия: 1—3 — фрагменты турецких полуфаянсовых чашечек; 4 — шарик; 5, 6 — турецкие керамические курительные трубки (5 — красноглиняная с орнаментом, 6 — сероглиняная с темным ангобом); 7, 8 — придонные части рюмок; 9—10 — фрагменты посуды; 11—14 — бусины.

Fig. 13. Semi-faience (1—3), ceramic (4—7) and glass (8—11) products: 1—3 — fragments of the Turkish semi-faience cups; 4 — ball; 5, 6 — Turkish ceramic tobacco pipes (5 — red clay with ornament, 6 — gray-clay covered with dark engobe); 7, 8 — wine glasses bottom parts; 9—10 — fragments of the dishes; 11—14 — beads.

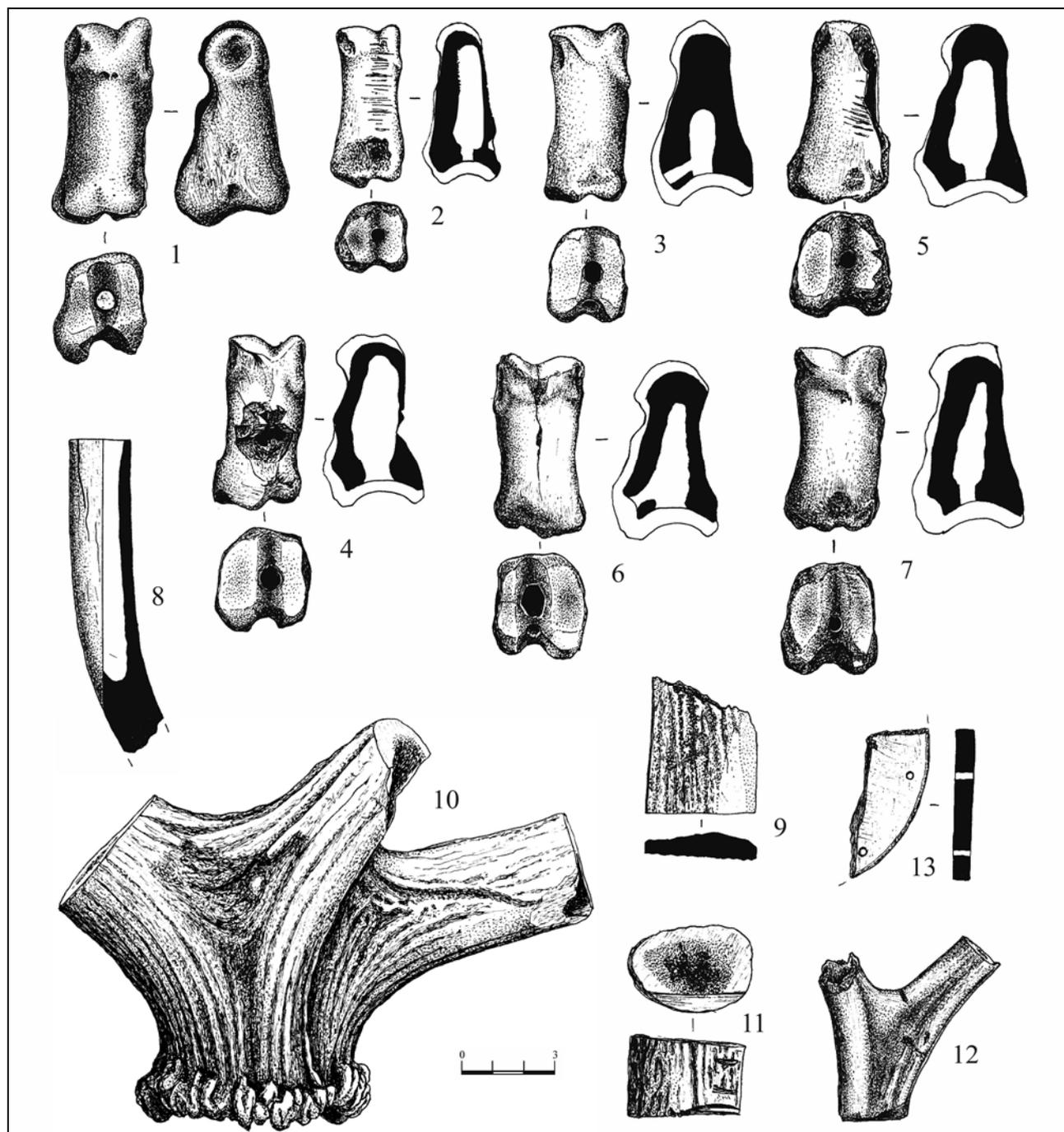

Рис. 14. Изделия из кости: 1—7 — бабки (1 — свинчатка); 8 — изделие из рога козла; 9—11 — изделия из рога благородного оленя; 12 — изделие из рога косули; 13 — фрагмент накладки.

Fig. 14. Products made of bone: 1—7 — knucklebone (1 — plumbago); 8 — product made of the goat's horn; 9—11 — products made of red deer's horns; 12 — product made of the roe deer's horn; 13 — fragment of the cover plate.

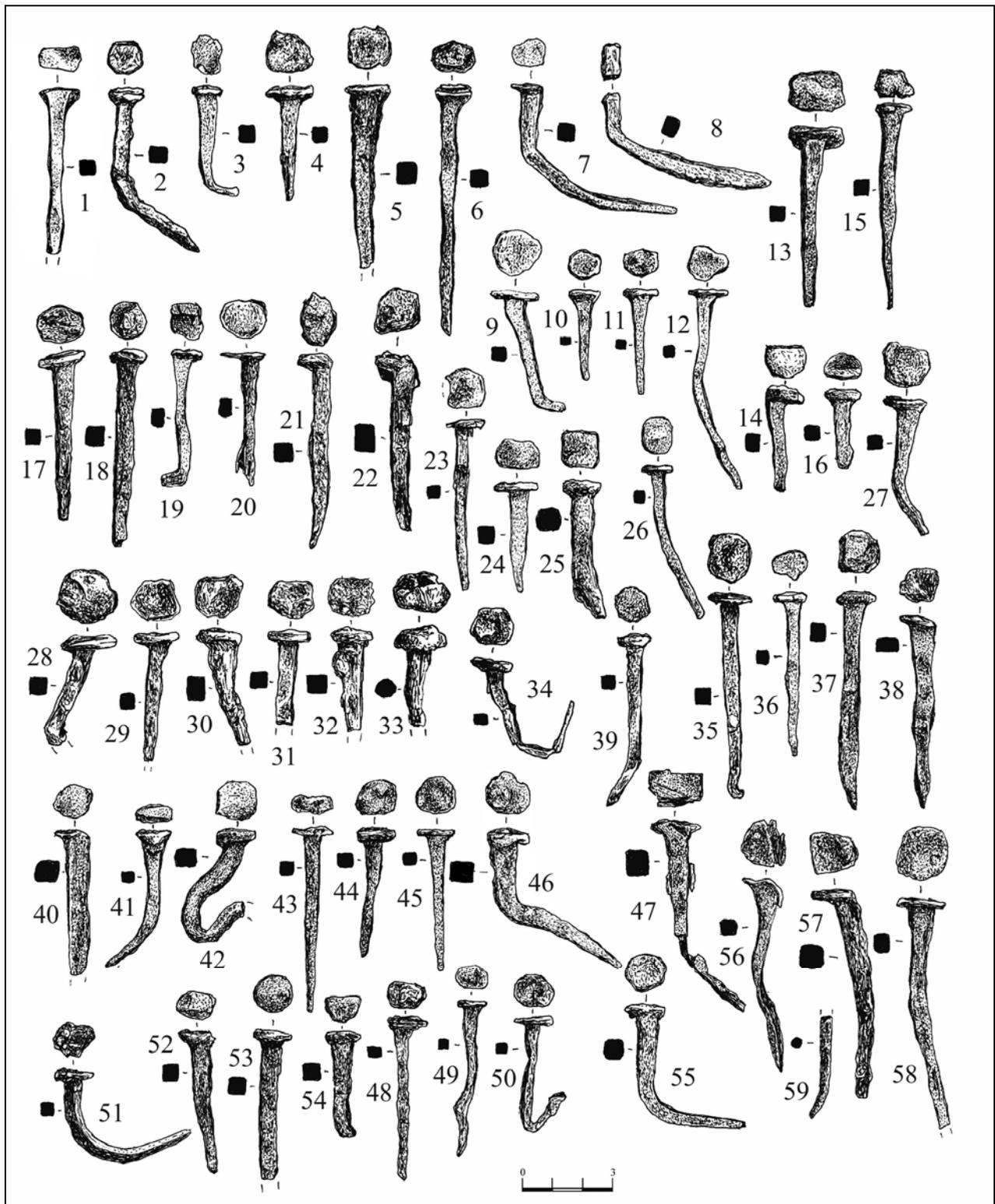

Рис. 15. Предметы быта: 1—59 — одностенные железные гвозди.

Fig. 15. Household items: 1—59 — single-boarding iron nails.

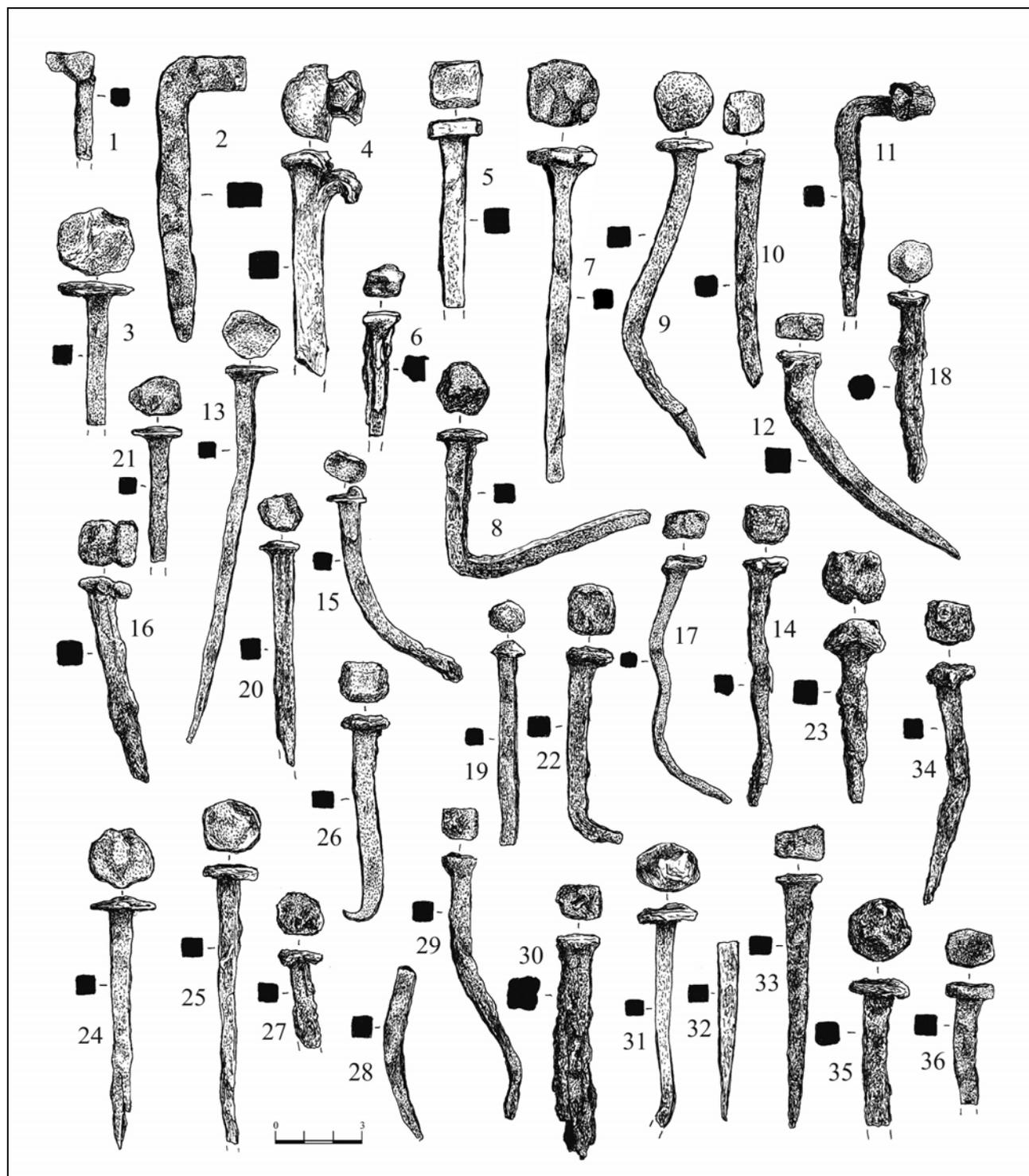

Рис. 16. Предметы быта. Железные гвозди: 1, 2 — сколовые; 3 — кровельный; 4 — четвертый; 5—36 — двустенные.

Fig. 16. Household items. Iron nails: 1, 2 — chipped; 3 — roofing; 4 — quarter; 5—36 — double-boarding.

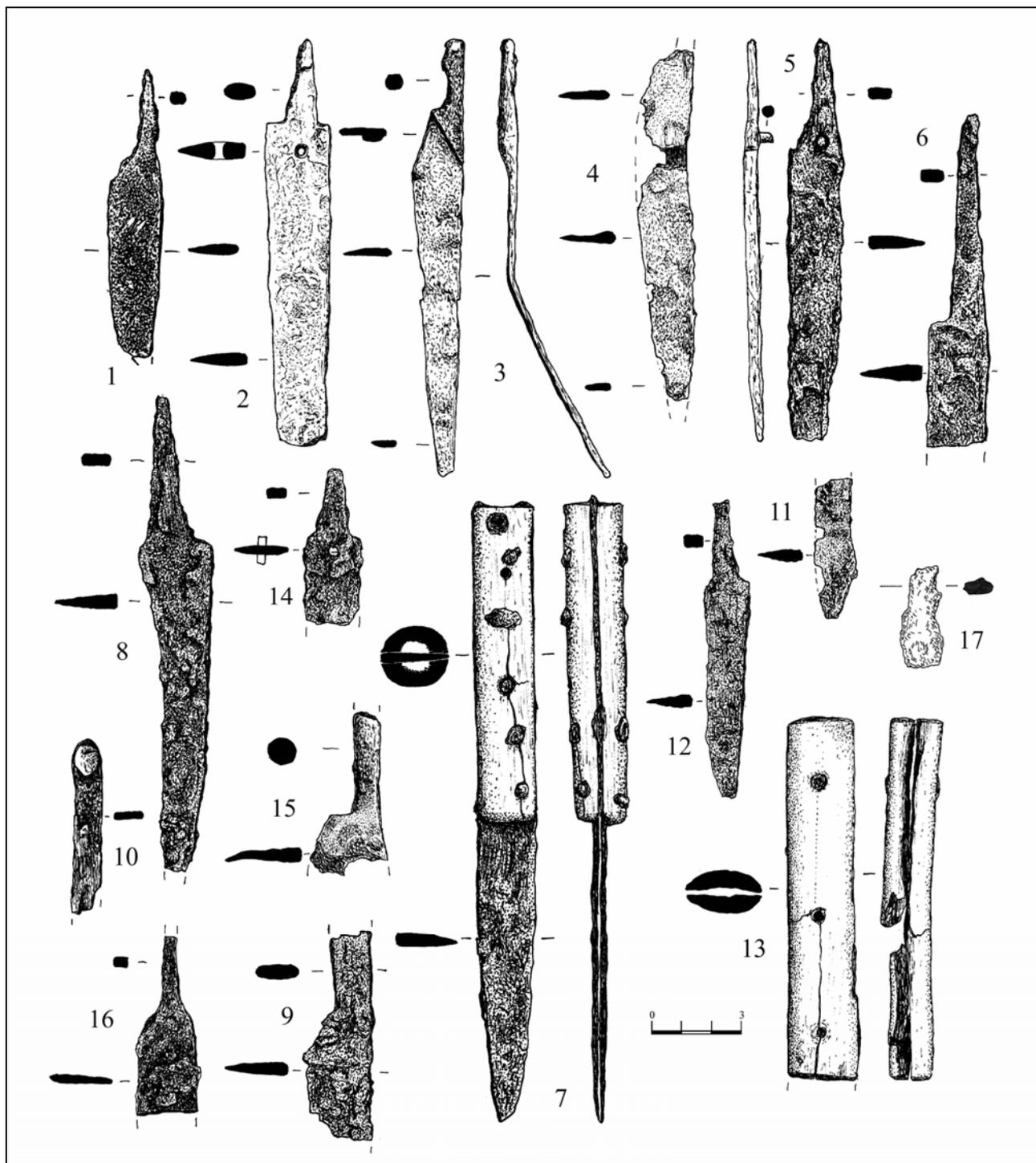

Рис. 17. Предметы быта: 1—17 — железные однолезвийные ножи (7 — с двустворчатой костяной рукоятью), 13 — двустворчатая костяная рукоять.

Fig. 17. Household items: 1—17 — iron single-edged knives (7 — with a bivalve bone handle), 13 — bivalve bone handle.

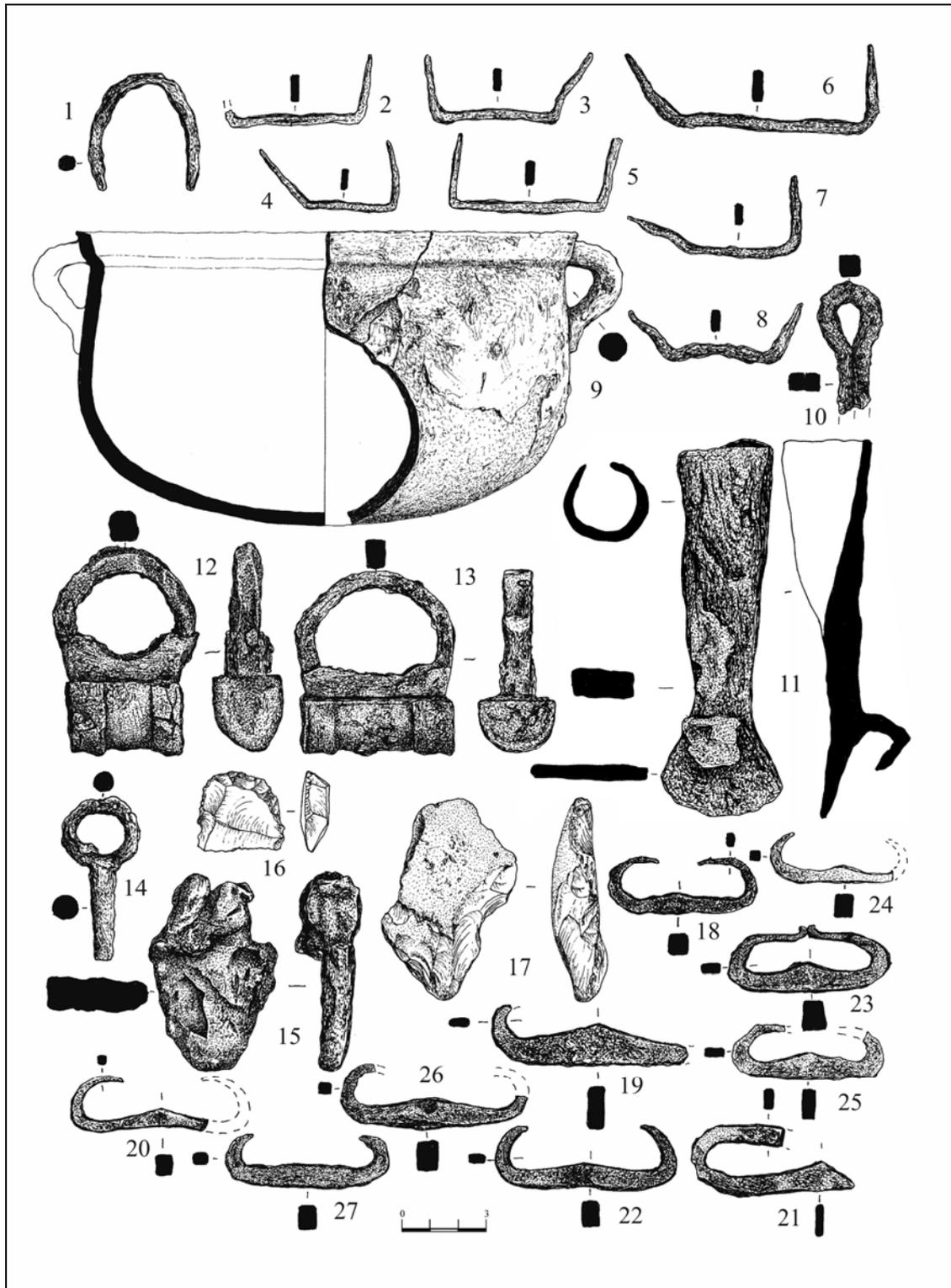

Рис. 18. Предметы быта: 1—8 — скобы: 1 — дуговидная; 2—8 — прямоугольные; 9 — фрагмент чугушка; 10 — ушко от бадьи; 11 — наконечник чепельника (сковородника); 12, 13 — навесные замки; 14 — ключ; 15 — дверная петля; 16, 17 — кресальные кремни; 18—27 — кресала. 1—8, 10—15, 18—27 — железо; 9 — чугун; 16—17 — кремень.

Fig. 18. Household items: 1—8 — staples: 1 — arcuate; 2—8 — rectangular; 9 — fragment of the pot; 10 — eyelet of the tub; 11 — tip of the panhandle; 12, 13 — padlocks; 14 — key; 15 — door hinge; 16, 17 — flintstones; 18—27 — flints. 1—8, 10—15, 18—27 — iron; 9 — cast iron; 16—17 — flint.

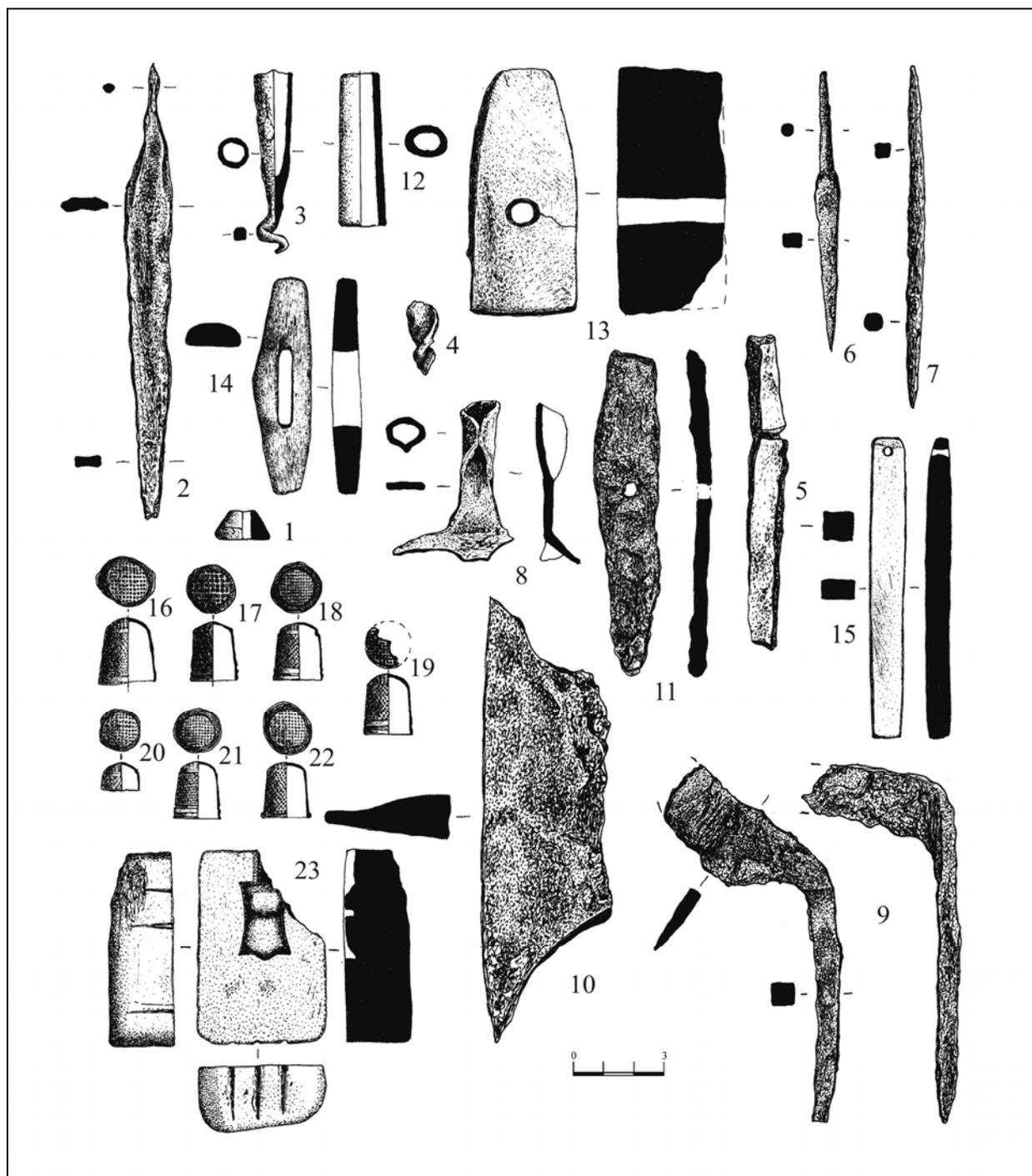

Рис. 19. Предметы быта: 1 — грузик; 2 — напильник; 3 — наконечник штопора; 4 — фрагмент сверла; 5 — держатель лучины; 6, 7 — шилья; 8 — наконечник инструмента; 9 — фрагмент скобелки; 10 — фрагмент лезвия топора; 11 — шеколда; 12 — рукоять; 13 — молоток-киянка; 14 — петля от лошадиных пут; 15 — оселок; 16—22 — наперстки; 23 — створка брикетной литейной полуформы. 1 — свинец; 2—11 — железо; 12—14 — кость; 14 — камень; 15—21 — медный сплав; 22 — керамика.

Fig. 19. Household items: 1 — weight; 2 — file; 3 — tip of the corkscrew; 4 — fragment of the drill bit; 5 — ray holder; 6, 7 — awls; 8 — tool tip; 9 — fragment of the planishing knife; 10 — fragment of the axe blade; 11 — heck; 12 — handle; 13 — hammer-mallet; 14 — loop from the horses' fetters; 15 — whetstone; 16—22 — thimbles; 23 — leaflet of the briquette foundry mold. 1 — lead; 2—11 — iron; 12—14 — bone; 14 — stone; 15—21 — copper alloy; 22 — ceramics.

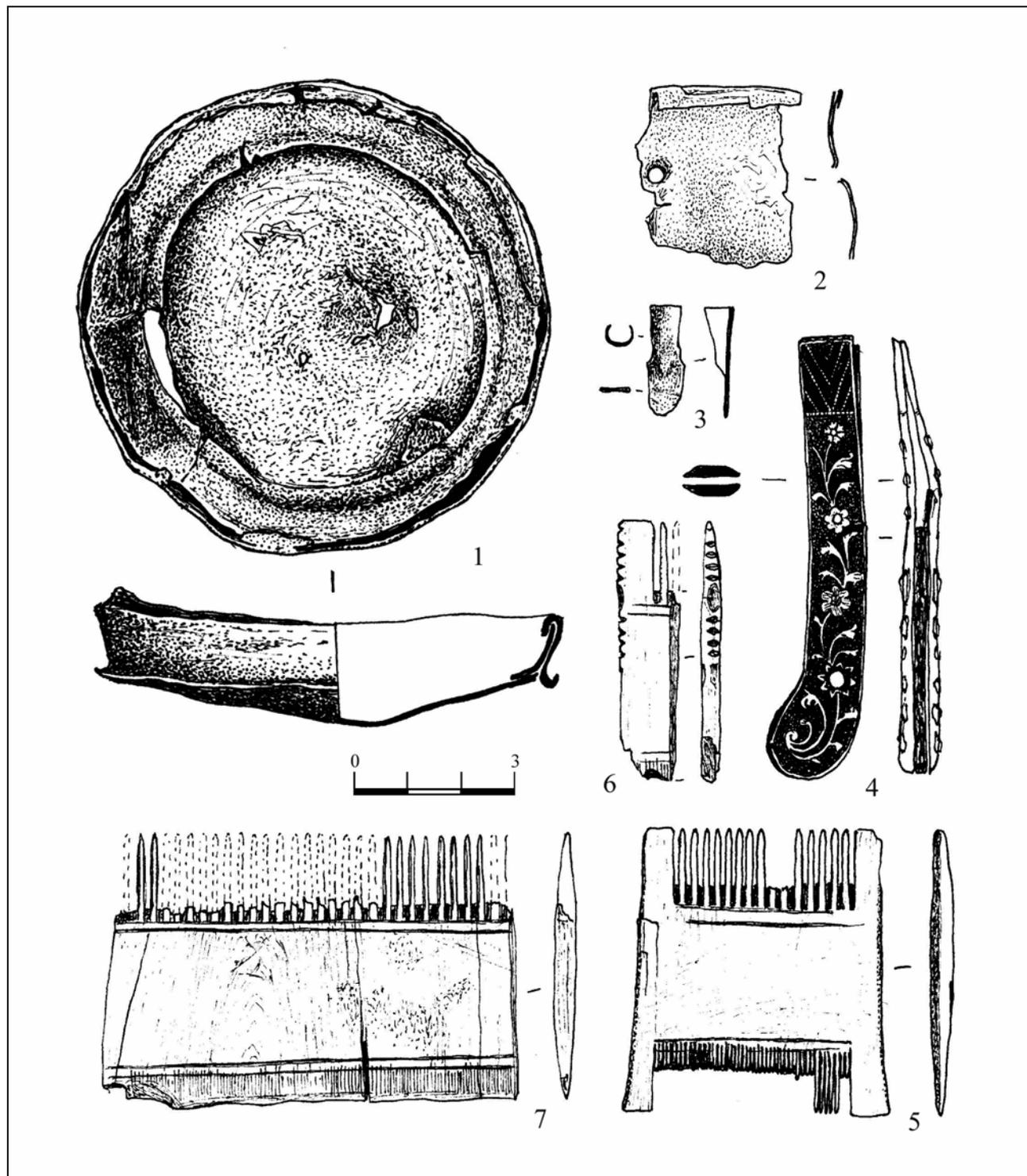

Рис. 20. Предметы туалета: 1 — чашечка; 2 — фрагмент венчика сосуда; 3 — наконечник лопаточки; 4 — орнаментированная двустворчатая рукоять бритвы; 5—7 — двусторонние гребешки. 1—4 — бронза, 5—7 — кость.

Fig. 20. Toilet wares: 1 — cup; 2 — fragment of the pot's rim; 3 — tip of the spatula; 4 — ornamented double-winged razor handle; 5—7 — bilateral scallops. 1—4 — bronze, 5—7 — bone.

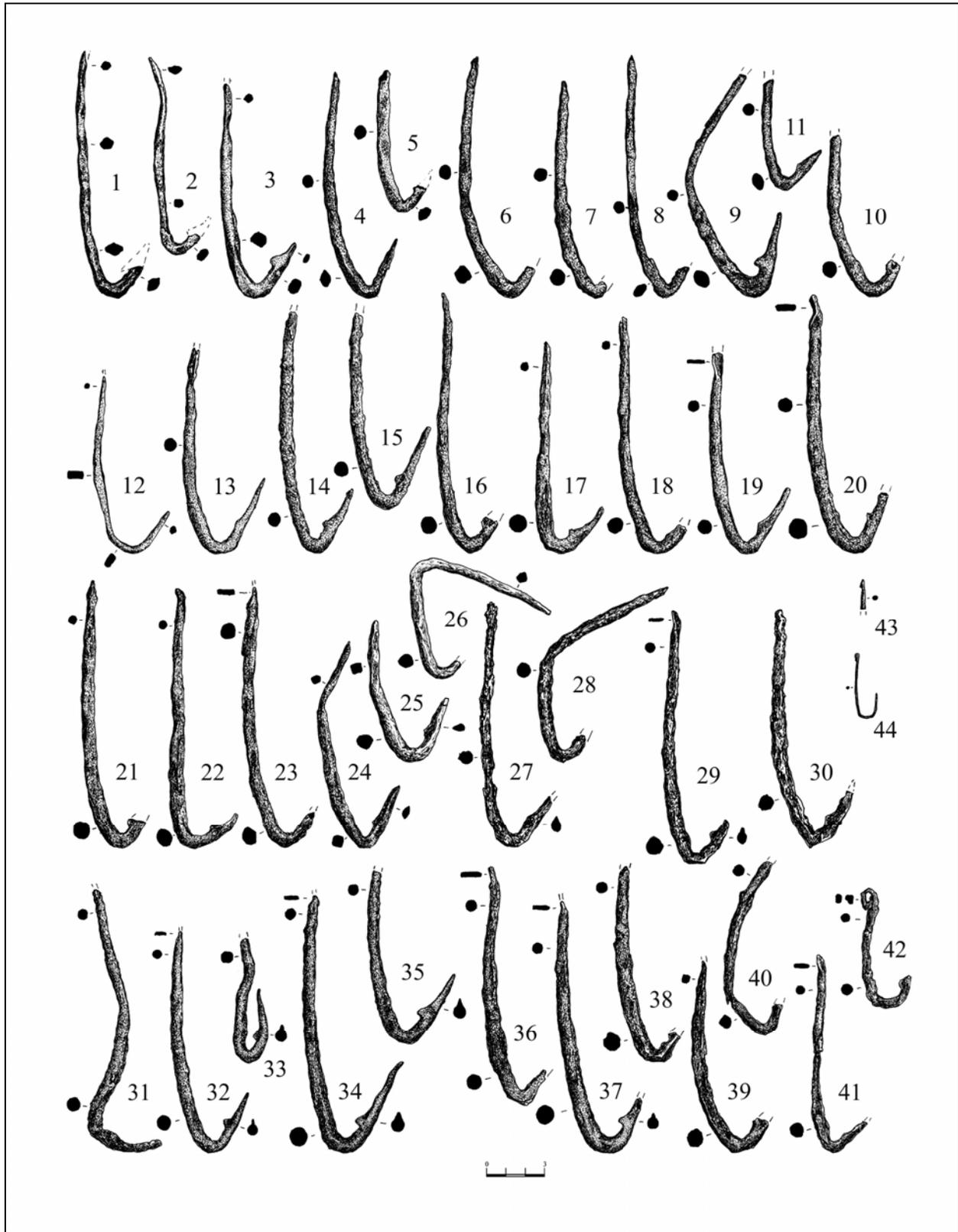

Рис. 21. Металлические крюки и крючки: 1—41 — железные крюки самоловов; 42, 43 — железные рыболовные; 44 — бронзовый рыболовный.

Fig. 21. Metal hooks: 1—41 — iron hooks of self-fishing tackle; 42—43 — iron fishing hooks; 44 — bronze fishing hook.

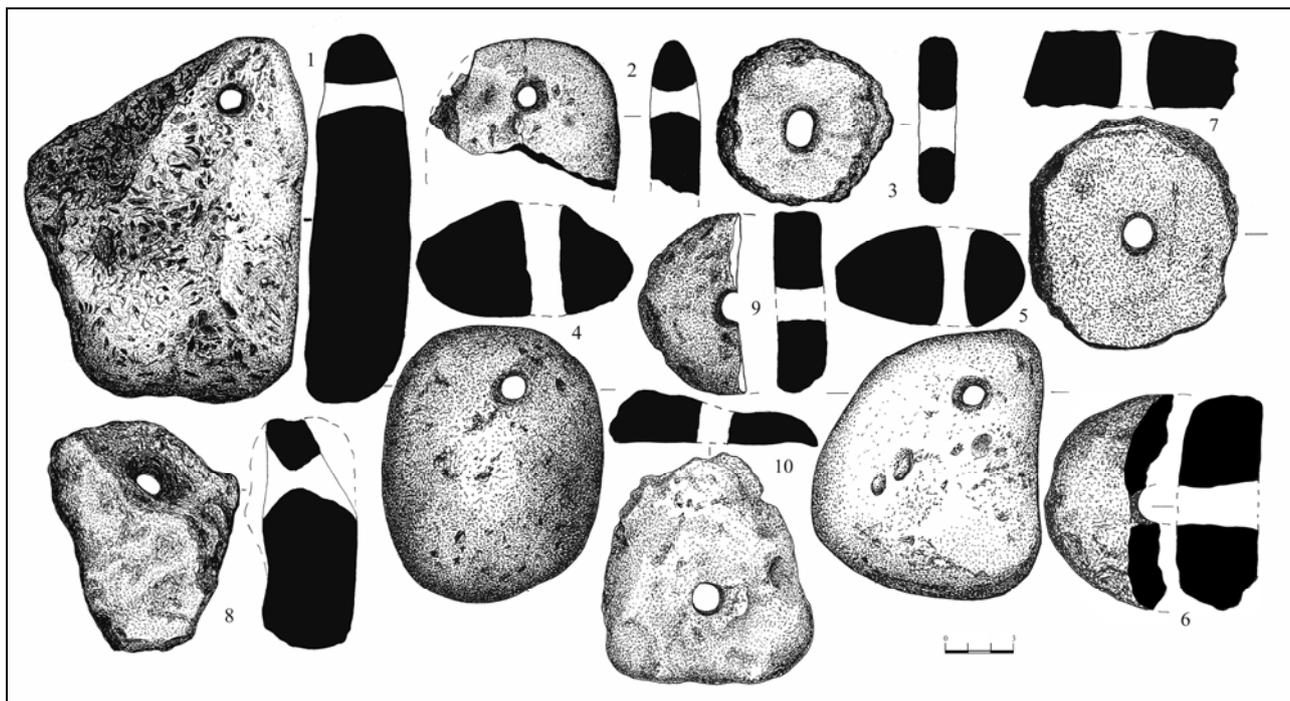

Рис. 22. Каменные грузила для рыболовных сетей: 1—2, 4—9 — камень, 3 — керамика.

Fig. 22. Stone sinkers for fishing nets: 1—2, 4—9 — stone, 3 — ceramics.

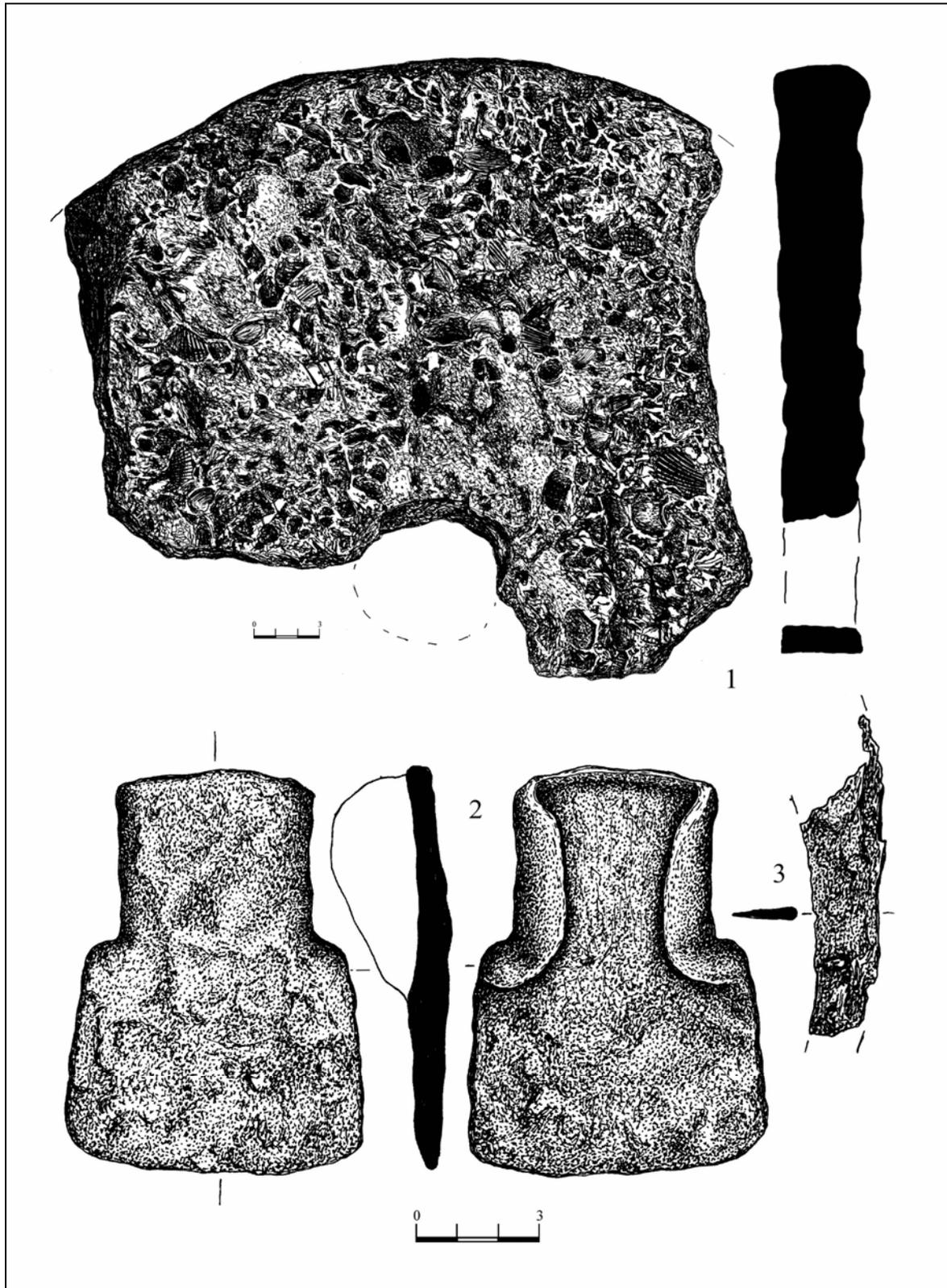

Рис. 23. Сельскохозяйственный инвентарь: 1 — фрагмент жернова из ракушечника; 2 — железный наконечник тесла-мотыжки; 3 — фрагмент железного серпа.

Fig. 23. Agricultural implements: 1 — fragment of millstone made of shell rock; 2 — iron tip of the addice hoe; 3 — fragment of the iron sickle.

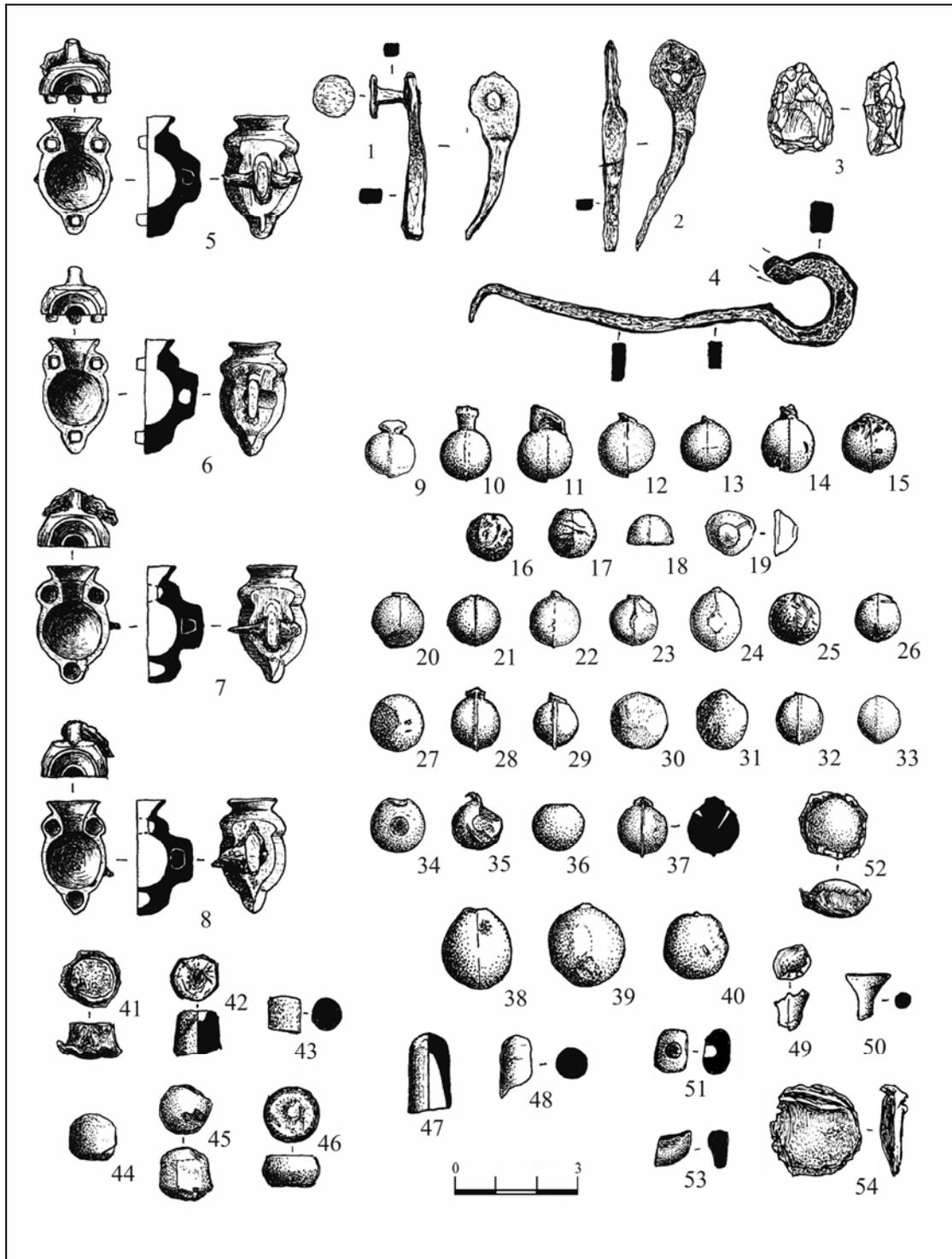

Рис. 24. Предметы вооружения: 1—4 — фрагменты огнестрельного оружия: 1, 2 — железные спусковые крючки; 3 — кремнь ружейного замка; 4 — фрагмент железной боевой пружины ружейного замка; 5—8 — бронзовые пулелейки; 9—41 — свинцовые сферические пули; 41—46 — свинцовые пули-секанцы; 47, 48 — свинцовые цилиндрические пули с округлой головкой; 49—54 — отходы производства пуль.

Fig. 24. Armament items: 1—4 — fragments of the firearms: 1, 2 — iron triggers; 3 — flint of the gunlock; 4 — fragment of the gunlock's iron battle spring; 5—8 — bronze casting-molds of spherical bullet; 9—41 — lead spherical bullets; 41—46 — lead truncated bullets; 47, 48 — lead cylindrical bullets with the semi-spheric head; 49—54 — wastes of the bullet's production.

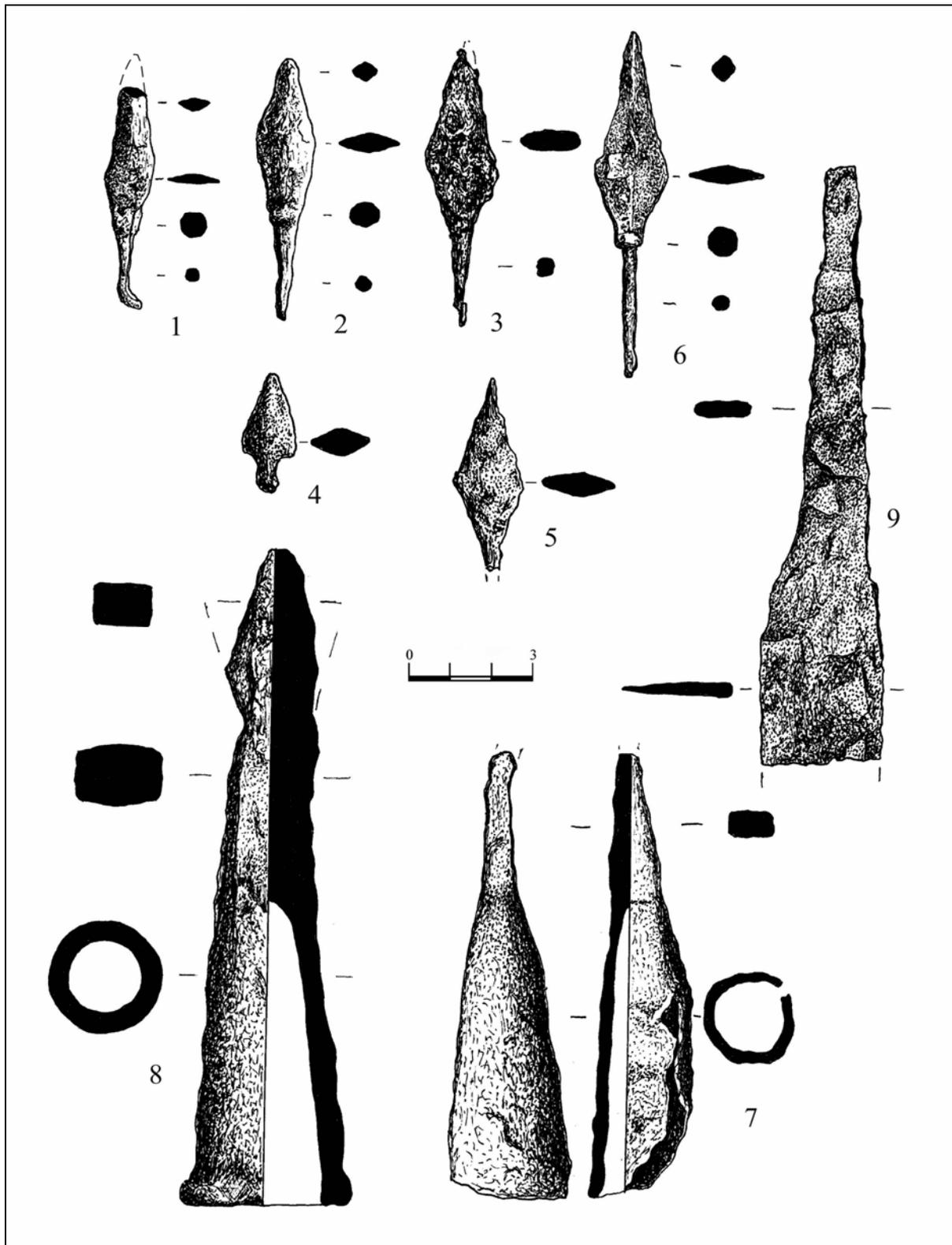

Рис. 25. Предметы вооружения: 1—6 — железные черешковые ромбические наконечники стрел; 7, 8 — железные наконечники пик; 9 — фрагмент железной сабли.

Fig. 25. Armament items: 1—6 — iron petiolate rhombic arrowheads; 7, 8 — iron tips of the peaks; 9 — fragment of the iron saber.

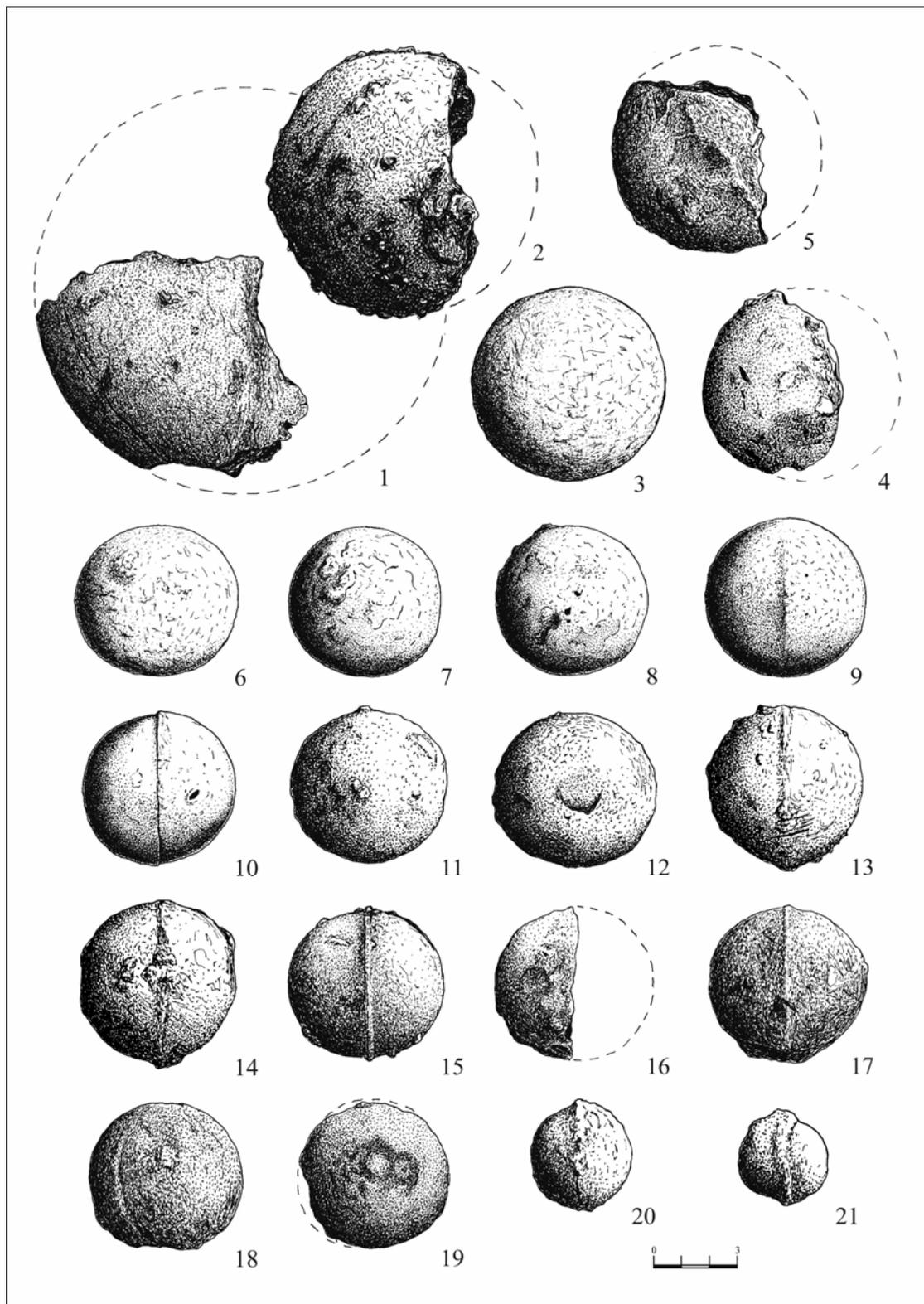

Рис. 26. Чугунные пушечные ядра: 1 — диаметром 146 мм; 2 — диаметром 93 мм; 3 — диаметром 76 мм; 4, 5 — диаметром 65—67,5 мм; 6—19 — диаметром 53—57 мм; 20 — диаметром 40 мм; 21 — диаметром 30 мм.

Fig. 26. Cast iron cannonballs: 1 — with a diameter of 146 mm; 2 — with a diameter of 93 mm; 3 — diameter of 76 mm; 4, 5 — with a diameter of 65—67,5 mm; 6—19 — with a diameter of 53—57 mm; 20 — with a diameter of 40 mm; 21 — with a diameter of 30 mm.

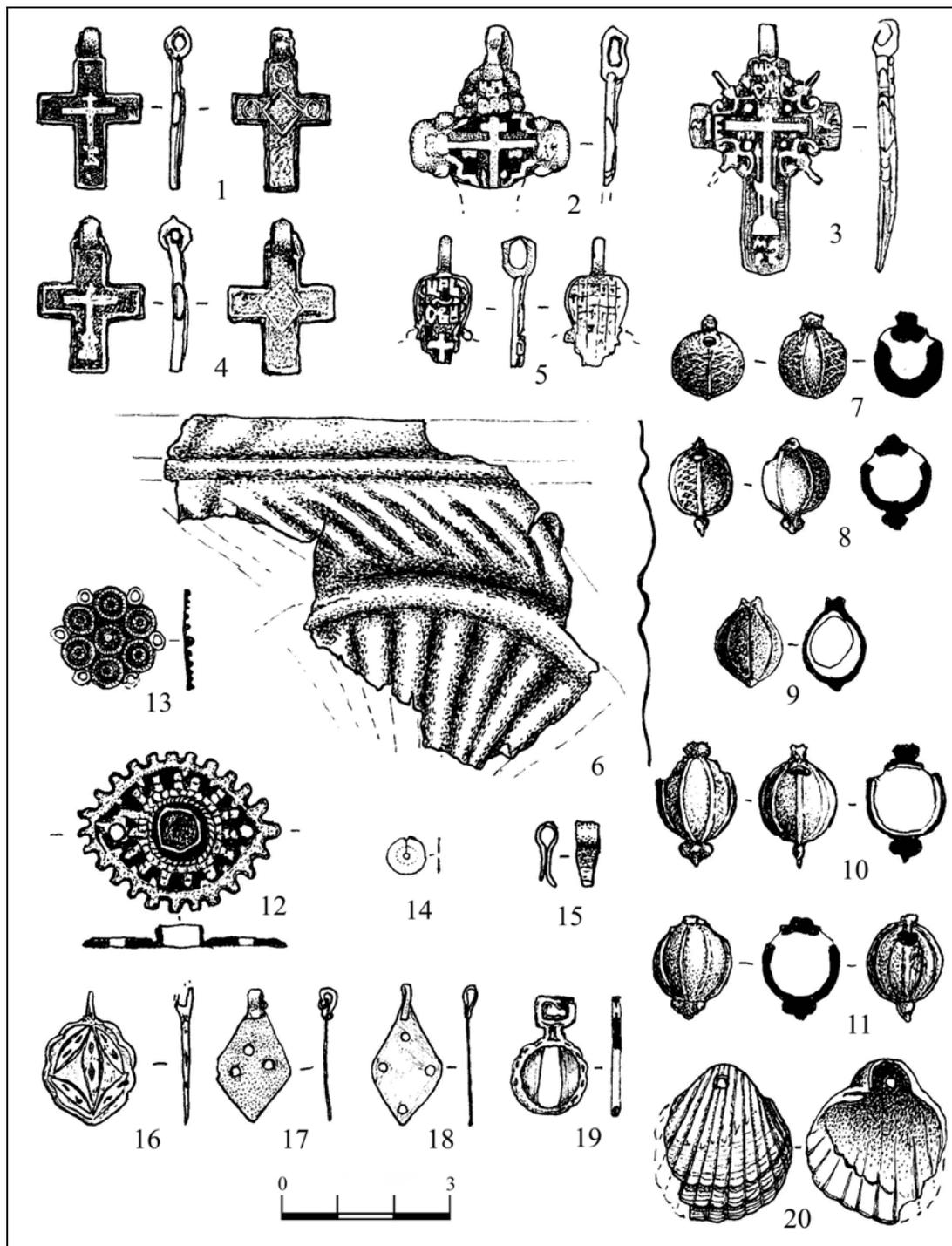

Рис. 27. Предметы культа (1—6) и детали костюма (7—20): 1—5 — литые кресты-тельники; 6 — фрагмент обкладки иконы; 7—11 — привески-бубенцы; 12 — нашивная пластина; 13 — розетка; 14 — нашивная блеска; 15—20 — привески. 1, 3—6, 13—15, 17, 19 — бронза; 2 — олово (?); 7—11 — медно-оловянный сплав; 12 — бронза с позолотой и серебрением; 16 — латунь (?), 18 — серебро; 20 — раковина моллюска.

Fig. 27. Devotional articles (1—6) and costume details (7—20): 1—5 — solid underwear crosses; 6 — fragment of the icon's plate; 7—11 — pendants-bells; 12 — solid shaped plate; 13 — shaped rosette-plate; 14 — shaped decorate sparkle; 15—20 — pendants. 1, 3—6, 13—15, 17, 19 — bronze; 2 — tin (?); 7—11 — copper-tin alloy; 12 — bronze with gilding and silvering; 16 — brass (?), 18 — silver; 20 — shell of the mollusk.

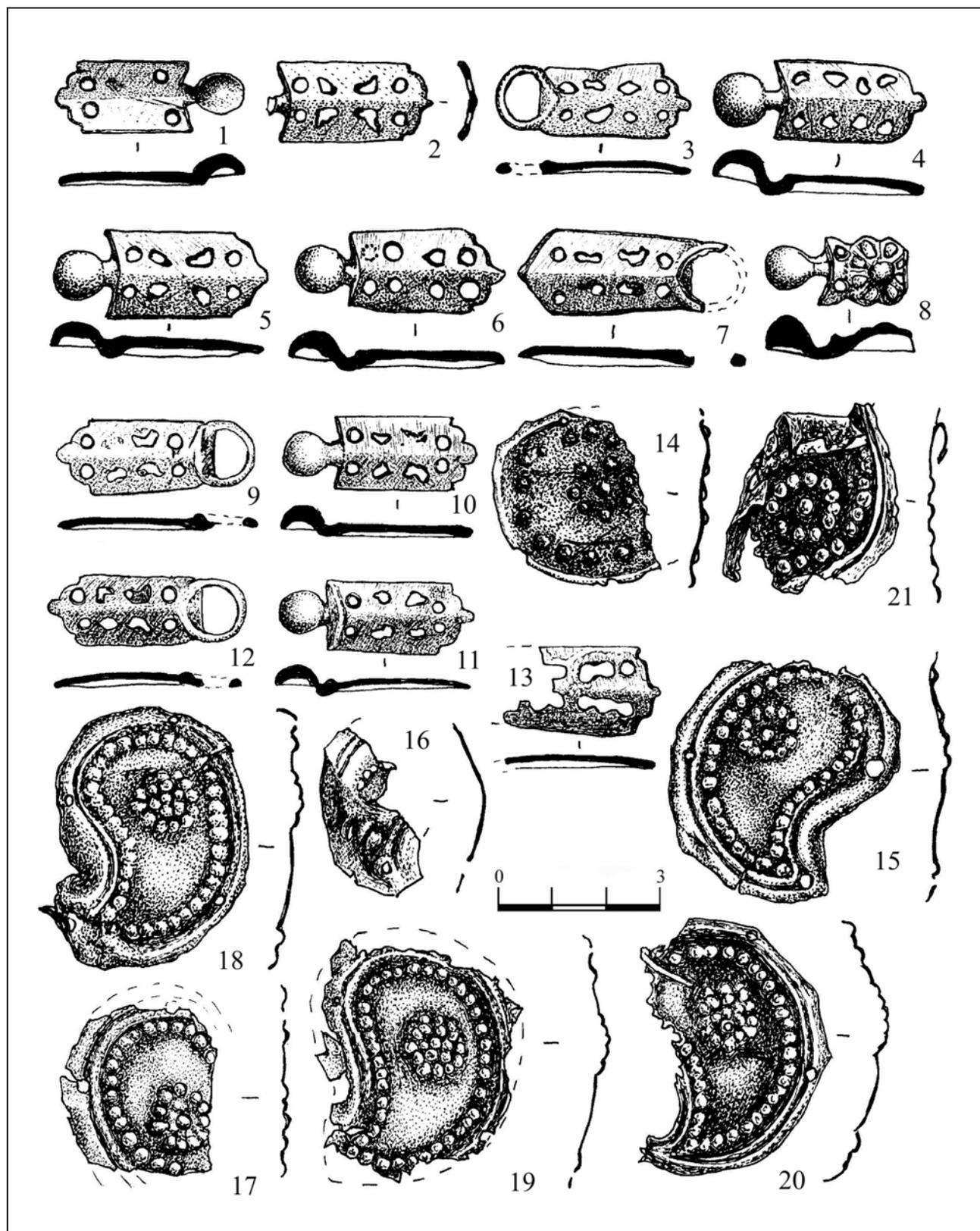

Рис. 28. Детали ногойского костюма: 1—13 — кафтанные застежки бронзовые (3 — серебряная); 14—21 — бронзовые нашивные пластины с чеканным орнаментом.

Fig. 28. Nogai costume details: 1—13 — bronze cuff clasps (3 — silver); 14—21 — bronze shaped plates with stamped ornament.

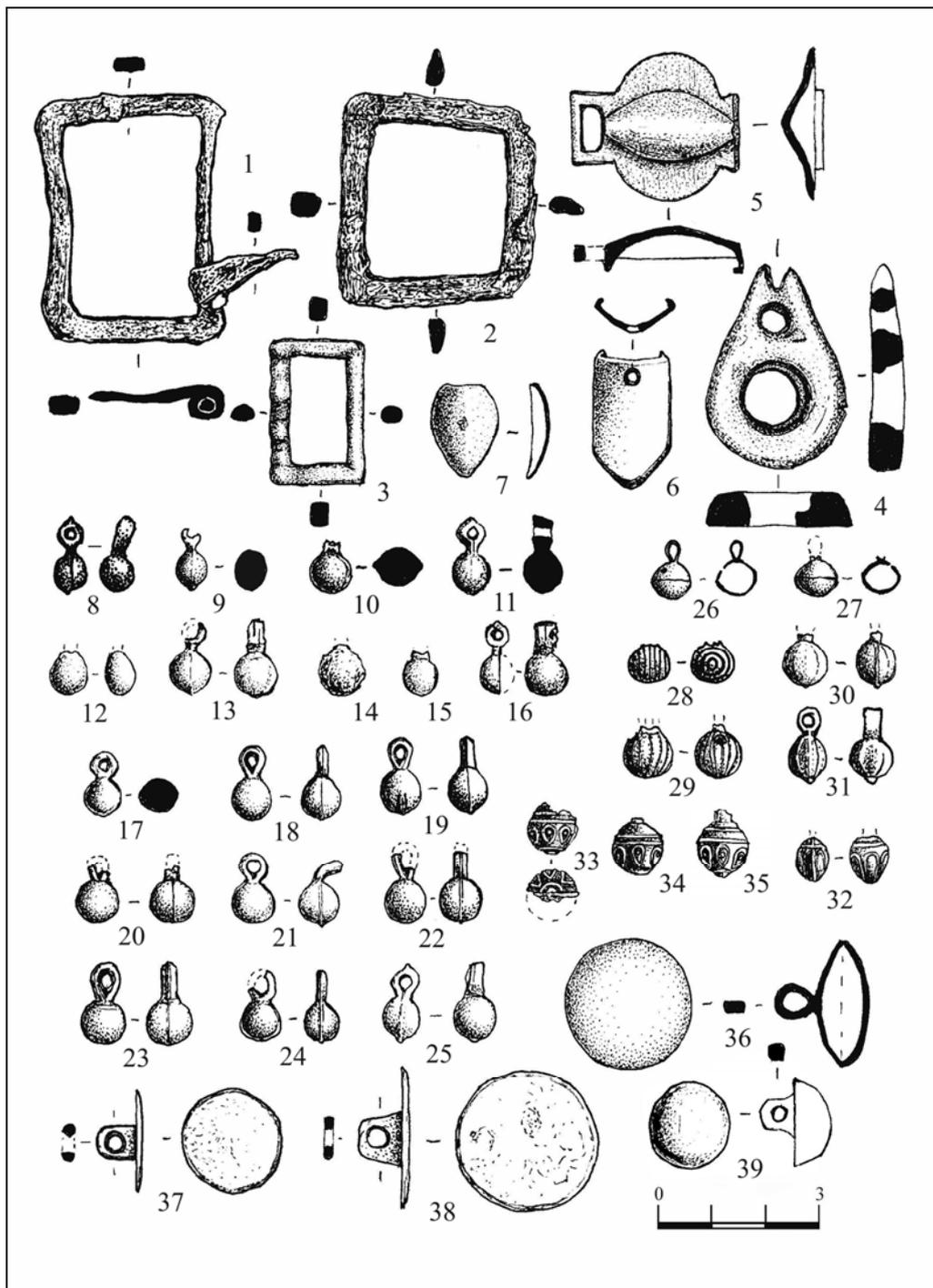

Рис. 29. Детали русского костюма: 1—3 — рамчатые пряжки; 4 — цельнолитая пряжка; 5 — цельнолитая бляха; 6 — оконечник ремня; 7 — пуговица-чешуйка; 8—32 — пуговицы-гирьки с ушком; 33—35 — орнаментированные пуговицы-привески; 36 — круглая полая сварная пуговица с поперечным ушком; 37—38 — круглые плоские пуговицы с поперечным ушком; 39 — пуговица мундира. 1—2 — железо; 3, 5—7, 26—27, 36—39 — бронза; 4 — свинец; 8—25, 28—35 — медно-оловянный сплав.

Fig. 29. Russian costume details: 1—3 — frame buckles; 4 — solid buckle; 5 — solid metal plate; 6 — belt tab; 7 — squama button; 8—32 — plummet buttons with an eyelet; 33—35 — ornamented hanging buttons; 36 — circular hollow welded button with a transverse eyelet; 37—38 — circular plane buttons with a transverse eyelet; 39 — uniform button. 1—2 — iron; 3, 5—7, 26—27, 36—39 — bronze; 4 — lead; 8—25, 28—35 — copper-tin alloy.

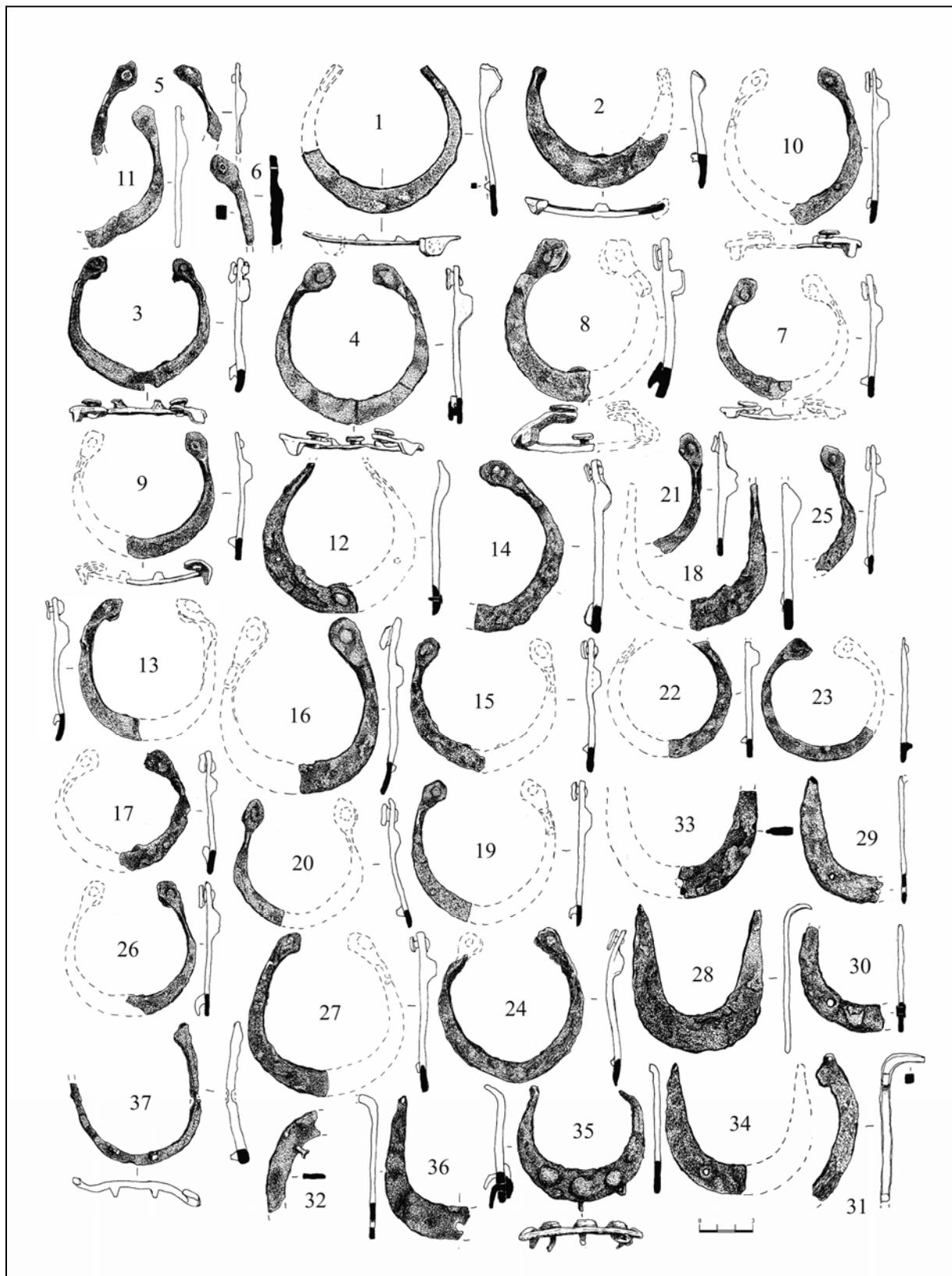

Рис. 30. Обувные железные подковы: 1—28 — с отворотом; 28—36 — плоские с пяточными шипами; 37 — тонкая.

Fig. 30. Shoe iron horseshoes: 1—28 — with rever; 28—36 — flat with calkins; 37 — thin.

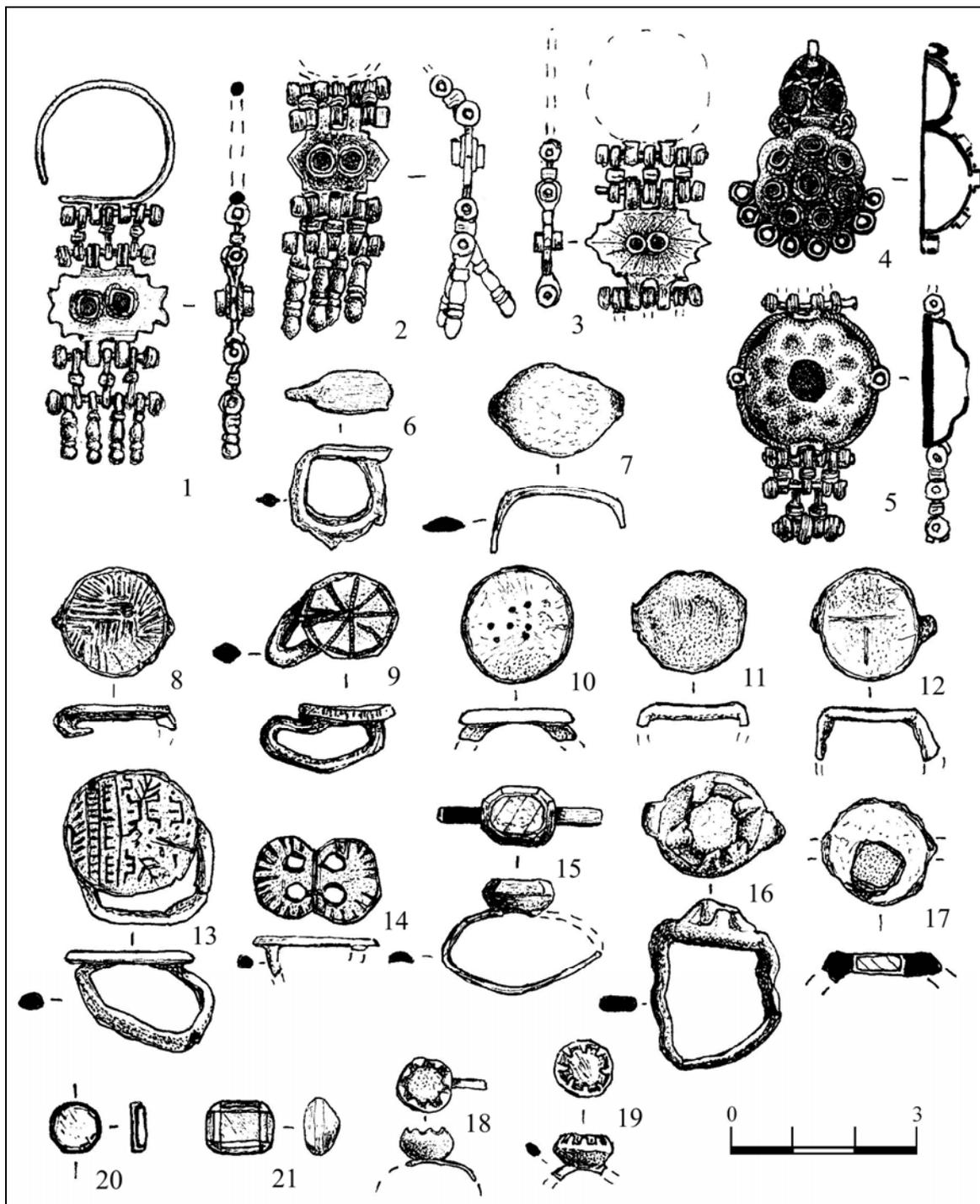

Рис. 31. Украшения: 1—5 — бронзовые многочастные серьги с шумелками; 6, 7 — перстни-печатки (6 — из олова, 7 — из медного сплава); 8—14 — щитковосрединные перстни из медно-оловянного сплава; 15—19 — перстни со вставкой (15 — из медного сплава, 16 — свинцовый (оловянный?) с голубым матовым камнем, 17 — оловянный со стеклянной вставкой, 18—19 — из медного сплава); 20, 21 — стеклянные вставки в перстни (20 — шайбовидная, 21 — ступенчатой изумрудной огранки).

Fig. 31. Ornaments: 1—5 — bronze multi-part earrings with musicians; 6, 7 — signet rings (6 — of tin, 7 — of copper alloy); 8—14 — shield-resembling rings of copper-tin alloy; 15—19 — rings with an inset (15 — of copper alloy, 16 — of lead (tin?) with a blue matte stone, 17 — of tin with a glass inset, 18—19 — of copper alloy); 20, 21 — glass insets in the rings (20 — circular, 21 — cutted as emerald).

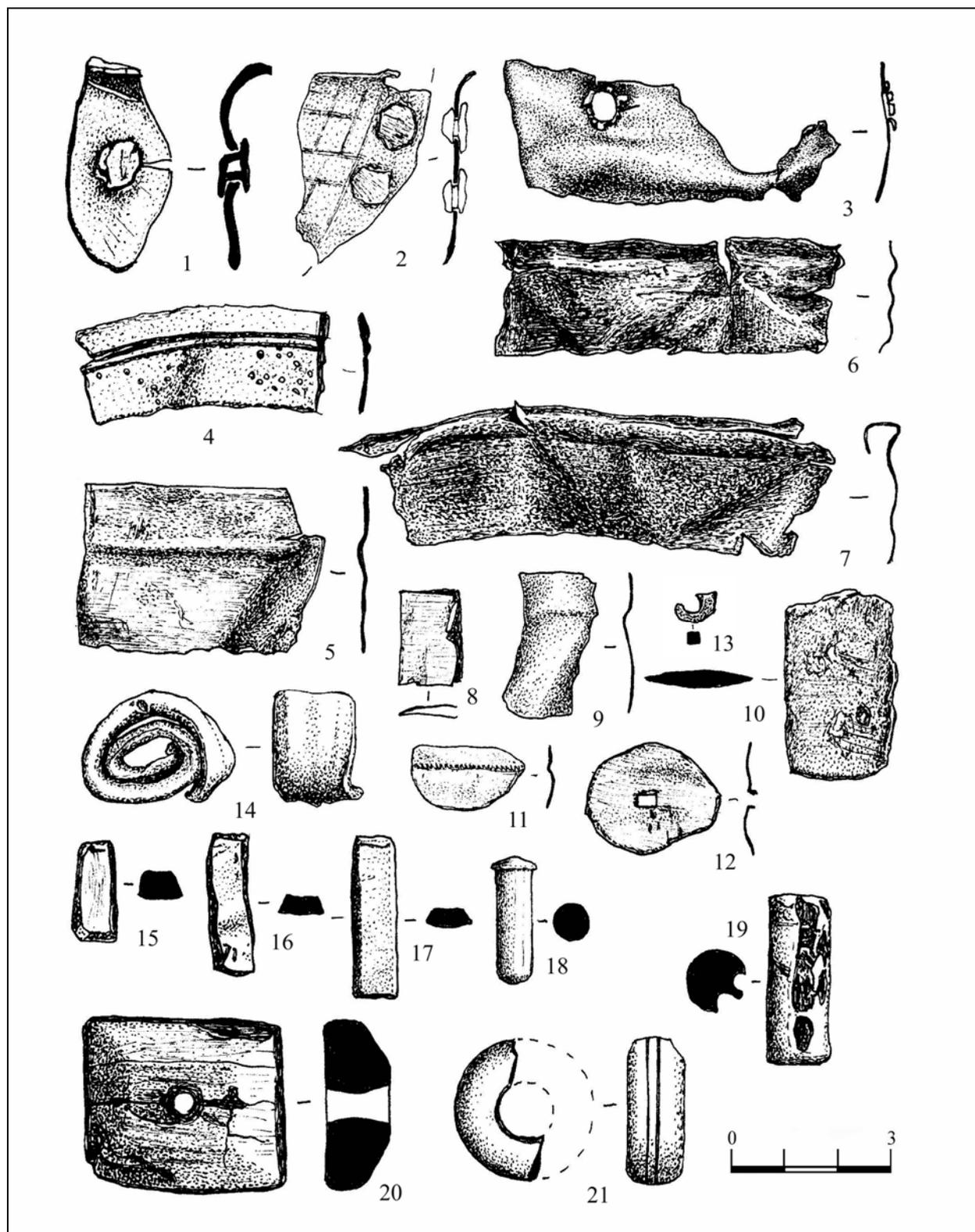

Рис. 32. Различные предметы из бронзы (1—11), свинца (рис. 12—20), дерева (21) и камня (22): 1, 2 — фрагменты пластин с клепками; 3—12 — фрагменты пластин; 13 — фрагмент изделия; 14 — свернутая пластина; 15—19 — слитки; 20 — изделие; 21 — фрагмент кольца.

Fig. 32. Various objects of bronze (1—11), lead (12—20), wood (21) and stone (22): 1, 2 — fragments of the plates with rivets; 3—12 — fragments of the plates; 13 — fragment of the product; 14 — folded plate; 15—19 — ingots; 20 — product; 21 — fragment of the ring.

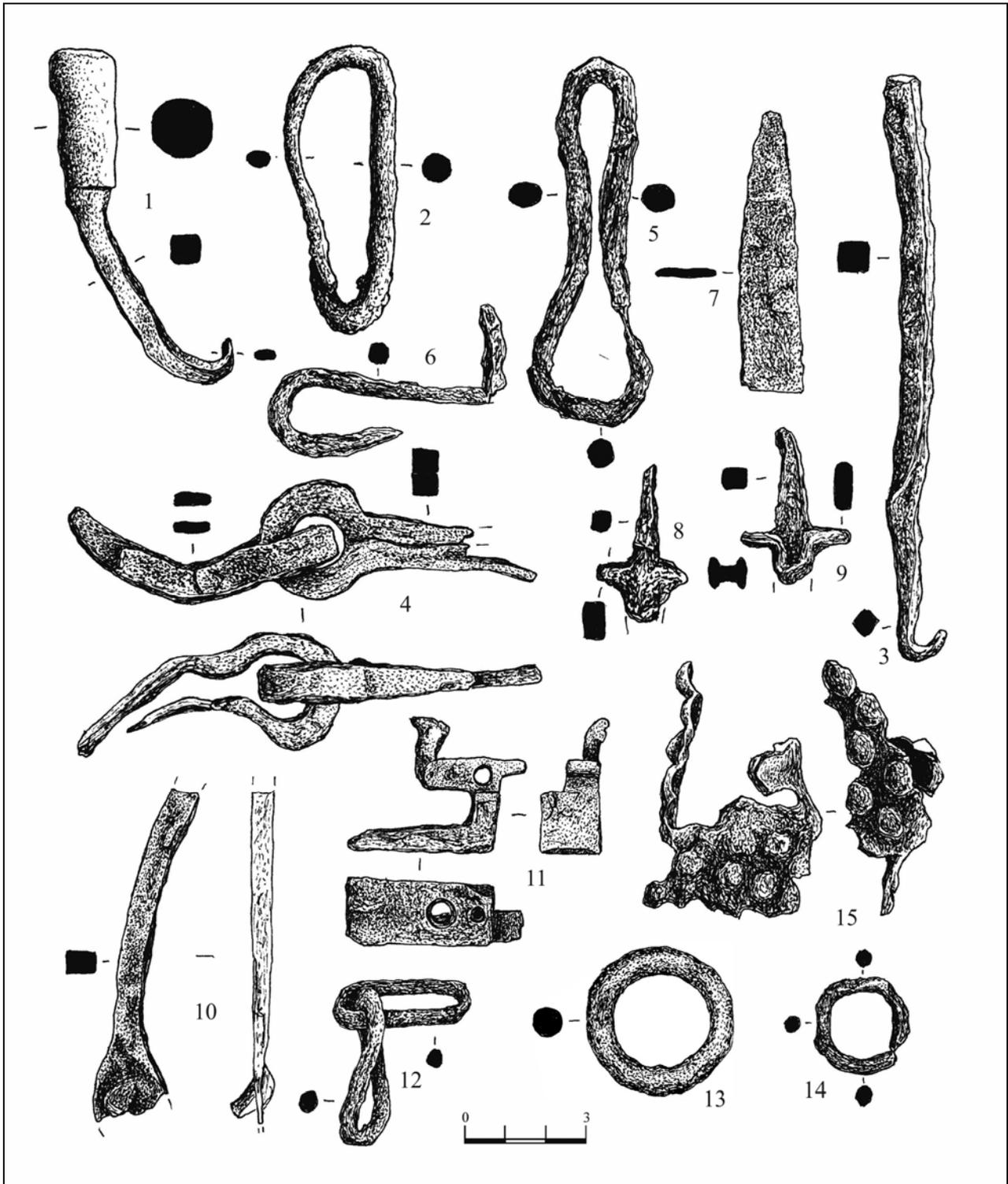

Рис. 33. Различные предметы из железа: 1 — крюк; 2 — карабин; 3 — фрагмент удила; 4 — прут с крючком на конце; 5 — вытянутое восьмеркообразное кольцо; 6 — изделие из прута; 7 — фрагмент железной пластины; 8—9 — фрагменты деталей; 10 — фрагмент продолговатого изделия; 11 — деталь; 12 — фрагмент цепи из двух звеньев; 13—14 — кольца; 15 — гофрированная пластина.

Fig. 33. Various objects of iron: 1 — hook; 2 — safety hook; 3 — fragment of the bits; 4 — rod with a hook at the end; 5 — elongated eight-shaped ring; 6 — rod product; 7 — fragment of the iron plate; 8—9 — fragments of the details; 10 — fragment of the elongated article; 11 — detail; 12 — two links of the chain; 13—14 — rings; 15 — corrugated plate.